

Надежда ВАСИЛЬЕВА

**ПО ПРОЗВИЩУ
ГУМАНОИД**

(Повесть)

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	3
Муравей.....	3
Разборки	5
Дорога	10
«Аборигены»	13
Вождь темнокожих	17
Сон в руку	19
Тет-а-тет	22
Самая счастливая ночь	24
Танцы на углях	28
Остров Откровения	31
Мир рушится	36
Кладбище	38
Постскриптум	40
Часть вторая	42
«Гулливер».....	42
В Петербурге	51
Беда не приходит одна.....	63
В ночь перед Рождеством.....	74
Хандра	83
P.S. Первый день весны.....	90

Часть первая

Муравей

Митька буравил взглядом пол. Хотелось проделать в нем маленькую дырочку, чтобы помочь рыжему муравью спрятаться в подполье. Бедолага в панике бегал вокруг туфель учительницы. Под толстым каблуком правой туфли и находилась та спасительная щель, из которой он недавно выполз. «Беги ты скорее отсюда, беги! – мысленно заклинал его Митька. – А то раздавит она на тебя, глупого. Такая наступит – мокрого места не останется. Ох, и любит она всех давить! Вон как слюнями брызжет».

Муравей, будто прочитав Митькины мысли, быстро повернул в сторону коричневой доски, что висела на зеленой стене класса. Но и там скрыться было негде. Все щели были забиты раскрошенным мелом. Тогда муравей метнулся к столу. Ловко взобрался по его крашеной ножке наверх. Эх, недотепа! Тут уж он был совсем как на ладони. Муравей в растерянности волчком закрутился на одном месте. Потом снова пополз вниз. И как они только вниз головой ползать умудряются? Несколько лет назад Митька со стога падал вот так же, вниз головой. Хорошо еще, что в кучу сена угодил, а то бы черепушка раскололась! Факт! А муравей вон как чешет и в ус не дует. Его так и тянет к этой лаковой туфле. Митька затаил дыхание. Хоть бы Маргарита Рашидовна отошла от стола! Только где там! Стоит как монумент – ни с места!

Мать с отцом сидели за разными столами. Отец справа от Митьки, мать – слева. Как под конвоем! А бородавка над верхней губой Маргариты Рашидовны все плясала и плясала. Отблески запотелых от возбуждения очков, будто маленькие прожекторы, бороздили класс. Когда она выговорится? Из бородавки торчал пучок жестких волосинок. Это придавало лицу учительницы какое-то крысиное выражение. Особенно когда она поворачивала голову в сторону мамы. Когда же взор Маргариты Рашидовны устремлялся на папу, выражение ее лица менялось на глазах. И даже тембр голоса становился другим – металлические звуки куда-то исчезали. Им на смену вступали грудные басы. При этом правая рука ее поправляла пышную прическу. Руке почему-то хотелось, чтобы на прическу папа обратил особое внимание. В Митькином воображении образ учительницы как-то раздваивался. Та, которая смотрела на маму, была жесткой и злой, другая, которая обращалась к папе, была мягкой, терпимой и даже временами красивой. Маме были адресованы те фразы, в которых он, Митька, был упрямым, невнимательным, ленивым. К отцу отсылались более благозвучные эпитеты, такие, как «в общем-то, неглупый и весьма добрый по натуре, но...но... но...!» И об эти «но» можно было спотыкаться на каждом шагу. На Митьку Маргарита Рашидовна не смотрела. А потому

себя как единое целое он тоже воспринимать никак не мог. Да провались вы все в трын-тарары! А где муравей-то? Бедняга, так и не найдя никакого выхода в свободный мир, все путался под ногами учительницы. А что, если направить туда мысли? Дед говорил, что мысль самая могущественная энергия на свете. Нужно только уметь ее правильно сконцентрировать. Та-а-к! Ну, давай, давай, давай! И тут Маргарита Рашидовна потянулась к столу, на котором лежала стопка тетрадей с их сочинениями. Пудовая нога ее поднялась и ...

– Стойте! – вскрикнул Митька. – Не двигайтесь! У вас под ногой муравей.

Внушительная Маргарита Рашидовна так резво отскочила в сторону, будто под ногой у нее был не муравей, а гремучая змея. Мама тоже вздрогнула. У папы по скулам заходили желваки. И глаза из карих превратились в желтые. Ну и пусть! Митька вскочил, подобрал с пола какой-то фантик, посадил на него муравья, спокойно подошел к открытой форточке и осторожно выбросил в нее рыжего скитальца.

– Вот видите? – возвращаясь на исходные позиции к столу, с придыханием произнесла Маргарита Рашидовна. – Как это называется? И так каждый день. Заикой можно стать! Ребята над ним уже смеются. Нормальный парень, а ведет себя так, будто он... – она замялась, пытаясь подобрать наиболее подходящее слово, – ну, как бы не от мира сего.

Она, наконец, замолчала. Стала рыться в своих умных мыслях. Села бы хоть, что ли.... Почему учителя всегда стоят перед классом? Наверное, стоя, легче на людей давить.

Но пауза длилась недолго. Молчать Маргарита Рашидовна не умела. А зря. Когда человек молчит, он восстанавливает свою энергию. Но вряд ли Маргарита Рашидовна знает об этом. Сама как-то призналась, что не успевает ничего для души почитать, только разбирает их каракули.

– Какое-то совершенно непонятное мне стремление к оригинальничанью, – опять затахтела она, усиливая эффект изобретенного ею слова замысловатым движением руки. – И это глупое оригинальничанье проявляется во всем! – с особым пылом пригвоздила она последнюю часть фразы к маминому впечатлительному лбу. («Оригинальничанье!» Откуда и слово-то выкопала! Как только язык не сломала. И что оно означает? Объяснила бы хоть!) – За примерами далеко ходить не надо. Возьмем последнее сочинение. Вы только вдумайтесь в это название! «Хочу быть дедушкой!» Не пилотом, не водителем, не ученым, как другие дети, а дедушкой. Простите, но я не знаю такой профессии! Написано хорошо, и ошибок не так уж много, но! Тема профессиональной ориентации не раскрыта. Если хотите, я сейчас прочту вслух этот опус?

Митьке захотелось забиться в ту самую щель, куда никак не мог пробиться муравей. Вот дает! А ведь говорила, мол, пишите, не таясь, искренне, как в свой личный дневник. Он, сду-

ру, и поверил! Неужели будет читать?! Да нет же, что она законченная идиотка, что ли? Временами, вроде, и ничего. Бывают и хуже.

– С сочинением мы дома разберемся, – мрачно пообещал отец, спасая ситуацию.

У Митьки отлегло от души. И мама выдохнула облегченно.

– Ну, хорошо, — пожала тучными плечами Маргарита Рашидовна. – Тогда давайте его спросим. – Она воткнулась взглядом в Митьку. – Как ты сам-то расцениваешь свое поведение, Дмитрий? Ты уже взрослый парень, тринадцать лет исполнилось, а ведешь себя хуже маленького.

Митька молча кусал заусенцы.

– Что за дурная привычка ногти слюнявить! – загремел на весь класс отец. – Спрашивают – так отвечай! Мне некогда на тебя пялиться!

Стекла на портретах писателей, что висели на стенах кабинета литературы, мелко задрожали, словно под окном дребезжал бульдозер. Ни Толстому, ни Гоголю, ни тем более Достоевскому это явно не нравилось, что было написано на их лицах. И только одна Маргарита Рашидовна осталась довольна. Она даже закивала головой, мол, так его, так. Губы ее, аккуратно обведенные тонкой коричневой полоской, слегка шевелились, беззвучно повторяя резкие фразы, которые метко швырял в Митьку отец.

– Маргарита Рашидовна, мы дома с ним поговорим. Он у меня быстро все поймет! Я с ним сюсюкаться не стану. Есть у меня козыри! Спасибо, что пригласили. К сожалению, мое время истекло. Вас подвезти домой?

– Нет, что вы! Он у меня не один. Сейчас еще придут родители Смирнова. Это его дружок. С ним тоже беды хоть отбавляй. – И, почему-то глядя на фирменные ботинки отца, изрекла: – А тебе, Дмитрий, советую задуматься над своим поведением. У тебя такие замечательные родители! Есть с кого брать пример.

Пока папа разворачивал машину, Митька успел сбегать под окна класса. Фантик лежал на траве. Муравья на нем не было. Значит, приземлился удачно. Ну, хоть это хорошо!

Разборки

Пока ехали домой, Митька разглядывал из окна машины тучу. Она грозно надвигалась откуда-то с востока, и блеклое солнце беспомощно отступало. Сначала туча двигалась клином и очень напоминала пешее войско татарской орды. Но вот из-за нее сразу с двух флангов выскочила конница, и дождевые пики вражьих стрел стали гулко бомбить капот машины. Небо превратилось в поле смертельной брани. Сверкая острыми копьями, молнии летали по

небу беспорядочно и хаотично, и уже трудно было разобрать, где и чья сторона. Все смешалось в жутком месиве разбушевавшейся стихии.

Родители молчали. От мамы пахло валидолом. Она то и дело умоляла отца:

– Да не гони ты так, Андрей! На тот свет всегда успеем. Видишь, какая дорога скользкая!

За обедом папа, даже не поднимая на Митьку глаз, мрачно изрек:

– В деревню он больше не поедет. Хватит! Вот где у меня сидит ваш Гуманоид с его тлетворным влиянием!

Митька даже поперхнулся. Потом закашлялся так сильно, что маме пришлось стучать его по спине. Всего ожидал, но такого! Удар был явно ниже пояса. Гуманоидом папа за глаза в сердцах прозывал деда. Кто такие гуманоиды – Митька знал. Человекоподобные существа, живущее в других измерениях или обитающее на других планетах. Митька видел гуманоидов в приключенческих фильмах. С серой кожей, с тремя пальцами на руках, с дырочками вместо носа. Но причем здесь дед – понять не мог. Как-то младшая сестра Люська спросила маму об этом. Митька тоже уши оттянул. Интересно все-таки, что мать на это скажет?

– Папа считает, что наш дедушка слишком добрый и гуманный. Вот поэтому, видимо, и выдумал это странное прозвище. Выкиньте это из головы!

Ничего себе! Легко сказать! Да ради деда Митька..! И почему отец все время к деду цепляется? Что дед ему плохого сделал?

– Причем здесь дед! – возвращая Митьку к действительности, озвучила его мысли мама. Но отец грохнул кулаком по столу так, что суп из тарелки плевком вылился на скатерть. А младшая сестренка Люська, вжав голову в плечи, понеслась в туалет. Эх, мать! Наивная, как... Да отец только этого и ждал! Сейчас начнется!

– При всем при том! – сотрясал всю квартиру зычный голос отца. – Он деду в рот дышит! Послушай, как и что он говорит! Как старик рассуждает. Все, к чему ни приучаю, коту под хвост! Забил этому дуралею башку всякой ерундой! Стоит только в деревню съездить – у него даже руки, как у колхозника, становятся! Такими руками деньги не считают! Ничего из него толкового не выйдет! Как волка ни корми...

Последнюю фразу отец добавил на полном выдохе. Пар вышел. Настал черед говорить маме. Дед был ее отцом, и маме, конечно же, не нравилось, когда отец «тянул» на деда и называл его Гуманоидом. Она очень переживала, когда между ними назревал какой-нибудь конфликт. Насколько помнил себя Митька, отец с дедом никогда не могли «состыковаться». Сам себя отец называет человеком нового времени. А деда – «отжившим элементом прошлого». В деревню отец ездил редко. А если уж, бывало, и «сподобится», его хватало там только на два дня. На третий он начинал раздражаться по пустякам и спать уходит на сеновал. Потом целыми днями как проклятый копался в машине. По его словам, в деревне он «отбывает

наказание». Почему отец не любил деревню – понять было можно. Родился он на одной из московских окраин. Вырос среди ребят городского двора, где игры и интересы были далеко не такими, как у деревенских пацанов. Он даже никогда не мылся в дедовой бане. Зато в городе в ванне мог отмокать часами.

Мама принесла из кухни плов с черносливом. Любимое блюдо отца. Мелкий подхалимаж! Митьке стало скучно. Он наперед знал каждую фразу, которая будет высказана и той и другой стороной. Не впервой из-за деда в доме шли перепалки. И каждый раз они шли по одному и тому же сценарию. Сейчас мама скажет: «Не всем же деньги считать!» Угадал?

– Не всем же деньги считать! – возразила мама. — А ты, Митя, уши не развешивай! Жуй, давай, да уходи в свою комнату! – Митька отвернул голову к окну. Сейчас и за «Митю» ей тоже достанется!

– Да не зови ты его Митей! Дмитрий он, понимаешь, Дмитрий?! – снова взорвался отец. – Сколько говорить об этом! Слушать тошно!

Митькой всегда звал его дед. Отец и деду замечания делал. Дед только ухмылялся. «А ты, Андрей, его спроси. Не нравится – пусть не откликается. Буду звать Дмитрием». Но Митька откликался, сколько бы ни колол его отец презренным взглядом.

Между тем отец открыл тетрадь с Митькиным сочинением. Пусть читает! Все, что там написано, правда. Так и знал: лицо у отца перекошилось. И голос неприятно закрипел: «Мой дедушка очень скромный человек. Он даже не любит новой одежды».

– Да уж! Да уж! Великое достоинство ходить в рванье!

– Ну, скажем, в рванье он не ходит. Его любимая фланелевая рубашка заштопана на рукавах у бабули очень аккуратно. И на коленях брюк кожаные вставки смотрятся даже оригинально, – спокойно возразила мама и тут же строго прикрикнула на сестру – Люся! Выходи из туалета! Сколько можно там сидеть?

– Нашла чем кичиться! «Заштопана аккуратно». Сколько заграничного тряпья ему привозил. Хоть бы одел когда! Как же! Гордыня, матушка, не позволяет!

– Совсем не в гордыне дело. Просто он себя в своей старой одежде комфортнее чувствует.

Митька вспомнил, как отец подарил деду джинсовый костюм с множеством карманов и молний. Костюм был отменным! У Митьки загорелись глаза. Ну, дед теперь в «джинсухе хиповать» будет! Но дед костюм примерять отказался. «Спасибо, Андрей. Пусть этот костюм Митька носит. Ему он скоро в самую пору будет. Растет парень не по дням, а по часам. А я не красна девица, мне наряды импортные ни к чему. Ты мне лучше в следующий раз фуфайку новую привези. Старая-то засалилась больно». Отец что-то недовольно крякнул в ответ и вышел из дому. И больше подарков деду не привозил.

Погрузившись в свои мысли, Митька уже не различал, когда гремел гром, когда голос отца. Люська легонько ударила его ногой под столом. Он высунул ей язык. Счастливая! В школу не ходит. Люська была младше Митьки на целых семь лет. Ей в школу только на следующий год. Девчонкам в школе легче. Их учителя больше любят и всегда ставят «в пример». На уроки они не опаздывают, все тетрадки и книжки у них аккуратно обернуты. Сидят, не шелохнутся, преданно заглядывают учителям в глаза. Словом, подлизы! Вот и Люська тоже. Вон как язык ему в ответ лопатой вывернула, пока родители не видят.

– Если дедушка у нас Гуманоид, то бабушка кто? Гуманоидиха? – беспечно болтая под столом ногами, не без ехидства спросила Люська.

– А ну-ка помолчи у меня! Ишь она! – шлепнула рукой по столу мама. – И не вздумай это дедушке сказать. Поняла?

– А я уже говорила!

– Ты что? — У мамы даже чай пролился на скатерть.

– А он «нисколучки» и не обиделся! – быстро заверила находчивая Люська. Она такая! За словом в карман не полет.

– А ты откуда знаешь?

– Оттуда! Дедуля сказал, пусть, говорит, твой папа хоть горшком меня называет, лишь бы в печь не ставил! – и пытливо выглянула на отца.

Тот молчал. Только сопел громче обычного. Люське всегда все с рук сходило, хоть и треплет, что к носу ближе. Отец в ней души не чаёт. Боковым зрением Митька видел насупленный профиль отца. Так и знал. На Люськины слова и ухом не повел. Только и ждет зацепку, чтобы на него, Митьку, наброситься. Хоть бы он в отпуск уехал, что ли. В Болгарию, вроде, собирался. Значит, они с мамой будут гостить в деревне одни. И от одной этой мысли у Митьки по лицу расплылась предательская улыбка.

– Зря лыбишься! – угрожающе развернул к нему свой орлиный профиль отец. – Думаешь, не знаю? Спишь и видишь свою деревню! Черта с два! Сказал же! Со мной поедешь, за границу. Я тебя там вышколю!

У ошеломленного Митьки волосы взмокли на затылке. Отец что, тоже научился мысли читать? Неужели он серьезно? Метнул тревожный взгляд на маму. Но та с видом египетской мумии молча убирала со стола грязную посуду. Угроза отца, покружив по гостиной шаровой молнией, унеслась вслед за ним в спальню. В комнате безжалостно убивали время большие настенные часы.

Нужна Митьке эта граница! Эх, дед! Ведь ждет! Как пить дать! И каждый день на большак к автобусу ходить будет. А вдруг! Бывало уж так. Как-то отец вести в деревню Митьку на выходные отказался. А он взял и уехал на рейсовом автобусе. Благо деньги в ко-

пилке были. Глядь – на остановке дед встречает. «Дед! Тебе кто сообщил?!» – «Сон увидел. Тут уж и к попу не ходи». А сам улыбается.

Улыбался дед всегда, даже когда разговаривал с папой. От улыбки на щеках у него были две глубокие морщинки. Ходил дед с тросточкой. Беспокоили суставы. Всю жизнь отработал он лесничим. В городе появлялся редко. Пока работал, приезжал с отчетами, а как на пенсию вышел – дорогу в город совсем забыл. Держали с бабулей пчел, корову, поросенка, кур. За домом – огород, за огородом сад. И яблок, и ягод полно. Перед домом – палисадник с ядреными георгинами, которые кокетливо склоняли свои красивые головки к калитке. Веранда вся обвита хмелем. Солнышко, пробиваясь сквозь густые листья, раскидывало на полу веранды замысловатые узоры, которые менялись, как в калейдоскопе – только в замедленном ритме.

Эх! И малиновую пору из-за этой дурацкой заграницы пропущу! Как только ягоды созревали, все деревенские пацаны, как один, устремлялись в малинник, наперегонки, кто быстрее. Полазят по кустам, росу посшибают, тропинки протопчут. То тут то там похватают. Ссадин и царапин на руках не счесть. А в бидонах дно едва закрыто. Через два дня Митька с дедом по своим же следам идет. По готовым лабиринтам малинника идти легко. И крапива не жалит. И в валежнике больше не запутаешься. Дед берет ягоды не спеша. Заботливо поднимает каждую веточку. Сначала снимает самые крупные да спелые. Потом, как дед говорит, – рохлые. Бидон у него наполняется очень быстро. «Никогда не стремись быть первым, Митька. Знай: свой гриб всегда найдешь. И в любом деле так. Упаси тебя Бог в жизни от жадности, зависти да конкуренции какой. Бери в лесу только столько, сколько тебе надо, не больше. Бидончик ягод, лукошко грибов. И тогда жизнь не в муку, а в радость. И всем добра хватит: и людям, и птице, и зверью».

– Дедуля, а ты бы хотел в городе жить? – как-то спросил его Митька.

– Зачем он мне, ваш город? Там люди живут на скаку. Бегут, сами не зная куда. Ничего нет в жизни красивее и разумнее самой природы. В лесу да в поле от каждой болячки травка есть. Каждая живность свой жизненный уклад имеет. Хоть пчел возьми. Они человека, знаешь, как чувствуют. Если душа не в гармонии – близко к улью не подойдешь. А санитария какая! Я ведь перед тем, как рамки снимать, сначала баню жарко топлю, парюсь, моюсь, белье свежее передеваю. Иначе не подпустят. Муравьи опять же. Такой высокой организации совместного жительства любое государство позавидовать может. А птицы? Ты посмотри, как они разумно на юг по небу летят! Без слов друг друга понимают. А животные? У меня вот сустав правый сильно болит. Заметь, кошка наша всегда к моему правому боку жмет. Поэтому как кошки энергетику негативную в себя впитывают. Не веришь? Ей- богу! Лечат!

Слушать деда так интересно, что Митька за ним, как говорит отец, повсюду таскается, как поплавок. А когда про лесные пожары рассказывать начнет, никакой телевизор Митьке уже не нужен. С утра бы до ночи слушал, открыв рот. Бабуля, зная, посмеивается: «Ты, Митька, рот закрывай, а то ворона влетит. Да дедовы байки лучше записывай, а то голова от избытка информации квадратной станет!».

Бабулю Митька тоже любит. Вся она какая-то мягкая и пахнет сдобными булочками. Митьке нравится, когда бабуля его обнимает, хоть он и делает вид, будто отстраняется. Мужик все-таки. Ни к чему телячьи нежности. А уж Люська так на бабуле и виснет. То шьют для кукол балльные платья, то вяжут кофточки да чепчики. То в больницу, то в магазин, то в парикмахерскую играют. Каких только причесок из бабулиных седых волос Люська не надевает! Вместе под ручку за коровой идут, вместе полы в коридорах в банный день моют, пироги пекут. Мама смеется: «Не разлей вода». Словом, в деревне была у них с Люськой райская жизнь. А потому в город возвращаться никогда не хотелось.

И опять в Митькиной душе, словно червяк какой, зашевелилась тревога. А что как отец не шутит? Вдруг не отпустит в деревню? Вдруг, и правда, с собой в свою границу потащит? Неужели способен на такое? Да нет! Одумается! Ведь знает, что без деда жизнь Митьке не в радость. Пообещай он сейчас Митьке хоть игровой автомат, Митька бы деда и деревню ни на что не променял. Лучше выбросить «обещание» отца из головы. Как говорит дед, страхи притягивают неприятности.

Дорога

«Будь она неладна!» – как любит говорить дед. В купе было так душно, что Митька вскоре превратился в вялую редиску. Очень быстро в окно смотреть надоело. Наверху на все лады храпел толстый мужик. В мыслях Митька окрестил его Бегемотом, хоть он и представился дядей Жорой. Митька даже не подозревал, какая это пытка часами слушать такие трели. Хоть прищепку ему на нос вешай.

Колючий Митькин взгляд, сверливший толстый живот Бегемота, наконец, сделал свое дело. Бегемот зашевелился, открыл рыбы глаза и некоторое время смотрел на Митьку своим немигающим взглядом. И от этого Митьке сделалось как-то совсем нехорошо. Но тут, на его счастье, водянистые глаза Бегемота стали медленно закрываться. Наблюдать это было интересно. Словно холодная безжизненная луна медленно закатывалась за темную тучу. Поезд дернулся. Бегемот перевернулся на другой бок. Храп на какое-то время прекратился. И Митька стал спокойно размышлять над словами деда. «Умей, Митька, в каждом человеке

найти что-то хорошее. Заметишь – и это хорошее будет развиваться». Нет, тут дед слишком уж загнул! Что хорошего, к примеру, может быть в Бегемоте? Обрюзгший, жирный! А как перегаром от него разит! Взгляд до того дебильный – смотреть тошно! Говорить начнет – так пошлостью и брызжет! Но тут вспомнился разговор Бегемота с отцом. Митька тогда стоял в коридоре и слушал вполуха. И все же один эпизод запал в душу. «Знаешь, люблю я стариков, – изливал душу Бегемот. – Не знаю почему. Люблю и все! Не веришь? Может потому, что своих родителей уж давно на свете нет. Бабке-соседке с каждой получки по двести рублей отстегиваю. И краны ей чиню, и полки прибиваю. Иду в магазин – целую сетку всякой всячины накупаю. Глядишь, ей этого на две недели хватает. Вот скажи, как безродной старухе на свою пенсию прожить? Огорода нет, здоровья, чтобы подрабатывать, – тоже. Привык к ней, как к матери родной. День не увижу – скучаю. Меня тут зимой какие-то ханурики избили, так она день и ночь возле постели сидела. Открою глаза — сидит, гладит меня по голове, плачет. Как за маленьким за мной ходила».

У Митьки аж затылок зачесался. Кто его знает! Может, и правда. Хотя он и соврет – недорого возьмет. А Бегемот уже снова сыпал похабщиной: «Значит так: топчет во дворе петушок курочку. Старик со старухой в окно наблюдают. Вдруг старуха всполошилась, вышла на крыльцо и бросила во двор пшеничных зерен. Петух соскочил с курицы и, как ни в чем ни бывало, принялся зерна клевать. Дед перекрестился и прошептал: «Господи! Не приведи когда-нибудь так оголодать!» Ну, Бегемот ржет, как жеребец, – ладно. А отец-то что? Ну что в этом смешного?

Замелькали фонари какой-то станции. Поезд замедлил ход. Бегемот развернулся и снова захрапел. Интересно, что хорошего бы откопал в Бегемоте дед? Во всех деревенских умел он отыскать какие-то достоинства. И Митька привык смотреть на соседей дедовыми глазами. Дед Михей, хоть и злоупотребляет малость – шутник и балагур, каких поискать. У бабы Нади – Божий дар с людьми ладить. У Григория Павловича – ума палата. К нему вся деревня за советом ходит. Василий Петрович – с большим достоинством человек. Всю жизнь в депутатах. Баба Тоня – труженица великая. Весь вдовий век одна в деревне жила, а и в доме, и в огороде, и в хлеву такой порядок. Все будто языком вылизано. Ни одна вещь как попало не брошена. И молоток, и топор, и пилу в руках держать умела. Дед Филька – добрая душа, каких мир еще не видывал. Кому в чем нужна помощь – к нему идут. Никому не откажет. Ему каждый в деревне за версту рукой машет, приветствует. Митька как-то на дедов манер пробовал одноклассников по косточкам разобрать. Но такого результата, как у деда, не добился. У всех одноклассников недостатки, как ни крути, так и на глаза и лезли, словно мидасовы уши. Цыганков – хвостун, каких свет не видел. Птицына – скупердяйка, у нее снега зимой не выпросишь. У Маркова один принцип: сила есть – ума не надо. Забродина – только собой и

любуется целыми днями, только на себя в зеркало и пялится. Если какой прыщик на лице вскочит – уже и в школу не идет, лечится. Во-общем, у каждого что-нибудь.

Колеса отстукивали свой верный ритм. И мысли вытанцовывали чечетку в такт их бесконечной музыки. Почему в дороге так хорошо думается? И не важно, на машине ты едешь или на поезде. Отец сказал, что утром пейзаж будет уже другим. Ну и что? Не видел он пальм по «телику», что ли? Лучше бы с дедом в мастерской доски стругал. Тот собирался наличники резные делать. Мастерил дед все очень медленно, но так аккуратно, что комар носа не подточит. Без сучка и задоринки. Отца такой подход к делу очень раздражал. Он, наоборот, все любил делать быстро, как говорится, на скорую руку. Чего, мол, копать? Однако дедовы доводы на этот счет Митька ценил больше. «То, что я все делаю медленно, – как всегда лукаво улыбаясь, спокойно объяснял он Митьке, – люди забудут, а вот то, что делаю красиво и качественно – это останется в памяти навсегда, потому как каждая вещь будет тому подтверждением».

– Дмитрий, – позвал отец. – Может, поменяемся полками?

– Вот еще! – пробурчал Митька. – Мне и здесь хорошо. – А сам подумал: «Нашел тоже дитятю!». И все же ночью с полки упал. Пятками разбил стаканы, что стояли на столе. Хорошо еще, что отделался легкими синяками. Не зря дед говорил: «Бог бережет спящих и пьяных». О Боге, кстати, Митька деда не раз спрашивал. Нательный крест дед снимал только в бане. «Человеку без веры, Митька, никак нельзя. Все, во что верит человек, становится действительностью. Если мы верим, что Бог нас бережет — нас он бережет. Если верим, что Бог поможет и это будет так — так будет. Наши мысли, Митька, — великая сила! Я с детства свой иметь хотел, и непременно на берегу озера, хоть сам вырос в городском поселке. К хозяйству никакого отношения не имел. Родители мои работали на железной дороге и жили в двухэтажном доме барачного типа. День и ночь приходилось выслушивать, как за стенкой ругались и дрались пьяные соседи. То с одной стороны, то с другой. До сих пор не люблю запаха железной дороги: копать, мазут, горелый торф. И все-таки дом свой я построил, потому что каждый человек своими мечтами строит свое будущее. И каждый в этой жизни может все, только многие об этом даже не догадываются. И еще: научись с благодарностью принимать все, что тебе в жизни дается. Все испытания выпадают на нашу долю не случайно. Из всего нужно извлекать свой урок».

И все же эту поездку Митька принять никак не мог. А потому у него не ладилось все. На второй день поднялась температура и стал мучить кашель. Дальше – хуже: умудрился отравиться чем-то, хоть ели все одно и то же. Вместо того, чтобы помогать отцу тащить вещи в номер, глазами искал урну, чтобы не уделать ковры вестибюля. Ходил весь зеленый. И было не до южных красот. Море увидел только на пятые сутки. И в этот же день спалил себе всю

спину. Снова поднялась температура. Отец мазал его водкой, потом сметаной. И, к огромному Митькиному удивлению, не ругал, а только кисло морщил лицо. И хоть Митьке было и больно, и мучительно, в душе таилось какое-то злорадство. Отдыха у отца явно не получалось. Так ему и надо!

«Аборигены»

Чтобы чувствовать себя уверенно, необходимо знать, где ты находишься. Этому тоже учил Митьку дед. Первым делом нужно было обследовать окрестности. Митька знал, что после обеда отец будет давить храпака. И не ошибся. Храпел отец деликатно, совсем не так, как Бегемот.

Главное, чтобы не скрипнула дверь. Кроссовки он снял и нес в руках. Ступал тихо и мягко, как барс. Девушка-администратор одарила его «улыбкой этикета», как это однажды точно подметил отец. Ни до Митьки, ни до его тайных планов никакого дела ей не было. Путь свободен. Он сел в мягкое кресло, обулся и вышел на крыльцо осмотреться. Невдалеке от гостиничного корпуса виднелась ореховая роща. Туда и «наострил лыжи». Не знал, что грецкие орехи растут в толстом зеленом кожухе. Разломал один орех. Пальцы тотчас окрасились в темный йодовый цвет. Чудеса да и только. Роща очень отличалась от леса, который рос за домом деда. Там Митька чувствовал себя безопасно. Дед бы сказал: «как у Христа за пазухой». А здесь его одолевала какая-то тревога. Вот между деревьев промелькнула тень. Кожей почувствовал опасность. По позвонкам пробежал предательский холодок. И внутри все напряглось и замерло, как перед прыжком. Резко обернулся и снова засек какую-то тень. Повернуть назад? Еще чего не хватало! А деревья между тем качали ветками. Вот-вот окружают со всех сторон растопыренными руками. «Аборигены!» Только успел подумать, как со всех сторон в него полетели грецкие орехи. Раздался резкий свист, и атака началась. «Аборигены» вышли из засады и, кривя загорелые рожи, предстали перед Митькой во всей своей первобытной красе. Их было человек десять. Один — его сверстник, но сильный и ловкий, как индеец. Остальные — малышня, однако, юркие и пакостные. Вслед за орехами в Митькину голову полетели колючие шишки. Закрыв, спасая, лицо руками — и на него навалилась вся свора. Митька катался по земле в обнимку то с одним, то с другим, пока под руку не подвернулся увесистый камень. Тут Митька вскочил во весь рост и заорал, что было мочи:

— А ну разойдись, а не то прибью!

Свора разбежалась, как тараканы при вспыхнувшем свете лампы. Между деревьями блеснули их азартные черные глаза. От гостиницы к роще бежали какие-то люди. «Аборигены»,

все, как один, растворились в гуще леса. Первой к нему подбежала какая-то светловолосая девчонка, его сверстница. В ее серых глазах было столько испуга, что Митьке захотелось уткнуть свое окровавленное лицо под мышку. Футболка безжалостно расплзлась, и только надпись «Карелия» гордо красовалась на груди. Белые шорты в пятнах пыли, а голые руки и ноги – будто разрисованы йодовыми кляксами.

– За что они тебя? – Голос у девочки был таким участливым, что Митька сначала смутился, а потом вдруг почувствовал в себе неодолимую силу, которая теперь так и вырывалась из него.

– Было бы за что – убили!

– Как это? Seriously?

– Нет, шучу.

Кровь из Митькиного носа заливала подбородок. Девочка протянула ему платок. Митька не взял, зажал нос рукой. Еще не хватало вытирать сопли кружевными розами.

– И как ты их один разогнал! – покачала она головой. – Мы видели, их много было.

– А! – отмахнулся Митька. Больше сказать было нечего. Не с девчонками же обсуждать эти вещи.

А к ним уже подходила женщина и еще одна девочка, чуть постарше возрастом. Митька догадался — мать и сестра.

– Рита! Пригласи молодого человека в наш номер. Ему нужно принять холодный душ и смазать ссадины йодом, – громко скомандовала женщина. Последним подошел мужчина — отец. Он осторожным движением приподнял Митькино лицо, внимательно осмотрел синяки и кровоподтеки.

– Не бойтесь. Я – врач. Нужно обследовать ваши «боевые» раны.

Митька не дергался. Лицо у мужчины было мужественным, а голос — волевым и спокойным.

– Та-к, – протянул мужчина. – Ничего страшного. До свадьбы заживет. Позвольте узнать, как вас зовут?

– Дмитрием, – чуть задумавшись, произнес Митька.

– А что сомневаетесь?

– Дед Митькой зовет.

– Ну, вот что, Дмитрий, – снова скомандовала женщина. – Следуйте за нами. Мы живем в соседнем корпусе. Видели вас в ресторане. Наш стол у окна напротив входа. Вы недавно приехали?

Митька кивнул.

— А мы уже здесь вторую неделю. Меня зовут Галина Ивановна, мужа — Валентин Петрович. А девочки — наши дочери. Младшая Рита, старшая — Света. Прошу любить и жаловать.

Митька покосился на девушек. Света была постарше Риты года на два. Покрепче, выше, но такая же белокурая.

— Ты что, из Петрозаводска? — спросила Света, рассматривая рисунок на футболке.

Митька молча кивал головой. Губы раздуло так, что даже шевелить ими было трудно.

— А мы из Петербурга, — пояснила Рита. — Почти соседи. У нас в Петрозаводске тетя живет. Мы там часто бываем.

— В каком номере вы живете? — спросила Галина Ивановна. — Валентин Петрович предупредит вашего отца, чтобы не волновался.

— В тридцать восьмом. — Звуки вылетали такие чужие и шепелявые, будто рот был набит грецкими орехами.

— Пойдем, — улыбнулась ему Рита.

Митька весь залился краской. Рита ему нравилась. Она была похожа на ромашку, что красовалась на кармане ее сарафана. Цвета спелой ржи волосы её спадали на загорелые худенькие плечи. Загар был ровным, и кожа казалась бархатной. Почему девчонки такие красивые? И ноги у них прямые, ровные, словно выточенные на станке большим мастером. Не то, что его «загогулины». Критически посмотрел на свои. Да-а! Топорной работы, сказал бы дед. Интересно, на каком пляже они купаются? Спросить, что ли? Но вместо этого только сплюнул алой слюной. В гостиницу шел молча. Галина Ивановна что-то рассказывала, но он не слушал, косился на Риту. Она тоже нет-нет да и поглядывала на него. А глаза так и светились затаенной улыбкой. Ни одна девчонка в их классе не могла бы сравниться с ней. Даже Маринка Беляева, за которой ухлестывали почти все пацаны. Маринка была настоящей красавицей. И знала об этом. А потому во взгляде у нее проскальзывала мания величия. На Маринку больше была похожа Света. А Рита!.. У нее были очень нежное лицо. Но, главное, глаза. Они так и притягивали Митьку к себе.

Пока Галина Ивановна смазывала чем-то его ссадины, Рита зашила и постирала его футболку. Митька тут же натянул ее, сырую, на голое тело и, буркнув: «Спасибо. Я пойду», — заторопился к двери.

— Что так быстро? — удивилась Галина Ивановна. — Садитесь с нами чай пить, молодой человек. У нас есть вкусные пирожные.

— Извините, в другой раз. — А про себя подумал: — Пора и честь знать! А то еще чего доброго отец прибежит. Он — шальной. Не щелбанов, так подзатыльников надает. Стыда не уберешься...

Но отец, к Митькиному удивлению, спокойно смотрел по «телику» свои «ужастики». Наверное, Валентин Петрович провел с ним подготовительную работу.

— Рассказали мне про твои «боевые подвиги». Поделом тебе! Не будешь шастать, где не надо. Еще раз сбежишь, к ремню привяжу, как щенка, и на поводке таскать за собой буду. Понял?

«Дурак!» — подумал Митька. Разговаривает, как с пятилетним. А он, Митька, насквозь его видит, каждую мысль читает. Ну, вот — на часы смотрит. Сейчас скажет: «Я до дяди Жоры дойду. В шахматы сыграем». А сам с Бегемотом на дискотеку двинет. Вот и все шахматы. Придумал бы что-нибудь другое. Так, видать, фантазии не хватает. И что он с этим Бегемотом связался? Есть же нормальные мужики. Вот и Валентина Петровича взять. Глаза умные, добрые, спокойные, как у деда. А Бегемот — пародия на человечество. Словно только для того и создан, чтобы другим показать, какие мутанты бывают на свете! Одни шлюхи на уме! Будто из джунглей его выпустили. Пьяный в поезде нюни распустил: «Жена от меня ушла!» Да какая с таким жить будет?

— Ну, я пойду? — подкидывая в руке ключи, то ли сказал, то ли спросил отец.

— «Вали!» — про себя разрешил ему Митька. А вслух буркнул: — Угу!

— Ты давай спать ложись.

— А я что делаю? — беззлобно огрызнулся Митька и стал разбирать постель.

Как только дверь за отцом захлопнулась, Митька стал рисовать в своем воображении Риту. Представил ее врачом, в белом халате и колпачке. Галина Ивановна говорила, что они с мужем из династии врачей. И что девочки тоже по их стопам пойдут. Не удивительно. Рита бы могла лечить одним прикосновением руки. Интересно, она с кем-нибудь из парней дружит? Неужели кто-нибудь берет ее за руку? От такого счастья умереть можно! Он бы не посмел! А что она кричала, когда бежала к нему? Ведь что-то кричала, он хорошо это помнит. Только что? Увидел ее — и забыл про все на свете. Вот приеду в деревню, расскажу все деду. Тот не отец, смеяться не будет. Однажды дед рассказывал, как они с бабушкой познакомились. В конце войны они, подростками, работали на военном заводе, делали снаряды. Бабушка с голоду упала в обморок. Дед к ней первым подбежал. После этого частенько отдавал ей свою пайку, а сам варил в котелке кору деревьев. Надо будет завтра купить Рите мороженое. Хотя почему только Рите? И Светлане, и Галине Ивановне. Дарить, так всем. А то еще чего подумают...

Засыпая, снова увидел Риту. Она кружилась по сцене летней эстрады. На ней было длинное бальное платье с разрезами, сквозь которые мелькали красивые загорелые ноги. Она порхала по сцене бабочкой. И Митька не мог оторвать от нее глаз. Но вдруг, откуда ни возьмись, у сцены появился Бегемот и стал пытаться рукой схватить Риту за ногу. У Митьки по-

мутилось в глазах. Он кинулся к Бегемоту и стал изо всех сил колотить его по толстой спине. Но спина у Бегемота была железной. Он разбил об нее все кулаки в кровь. А Бегемот пошло хохотал.

В комнате что-то загремело. Митька открыл глаза, включил ночник. Отец, пробираясь к кровати, в темноте опрокинул стул. От него несло водкой. Часы на телевизоре показывали четыре утра. Митька перевернулся на другой бок. Выключил ночник. Дорвался!!! И почему мужчины изменяют своим женам? Вот если бы Рита была его женой, разве стал бы он обманывать ее? Неужели отец маму не любит? Она ведь красивая. Оденет голубой сарафан на тонких бретельках — вообще, как девушка. Может, его раздражает то, что она на дедушку похожа? Глаза такие же, большие и голубые. А вот характером — в бабушку. Суетится много. Или все женщины такие? Нет, Рита другая, спокойная, с достоинством, как Валентин Петрович. И все-таки где ее завтра найти?

Вопрос затерялся в каких-то тайниках. Митька уснул.

Вождь темнокожих

Утром первым делом взглянул в зеркало. Слава Богу! Губы нормальные. И даже улыбнулся. Синяки посветлели. Ну, а шрамы и ссадины, как сказал бы дед, только украшают мужчину.

Отец встал весь опухший. Ну и наклюкался вчера. И всему виной этот Бегемот! И надо было ему к ним в купе подселиться! Отец молчал. Ему было не до разговоров. Через каждые пять минут пил воду из-под крана. У них там, «на Будуне» была явная засуха! — услышанные в дороге «сальные» анекдоты Бегемота иллюстрировали каждую мысль, беззастенчиво высвечивая ситуацию.

На пляже искал глазами Риту. Но их семьи нигде не было видно. Пройти бы по берегу, да отец не отпустит. Это факт. Упрашивать его бесполезно. Злющий с похмелья. Пошел искупаться. Что ни говори, а купаться в море — кайф! Особенно когда есть волны. Облизывают тебя пенистым ртом. Сначала было никак не привыкнуть к медузам. Скользкие и противные, как лягушки. Прикоснутся — и на коже остается краснина. Правда, крапивят не все, а только те, у которых в середине рисунок. Вдруг из воды вынырнула голова в маске. Глаза смеются. Где же он видел этого парня? Хотя где он мог его видеть? Это болгарин. А парень между тем снял маску и протянул ему руку.

– Привет! Прыми мои поздравлѐния! Я и ты — друзия!

Митька ничего не понял, но руку пожал.

– Прошу прощения за вчера. Это был экзамен. Ты — молоток! Нэ трусы!

И только тут до Митьки дошло: вчерашний вождь «аборигенов»! Ухмыльнулся.

– А! Это ты!

– Нэ сэрдиcь! — хлопнул его по плечу парень. — Давай будэм друзья! — И радушно протянул руку. — Как тэбя зовут?

– Дмитрий. А тебя?

– Званэк. Умеешь доставать рапаны?

– У нас их нет.

– А что есть?

– Раки.

– Краб?

– Ну, наподобие. Кто тебя научил русскому?

– Мама. Она учитель русского языка.

– Понятно.

– Тебе сколько лет?

– Скоро четырнадцать будет, — для солидности малость приврал Митька. До четырнадцати нужно было еще жить и жить, целых десять месяцев.

– И мне четырнадцать. Спортом занимаешься?

– Времени нет. На гитаре учусь играть.

– А на каникулах что дэлаешь?

– В деревню езжу.

– Кто твой друг?

– Из ребят – Витька Смирнов. Одноклассник мой. А по большому счету – мой дед, – не задумываясь, ответил Митька.

– У мэня нэт дэда.

– Жалко. Умер?

– Давно.

– Не повезло.

– Хочэш, научу доставать со дна рапаны?

Митька неопределенно склонил голову набок. Вряд ли отец разрешит. Пасет, как маленького. Это мать ему инструкций надавала. Везет Званэку. Свободный, как птица. Куда хочет — ходит, что хочет — делает. А тут...

Тут к ним подплыл отец. Вот, блин, как на поводке! Только в деревне чувствовал себя Митька на свободе. У отца вон с языка не сходит: «козел» да «козел». Дед на Митьку никогда не кричал и не обзывался. Но если уж и сделает замечание, так на всю жизнь запомнится.

Повесила как-то бабуля к умывальнику чистые полотенца. Белые да наглаженные. А Митька как гонял с пацанами на поле в футбол, так потный да грязный к этому полотенцу и припечатался. Не умывшись, конечно. Бабуля чуть не в слезы. Только руками всплеснула. Дед полотенце в руках повертел и подозвал Митьку.

– Это чей лик нерукотворный?

Митька весь до ушей покраснел. Что толку отпираться, коль «моська» — его. И нос, и щеки, и глаза. Только подписи «Митька» — нет.

– Прости, бабуль, я так больше не буду!

А дед:

– Прости, бабуль, раз прилюдно обещал. А полотенце иди к озеру выстирай, чтоб не повадно было.

С тех пор Митька, прежде чем вытираться, так лицо и руки с мылом надраивал, что бабуля смеялась: «Вороны унесут!» А отец не умеет по-человечески разговаривать.

– Дмитрий, на обед пора. Быстро за мной!

– Сейчас.

– Не сейчас, а сразу.

– Да ладно тебе, иду.

– Приходы. Я буду тэбя ждать, — заверил Званэк.

– Ладно, — пообещал Митька. Этот парень ему нравился. Странно только, что знакомство их началось с кулачного боя. Хотя, бывает. С Витькой Смирновым тоже поначалу схватились, да еще как. Маргарита Рашидовна чуть не за волосы их растаскивала. Причину уже и забыл. Значит, не причина и была. А теперь как «скорешились»!

Сон в руку

Митька плелся за отцом по пляжу, как козел на веревке, всем видом демонстрируя окружающему миру, что доброй волей следовать за ним ему не хочется. Когда отец останавливался и оглядывался на него, Митька тоже останавливался и, упершись взглядом в песчаный берег, большим пальцем правой ноги рыл в теплом песке ямки.

– Вот козел! До чего упрямый! — шипел отец. — Хоть на людей посмотри. Одни иностранцы кругом. В своей деревне ты такого не увидишь!

В слове «козел» отец почему-то делал ударение на первый слог. Где только его такому учили? Послал ему мысленный ответ, мол, от козла слышу, но вслух произнести не решился.

Навстречу шел Бегемот. Явился, не запыхавшись. Сейчас начнет пошлые анекдоты травить и поглядывать на Митьку, как на подопытного кролика. Так и знал, направились к пивному бару. Интересно, сколько сегодня пива влезет в его брюхо? Орет, как на базаре. Митька с досады отвернулся в сторону. И оторопел: по пляжу проходили Рита со Светой. Они ели мороженое и о чем-то, улыбаясь, разговаривали. Митьку они не видели. А он весь так и расцвел. Бегемот, перехватив Митькин взгляд, гнусно захохотал.

– Ишь ты — подишь ты! Вот оно что! Втюрился? Эх, хороши козочки! – И дальше произнёс такую фразу, от которой Митька покраснел до кончиков ушей.

– Девушки явно слышали, потому как одновременно оглянулись. На лицах у них было такое выражение, словно их, одетых в белые одежды, облили мазутной грязью и они не знают, что теперь делать.

А Митьке словно кислород перекрыли. Мир вокруг задержался в истеричных судорогах. Воздух заledenел в легких, и мелкими иголками закололо глаза. Он развернулся к Бегемоту и изо всех сил ударил его кулаком по толстому брюху. Тот охнул и осел на белый пластмассовый стул, не ожидая от Митьки такой прыти. Его бычьи глаза налились кровью. Загривок вздыбился. Зубы закрипели. Тяжело и грозно поднявшись со стула, он вмазал Митьке в ухо. Митька, как мячик, отлетел на песок и растянулся перед девушками в самом жалком виде. Последнее, что он видел, — изумленные глаза Риты. Вскочил, как ужаленный, и бросился бежать к морю.

– Ух, ты, поганец! – рычал вслед разъяренный Бегемот. – Я тебя научу взрослых уважать!

– Дмитрий! Куда?! Вернись сейчас же! – грозно крикнул отец.

– Да катитесь все!..

Добежав до мокрой кромки песка, Митька резко развернулся, на все девяносто, и рванул к пирсу. Хотелось провалиться сквозь землю! К отцу он больше не вернется. Это точно! Куда бы деться?

Бежать по песку было трудно. Пятки не чувствовали под собой твердой опоры. Чем ближе был пирс, тем больше попадалось под ноги острых камней и мелких колких предметов. Но прыти Митька не сбавлял. Несся сломя голову, хоть, наверное, и отец, и Бегемот, и Рита со Светой давно уж скрылись из виду. Что делать теперь, он не знал. На душе было так больно, что стали появляться какие-то навязчивые мысли. Взять да утопиться, к чертовой матери! Пусть поплачут! Но тут же, будто кто в бок кольнул: а дед как же?! С ума сойдет. В деревне как-то молодой парень повесился. Вроде, из-за жены. Дед Митьке тогда сказал: «Вообще-то я это дело презираю. Самый страшный грех — посягать на дарованную Богом жизнь. Она ведь полосатая. На смену черному дню придет светлый. Все в этой жизни пережить можно. В ней нет ничего непоправимого. А испытания — они нужны. А как же? Не будь их — как

узнаешь, сколько у тебя сил!». — «Да, дед! Легко тебе говорить! — стал мысленно спорить с ним Митька. — Как пережить позорище это?! Как отомстить за обиду?!» И тут дикая боль обожгла ступню. Запрыгал на одной ноге. Черт возьми! Вот невезуха! Наскочил на битую бутылку. Стекло впилося в самую середину ступни. Кровь хлынула фонтаном, и он упал на песок. Вокруг собрались люди. Что-то лопотали на разных языках, качали головами. Потом подошел мужчина с белой сумкой, на которой был нарисован красный крест. Обработал и забинтовал ногу.

— Гдэ живешь?

Митька махнул рукой в ту сторону, откуда он бежал.

— Как название отэль?

Митька пожал плечами. Кто его знает?

Неожиданно появился Званэк. Что-то залопотал по-болгарски.

— Я тэбя отведу. Я знаю твой отэль. Держись.

Он подставил Митьке свое загорелое плечо. А Митьке почему-то страшно захотелось спать. Голова закружилась так, словно он выкурил сигарету. Курил Митька всего один раз и никакого кайфа, о котором рассказывали пацаны, не испытал. Чувствовал тошноту и головокружение. Вот как сейчас.

До гостиницы было довольно далеко. А на ногу было не наступить, даже на пальцы. Когда присели отдохнуть, Званэк спросил:

— Я видел. Ты его бил. За что?

Митька вздохнул.

— Дерьмо он, понимаешь?

— Понымаю, — кивнул Званэк. — Дэрмо нэ надо трогать. Оно вонает.

— Это точно! — согласился Митька. И ему вдруг так захотелось увидеть деда, что на глаза навернулись слезы. Он закрутил головой, чтобы этого не заметил Званэк.

— Не пойду я в гостиницу! Не хочу отца видеть.

— Пойдом ко мнэ! — с радостью предложил Званэк.

Митька вздохнул. А что? Это выход.

А навстречу уже спешили отец с Бегемотом. Оба взмокшие, распаренные, будто из бани.

— Ты, Дмитрий, меня прости, — по-детски прижал Бегемот свой двойной подбородок к потной груди. — Ну, пошляк я, пошляк! Это твой отец правильно сказал. Но и ты хорош петух! Давай мировую! — и протянул Митьке мясистую руку.

Митька сопел. Такого поворота дел он вовсе не ожидал и готов к тому не был.

— Прости его, сын. Я ведь ему вмазал.

Бегемот потер рукой шею.

– Бейте меня! Бейте! У меня голова толстая!

Ну что с ним будешь делать? Митькина физиономия расплылась в улыбке. Со смехом ударил Бегемота по руке. Лады, значит.

– Я к тебе завтра зайду, — пообещал Званэк. — Мнэ тут в одно мэсто сбегать надо.

И испарился. Только его и видели. А Митька, повиснув на руках отца и Бегемота, запрыгал на одной ноге в сторону гостиницы.

Тет-а-тет

Митька покачивался на скамейке, что находилась внизу, под шезлонгом, и с тоской смотрел на лягушатник. Купаться ему было нельзя. Порезанная стеклом ступня заживала плохо. Наступать на ногу он еще не мог. И потому сумел добраться только до этой скамейки. Отец ушел с Бегемотом на море. А Митьке всучил газету кроссвордов, на которые Митьке было «глубоко начхать». Ни известной французской певицы из четырех букв, ни знаменитого рок-ансамбля из восьми, и уж, тем более, струнного инструмента из пяти букв он не знал, и знать не хотел. Душа опять изнывала тоской по деду и деревне. Дед, наверное, проверяет раколовки. Вода в их озере настолько прозрачная и светлая, что дно видно даже на трехметровой глубине. Раков в озере водилось много. Иногда попадалось и до двухсот штук. Дед вываливал их из корзины на веранде, и Митька проводил с раками эксперименты. Если засунуть в клешню рака спичку, он зажмет ее так сильно, что может висеть на клешне хоть полдня. А еще раки очень смешно щелкают шейками об пол. Для чего они это делают, Митька не знал, но наблюдать за этим было забавно. А еще у деда был свой собственный ветряк. Если вдруг в ненастную погоду в деревне отключалось электричество, дед врубал свое автономное энергоснабжение. Худо-бедно, а впотьмах не сидели. В деревне была настоящая жизнь. А здесь, на курорте, все казалось Митьке игрушечным. И эти шезлонги, и пластиковые стульчики, и бассейн для детей, который пустовал без дела, потому как даже маленьким детям интереснее походить по настоящему песку, побросать в морские волны настоящие камушки. И даже колесо обозрения не шло ни в какое сравнение с лабазом, который был построен дедом на четырех, росших близко друг к другу соснах. Сосны были ровными и высокими. Дед рассказывал, что именно из такой древесины строят корабли. Ни одного сучка на стволе до самой кроны. Лабаз был построен клёво. Каркас был прикреплен к стволам стяжками. Ольховые жерди нижней и верхней площадок были устланы еловым лапником. С крыши лабаза лапник свисал живым козырьком и защищал от непогоды. Даже в дождливый день здесь было сухо. С трех сторон нижняя площадка была огорожена перильцами из ольховых колышков. В

сильный ветер деревья раскачивались, и лабаз превращался в настоящую колыбель. Построен лабаз был в охотничьих целях, на тот случай, когда к деревне подходило стадо диких кабанов. Кабаны наносили немалый вред картофельным полям. С лабаза открывалась такая панорама, что дух захватывало. Чаще всего Митька забирался на лабаз с Ванькой Рушновым. Хоть и младше на два года, но парнем тот был толковым и с хорошей фантазией. Иногда они представляли себя за штурвалом вертолета, а иногда — на борту большого корабля. С лабаза хорошо было видно даже Онежское озеро. Митька нацеливал в сторону озера дедов бинокль и, войдя в роль капитана, отдавал Ваньке четкие команды. «Есть, капитан!» — послушно внимал Ванька, охотно поддерживая игру. Однако последнее время все чаще на лабаз Митька лазил один. В мечтах его уносило так далеко, что Ваньке уже вряд ли было за ним поспеть. Хотелось понаблюдать за облаками, за работой дятла, который стучал где-то очень близко, да и вообще просто подумать одному. Эх! Показать бы этот лабаз Рите.

— Дима!

— Послышалось что ли?! Митька закрутил головой, а сердце забилось так часто и гулко, словно кто молоточком застучал по бетонному краю бассейна. Он бы узнал Ритин голос из тысячи. И она была одна!

— Мне твой папа сказал, что у тебя проблема с ногой и ты не можешь ходить. Я тебе мороженое купила, вкусное, с орехами. Угощайся.

— Спасибо. Присаживайся. — Митька пододвинулся. Некоторое время они молча ели эскимо. Митька молил, чтобы мороженое не очень быстро кончалось, потому как не знал, о чем вести разговор дальше. Но мороженое таяло на глазах и уже даже текло по пальцам. Приходилось их облизывать.

— Ты что такой скучный? Тебе здесь не нравится?

— Не-а! — покачал головой Митька. — Здесь все какое-то кукольное. Как в театре. Я к такому не привык.

— А где тебе нравится быть?

— В деревне, у деда.

— Я никогда не была в деревне. Как там? Расскажи.

И Митьку понесло. Никогда еще не заливался он таким соловьем. Рассказал про корову «Зорьку», что пасется с колокольчиком на шее и к сумеркам сама приходит домой, про Шарика, который подвывает бабушке, когда та запекает украинскую песню, про кота Степана, который научен кивать головой, когда ему задаешь вопрос: «Есть хочешь?» Но это все были только цветочки, которые преподносились Рите Митькой с легким юмором. Потом в его голосе появились серьезные нотки. Разговор повернулся на лабаз, остров Откровения, чудеса святой воды, которая лечит бородавки.

– Как я хочу все это увидеть!

Глаза у Риты горели таким восторгом, что у Митьки вырвалось:

– А ты приезжай! Я обязательно тебя туда отвезу. У меня дед с бабулей мировые! — И Митька с чувством качнул ногой скамейку. Крашенные цепи сначала недовольно заскрипели, потом разошлись, замурлыкали, и мир блаженно закачался в серых Ритиных глазах.

Самая счастливая ночь

Однажды после ужина ведущая объявила в микрофон, что сегодня будет праздноваться день именинника. Всех, кто родился в июле месяце, пригласили на площадку, где играл оркестр. Среди них была и Рита. Ведущая вручила всем именинникам подарки и попросила их под музыку станцевать танец маленьких утят. Рита танцевала очень красиво. Она была в легком брючном костюме серебряного цвета, в распущенных волосах — серебристая лента. Митьке было не оторвать от нее взгляда. И, кажется, это заметил отец. На холеном лице его промелькнула усмешка. Ну и пусть! Пусть гримасничает! Сам-то как на женщин смотрит. Особенно вон на ту, рыжую, с пышным наполовину оголенным бюстом, что сидит от них через два стола. Каждый вечер от отца прет женскими сигаретами и сладковатым, приторным запахом туалетной воды. И тут уж необязательно быть Шерлоком Холмсом, чтобы угадать, кто душит такими духами.

Танцы продолжались. В круг танцующих вышла и Света. Увидел, как Рита помахала ему рукой, мол, присоединяйся. Митька уставил глаза в пол. Танцевать он не умел. Его приятель, Витька Смирнов, сейчас бы выдал. Витька ходил еще и в танцевальный кружок во Дворец творчества. Митьку к танцам не очень тянуло. Гитара вот — другое дело. Но инструмент отец в поездку взять не согласился, хоть Митька и уверял его, что всегда будет таскать гитару сам. Тут Риту пригласил танцевать какой-то парень. И так уверенно обхватил за талию. Вот наглец! Митьку аж в пот бросило. Он выскочил на крыльцо ресторана. В ореховой роще летали светлячки. Если идти быстро, то ощущение такое, словно из глаз летят искры. Митька наклонился, поднял гнилушку со светящимся червячком и, зажав его в руке, пошел к ресторану. Рита и Света стояли на крыльце.

– Девчонки! Хотите, что-то покажу? — поманив их пальцем, прошептал Митька. Девушки переглянулись и подошли. Митька разжал ладонь. Но светлячок не светился. И девушки увидели в руке только тухлятую зеленую гнилушку. Света захохотала и отошла.

– Рита! Не уходи. Он сейчас засветится. Вот увидишь!

Рита, улыбаясь, смотрела на него. Надо было что-то говорить. Губы зашевелились, но голоса своего не узнал — будто из трубы:

– Ты когда-нибудь купалась ночью? Пойдем, сходим к морю.

Она растерялась, оглянулась на окна ресторана. Ее родители танцевали. А вон и шевелюра отца – нашептывает что-то на ухо своей рыжей.

Митька решительно взял Риту за руку.

– Пойдем! Мы быстро вернемся!

Пляж был закрыт. До пирса далеко. Но он не был бы Митькой, если бы не знал заветной лазейки. Про лазейку рассказал ему Званэк.

Море сонно дышало теплом и водорослями. Небо полосовали вороватые лучи сторожевого прожектора. Они разделись и, взявшись за руки, вошли в воду. Какая у девчонок нежная кожа. А у него от гитары кончики пальцев левой руки все в твердых мозолях. От морской воды кожа сходилась с пальцев рваными пластами. Митька постоянно рвал их зубами. На Рите был закрытый купальник. Она собрала волосы под заколку. Волны облизывали ее худенькую фигурку. Рита смешно повизгивала, как маленький дедов Шарик. Пес повизгивал точно так же, когда Митька с разбегу бросался в озеро, оставляя его на берегу.

– Не бойся, ложись мне на руку, — предложил Митька и вытянул в сторону свою тонкую руку.

– Только ты меня не отпускай, ладно? — боязливо попросила Рита.

– Ну что ты! Ты со мной ничего не бойся.

– Ой, как здорово! — двумя руками держалась за его руку Рита и громко бултыхала ногами. Ее волосы щекотали ему плечо. И от них шел запах парного молока.

А когда вышли на берег, он деловито предложил:

– Ты выжми купальник, я отвернусь.

Потом она мыла ноги и одевала босоножки. И снова держалась за его руку. И он, окончательно осмелев, осторожно накрыл ее руку своей.

– Пообещай, что приедешь в Петрозаводск?

– Когда?

– Когда сможешь. Кстати, вы когда уезжаете?

– Завтра утром.

– Завтра?! — съежился Митька, будто за шиворот ему засунули что-то противное и скользкое. И все-таки жизнь устроена по законам подлости! Почему ни через два, ни через три дня, а именно «завтра», «с утра»? И больше уже ни о чем не хотелось говорить. Словно кто до капли высосал все силы.

– Рита! – раздался с крыльца ресторана голос Светы. — Иди скорее! Мы уходим в гостиницу.

Рита торопливо дернулась вперед.

– Я пойду, ладно? Спасибо тебе, — и чмокнула Митьку в щеку.

Митька обалдело застыл на месте. Мысли куда-то попрятались. И только одна напряженно сверлила душу: «Завтра! Завтра! Завтра!»

Не обнаружив Митьку в номере, отец «заметал икру». И как только Митька открыл в номер дверь, на него тут же обрушилось:

– Тебя где черти носят, козел ты безбородый! Все ищешь приключений? Один раз морду начистили — мало показалось?

Отец подскочил к Митьке и хотел, было, уже смазать ему по затылку, но Митька так выглянул на него, что отец опешил, и замахнувшаяся рука медленно опустилась вниз. Хлесткие «эпитеты» застряли в горле. А Митька, не спеша, словно боясь расплескать решимость и достоинство, пошел в ванную. Взглянул на себя в зеркало и сам удивился. На него смотрел не Митька, а совсем взрослый мужчина. Таким Митька себе понравился. И даже подмигнул этому зеркальному отражению. Так держать! Митька и раньше никогда не вступал в словесную перепалку с отцом, когда тот сотрясал воздух неблагозвучными словосочетаниями в его адрес. Этому научил его дед. «Цени свои слова, Митька, — говорил дед. — И знай, умные люди в основном разговаривают глазами. Язык человеческого взгляда понимают все». Правда, раньше в Митькином молчании все равно проскальзывал какой-то страх. А сейчас... Страх не было и в помине. И взгляд его в зеркальном отражении был таким же спокойным и полным достоинства, как у Ритино папы. И снова защемило где-то у самого сердца: после завтрака Рита уезжает.

В тот вечер отец никуда не пошел. На телефонные домогательства Бегемота раздраженно отвечал, что у него болит голова и, мол, все уговоры напрасны. Но дело было не в голове, Митька был уверен в этом на все сто. Разобрав постель, Митька накрылся одеялом с головой, хоть в комнате и без того стояла духота. Как только отец уgomонился, Митька предался фантазиям. Он снова ощутил море, почувствовал на своей руке Риту. Волны пенными губами целовали ее почти невесомое тело, а белокурый завиток ластился к Митькиному плечу. И от этого все тело наливалось каким-то напряжением. И всю ночь снился сон, о котором он не смог бы рассказать ни одной душе на свете, даже деду.

Перед завтраком он старательно вывел на бумаге номер своего телефона и адрес электронной почты. Женских имен в адресной книге его почты еще не было.

Рита подошла к нему сама. Увидев ее, Митька резко отодвинул стул в сторону и, не глядя на отца, во рту у которого застыл бутерброд с ветчиной, вышел за Ритой во двор, под шез-

лонги, где они когда-то сидели на качающейся скамейке около лягушатника. Вот уж прав был дед, когда говорил, что у каждого человека есть свои памятные места. Место, на котором произошло неприятное событие, все стараются обойти стороной, потому как над этим местом долгое время витает жуткий дух тех неприятностей. И наоборот. Эта качающаяся на цепях скамейка была теперь для Митьки такой родной, что ему становилось не по себе, когда на нее садились другие люди. И хоть скамейка была не его собственностью, всякий раз, когда он смотрел в её сторону, мир менял свои краски и привычные очертания, как это было тогда, когда они качались на ней вместе с Ритой.

– Знаешь, ты очень хороший! Я еще никогда не встречала такого...

Митька смотрел на Риту, склонив голову набок. И улыбка у него была совсем взрослой – лишь губы чуть-чуть дрогнули в уголках. Зато во всю светились глаза. Он смотрел на Риту прямо и безо всякого стеснения. И плевать ему было на Бегемота, который поджидая отца, курил на крыльце ресторана и многозначительно закатывал глаза к небу. Рита отвела взгляд первой и, отчего-то покраснев, провела пальцем по его руке.

– Я приеду. Я обещаю. И мы обязательно поедем к твоему дедушке. Ладно? Только ты пиши! – И снова, как тогда на море, поцеловала его в щеку. Бегемот чуть не свалился с крыльца. Надо было видеть его масляную рожу. А Митьке вдруг стало трудно дышать, словно во всей Вселенной разом перекрыли кислород. Хоть кричи! Такого с ним еще не бывало.

В этот день на море Митька не ходил. Лежал поверх покрывала на постели целый день. И даже не пошел на обед. Слава Богу, что отец набрался ума и не донимал его своими дурацкими вопросами. К вечеру на душе у Митьки сделалось и вовсе погано, и слезы были близко-близко. Все вдруг померкло, стало неинтересным, хоть волком вой. И даже цикады не успокаивали, а еще больше бередили душу. Их стрекотание только усиливало Митькину хандру. И снова захотелось в деревню к деду.

На другой день солнце светило так же ярко, как и все эти две недели, а Митьке казалось, что в природе что-то произошло. Словно все увидел под другим ракурсом. Бывает так. Смотришь на одну и ту же поляну, с разных сторон и – не узнаешь. Море было все таким же теплым и вальяжным, но долго находиться в воде не хотелось. И это «не хотелось» со всех сторон обложило Митьку. Куда ни кинет взгляд – все тускло. И даже когда Званэк пригласил его на концерт знаменитого на весь мир иллюзиониста мистера Сенько, особых восторгов это у Митьки не вызвало. Что только ни творил с толпой этот могучий турок, Митька смотрел на все, как сквозь шторы. И даже тогда, когда мистер Сенько на глазах у всего зала снял со своих плеч бритую голову и поместил ее под мышку, продолжая при этом спокойно расхаживать по сцене, Митькина физиономия не вытянулась, и рот не открылся, как у всех остальных зрителей.

– Неинтересно? — спросил у Митьки Званэк после концерта. Митька неопределенно пожал плечами.

– Ты так умеешь? — цыганские глаза Званэка хитро прищурились.

– А что тут не уметь?

– Покажи!

– Закрой глаза, — тихо велел Митька. — А теперь представь меня без головы. Представил? Вот и вся иллюзия!

За спиной раздался чей-то низкий раскатистый хохот. Мистер Сенько? Как он оказался рядом? Он что, понимает по-русски?

– Да, понимаю. Ты на правильном пути. Нэпрэмэнно будэшь вэликим! — и похлопал Митьку по плечу. Но ни дед, ни Рита этого не видели!!!

Танцы на углях

А на другой день вечером они с отцом поехали смотреть танцы на углях. Званэк рассказывал, что такого мастерства люди достигают путем двадцатилетних тренировок. В центре ресторана под открытым небом на круглой земляной площадке горел огромный костер. Костер разгребали железными граблями. С наступлением сумерек угли костра мерцали каким-то загадочным светом. Когда закончился ужин, из-за кулис вышли трое мужчин и трое женщин в национальных болгарских одеждах. Сначала они под музыку ходили вокруг костра, делая какие-то движения руками. Потом по очереди, один за другим, стали пробегать по углям по самой кромке кострища. Затем с шести сторон собрались в самой середине костра и снова мелкими шажками разбежались по сторонам. А музыка звучала все сильнее и напряженнее, словно не в людях, а в ней таилась разгадка этого чуда. Вот они снова собрались в самом центре кострища, и мужчины, подняв на руки женщин, прошлись по кругу. Зал разразился аплодисментами. Зрители встали и уже аплодировали стоя. Конферансье пригласил желающих на сцену, мол, сеанс может быть повторен с вашим участием. Из-за кулис выскочил клоун с докторской сумкой. Стал зазывать на арену женщин за ближними столами, жестами показывая, что мужчины пронесут их над углями на руках. Но те визжали и отмахивались. Тут на арену вышел подвыпивший мужик. Но, приблизившись к кострищу, покачал головой и под смешки зрительного зала вернулся за свой столик. Митька хмыкнул и покосился на отца. Знал бы тот, что дед мог танцевать на углях не хуже этих болгар. И даже таким образом лечил Митьку от простуды. Развел костер на снегу, разгреб угли тонким пластом и показал Митьке, как это делается. Сначала нужно, быстро-быстро перебирая босыми ногами,

потоптаться по остывающему кострищу, потом прыгнуть в снег — и так несколько раз. А когда ноги станут красными, как у гуся, натянуть на них грубые вязаные носки и валенки. Потом попить чаю с медом. И к утру простуды — как не бывало. Но рассказывать отцу этого не стал. Еще опять прицепится к деду.

А на сцену из-за кулис выскочили полуголые напомаженные красотки на высоких каблуках и стали танцевать какой-то быстрый танец. Митька снова захандрил. Рита танцевала куда красивее. В ее движениях не было вульгарности. С тоской взглянул в ночное небо. Как здесь все-таки звезды близко! Только попробуй разберись, где какое созвездие, когда все здесь не так, как дома.

В последний день перед их отъездом, вечером, отец предложил Митьке пройтись по набережной. Бегемот тоже хотел за ними увязаться, да отец его «отшил», мол, с сыном по душам поговорить надо. О чем и каким образом собирался говорить с ним отец на набережной, Митьке было непонятно. Скорее всего — придумал! На каждом шагу, стараясь перекричать друг друга, истерично гремели оркестры. От яростно мигающей светомузыки кружилась голова. Митька покосился на отца. Тому, похоже, это все нравилось. Зачем-то направился к палатке, на которой были нарисованы кривые зеркала. Нашел тоже, чем тешиться! Ну, пусть идет. Иногда Митьке казалось, что отец — его младший брат, хоть сдуру и вымахал ростом выше Митьки на две головы. А вот телескоп — это дело! Долго разглядывал кратеры Луны. Эх, направить бы этот телескоп на дедову деревню да посмотреть, как он там, что делает. Суббота. Наверное, топят баню. Их банька стояла на самом берегу озера. Топилась по-черному. Обычно они с дедом ходили в баню в первый жар. После парилки окунались в озеро. И снова на горячий полук. Так — раз пять-шесть кряду, пока кожа не станет пятнистой, как у леопардов. Волосы после бани долго пахли костром и березовым веником. Пока, остывая, пили в предбаннике квас, дед рассказывал про порядки баенника.

— Ты, Митька, наматывай на ус. Не любит баенник, когда приходят к нему мыться после заката. Не терпит матерных слов, зависти, пересудов, сплетен. А потому в бане говорят только о хорошем. Нарушишь его святой закон — попотчует угаром. И, упаси Бог, прийти в баню с похмелья или принести с собой спиртное. Может так разозлиться, что удушит до смерти. Случаев таких было в округе немало.

— Дед, а как баенник дает о себе знать?

— Всяко разное. Ни с того ни с сего может ковш с гвоздя упасть. А, бывает, в печи треснет — мурашки по коже. Подножку подставит на мыльном полу. Упадешь и стукнешься так, что потом долго еще помнить будешь. Ничего в нашей жизни, Митька, не происходит случайно. Кругом нашему брату знаки подаются. Попало не в то горло — значит, говоришь не дело. В ухе зазвенело — не хочешь слушать Истину. Какой палец ни порань — всему на то

своя причина. Вот ты, к примеру, знаешь, почему именно на безымянный палец обручальное кольцо надевают?

— Почему? — вытянул свою и без того длинную шею Митька.

— У него из всех пальцев самая важная миссия — предостеречь от ненависти да непросщения. А кольцо — это оберег. Коль женился — умеи любить и прощать.

— Дед, а кто знаков этих не понимает, что тогда?

— Тогда и посерьезнее намеки даются. Не царапина, так перелом или другая какая болезнь приключится. Помучается человек с болячкой, да что-то поймет в этой жизни. А если не поймет — так и умереть может. Зачем свет зря коптить, коль с недостатками своими справиться не можешь? Думаешь, Митька, мы просто так на свете живем? Как бы не так! Каждый человек в этой жизни что-то усвоить должен.

— Дед, а Бог — он где?

— Везде. В каждой клеточке нашего тела, в каждой мысли, в каждом шаге. Все чистое и светлое, что есть в душе, — это, Митька, Бог.

— Как это?

— Да так. Бог — есть любовь ко всему живому. Подумал о ком плохо — отошел от Бога. Сотворил что с любовью — приблизился к нему.

— А ты когда маленьким был, в Бога верил?

— Нет. Нас тогда атеизму учили. И в школе, и в техникуме. В райкомах, в парткомах своя пропаганда велась. Храмы разрушили, колокола посбивали, иконы в костры побросали.

— А потом? — не унимался Митька.

— А потом каждый в себе стал Бога искать, потому как без веры, Митька, не прожить. Быстро запутаешься, не по той дороге пойдешь. Вера, она, как стержень в человеке, на истинном пути держит.

— Отец не верит. Говорит, что все это чушь собачья, — напирал Митька.

Дед молчал. Взгляд его, в поисках ответа, устремился куда-то далеко-далеко. Митька терпеливо ждал.

— А ты не суди его. Всё приходит в свое время. И к отцу придет.

— Ты уверен?

— А как же? Иначе и быть не может. Да и что ты все про отца, про себя думай. Ты зачем Люське сегодня тумачков надавал?

Лицо у Митьки сморщилось, будто ненароком ногой он наступил на старый скользкий и пахучий гриб.

— А чего она нас все время подслушивает и бабуле «стучит». А бабуля потом, знай, тебя делами грузит. На рыбалке уж три дня не были!

— Ну, то, что подслушивает и «стучит» — в этом, конечно, хорошего мало, что тут говорить. Но кулакам-то зачем волю давать? Девчонка она, да и младше тебя. Драться зачем? Выскажи свое презрение к этому качеству.

— Высказывал! Не понимает. Все равно свое делает. Как ее вразумить?

— Только не силой. Найди слова. На то ты и старший брат.

— А что, если она слов не понимает?!

— Митя! Не ершишь, прими критику достойно. Поставь себя на ее место. Сам-то, поди, не любишь, когда отец тебя щелбанами уму-разуму учит.

Эх, дед! Логика у него железная. Ночное море вздохнуло разом с Митькой. И все-таки оно большое, с озером не сравнишь. Но в каждом своя прелесть. Вот Люське бы тоже в море покупаться! Почувствовал, что по Люське тоже соскучился. Как-то она там? Может, кто из пацанов и обижает. Кирилл Егорушкин все ее раньше дразнил. Митька его отвалтузил. Дед знал, но не осудил. Скорей бы домой!

На другое утро проснулся задолго до будильника. Сам вытащил из шкафа большой дорожный чемодан на колесах и собирал вещи с таким усердием, что отец ухмыльнулся. Теперь отцу не приходилось что-то повторять Митьке дважды. Митькины уши ловили любое полуслово, угадывали каждое его желание. Движения были такими быстрыми и четкими, словно он танцевал на углях.

Званэк пришел проводить их к автобусу. Принес в подарок огромную ракушку, приложил к Митькиному уху.

— Слушай! Там шумит морэ. Ты уже бросыл в воду монэты?

— Забыл! — хлопнул себя по лбу Митька.

Пока в автобус загружались вещи, они добежали до моря. Медные монетки, сверкнув на солнце золотыми брызгами, посыпались на морское дно. Значит, Митька сюда когда-нибудь вернется. Помолчали. Спокойно, достойно, как умеют молчать настоящие мужчины. Митька легонько хлопнул Званэка по плечу:

— Приезжай ко мне! У нас тоже есть что посмотреть.

— Ладно. Договорылись.

Остров Откровения

И хоть Бегемот был с ними опять в одном купе, Митьку теперь это не колыхало. Черт с ним! Двое суток его потерпеть осталось — велика ли беда. Самое главное — он скоро увидит деда! У Митьки было что ему рассказать. Первым делом они поплывут с дедом на остров

«Откровения». Это точно! Там у них был сооружен чум. Не из шкур, конечно, из брезента. В центре чума разводился костер. И любая непогода была уже нипочем. На топчанах из ольхового кругляка лежали набитые сеном матрасы. Здесь, в чуме, царили свои порядки. На заданный вопрос нельзя было искать «отступную» или лукавить, или не договаривать чего-то. Откровенные разговоры велись до тех пор, пока на собеседников дурманом не наваливался утренний сон.

— Дед! А у тебя есть недостатки? — как-то поинтересовался Митька.

— А как же! Я ж не святой. Иногда начну свою жизнь перелистывать — спина краснеет. Сколько ошибок в жизни совершил! Красными галочками пометать — так полей в тетрадке не хватит. Только грызть себя за ошибки не надо. На ошибках учатся.

— А у меня какие недостатки? — не унимался Митька.

— Тебе прощать научиться надо.

— Это как понимать?

— Да вот так. Помнишь, тебе Денис Егоров подножку подставил? Ты упал, лоб расшиб, а потом все думал, чем бы ему отплатить. Не дело это. Не твои заботы. Бог с ним разберется.

— Да уж, разберется!.. — вздохнул Митька. — Что-то не припомню.

— Эх, Митька! А я бы рассуждал так: подножку Денис подставил не со зла, по недомумию. Какой урок нужно отсюда извлечь?

— Придурок он!

— Погоди, погоди! Вот опять ты за свое..! А в этом и другое увидеть можно.

— Что? — удивился Митька. Других вариантов он в голове не держал.

— Нельзя подставлять людям подножки, потому как сильным ушибом и злобой в твой адрес может обернуться такая шутка. Помнишь, Денис подходил к тебе, говорил, мол, прости, я не хотел. А ты?

Ответить было нечего. Митька помнил. Две недели при встрече Дениске кулаком грозил.

— И кому от этого было хуже? Тебе. На целых две недели сам лишил себя радости. К пацанам не ходил, в игры не играл. Дома сидел да обиды копил. А обида, она, знаешь, как человека гложет!

— Дед! А у тебя на отца обиды нет?

— Упаси Бог! Я его люблю и принимаю таким, какой он есть.

— А ты не лукавишь?

— Что ты! У отца твоего много достоинств.

— Ну, к примеру?

— Во-первых, большая целеустремленность. Без отца вырос. Мать — простая женщина, уборщица. А он образование высшее получил. Во-вторых, ты знаешь какая у него должность?

— Ну, знаю, — вяло подтвердил Митька.

— Вот тебе и «гну»! Заместитель директора банка. Шутка ли? Тут хорошую голову иметь нужно. А сила воли? Внутренняя организованность?

Так что у твоего отца, Митька, многому поучиться можно. А мелкие недостатки у каждого есть.

Митька молчал. Грыз горький ольховый прутик. Конечно, в чем-то дед прав. Отца на работе уважают. И друзья у него ничего. На гитарах играют, песни хорошие поют. Одного не мог ему Митька простить — зачем на деда «тянет». Словно завидует ему в чем!

— Разные мы с ним, — неожиданно вторгся в нелегкие Митькины думы дед. — Будь терпимее к людям, Митька. Отца осуждаешь, а сам такой же. Каждый человек больше всего не любит в другом свои собственные пороки.

Митька прикусил губу, задумался. Вот это да! Никогда б не подумал! А ведь в этом что-то есть. Взять мать, например. Терпеть не может, когда Люська забывает что-нибудь, а сама такая же. Во многом с дедом был согласен, только вот в то, что дед на отца не обижался — не верилось и все тут! И деду об этом сказал прямо.

— Вот даешь! Зациклился, однако! — засмеялся дед. — Что мне на него обижаться? Просто он недопонимает чего-то. А, может, и понимает да не справиться с собой. Такое тоже бывает. Ну и что из этого? Сегодня не понимает, завтра поймет.

— Да-а-а! — недовольно пробурчал Митька. — Держи карман шире. Поймет он!.. Знаешь, что он про тебя говорит?

— Не знаю и знать не хочу! — резко оборвал дед. — Мне до этого дела нет. То, что он про меня думает, это его проблемы. А я себя сам знаю. И тебе не советую чужие недобрые слова передавать. Грех это! Большой грех. Запомни, Митька!

Митька заерзал на топчане. Подоткнул под себя края старенького байкового одеяла. При последних словах деда его почему-то стало знобить. Дед встал, подкинул валежника в костер. У Митьки защипало в глазах.

— Дед, скажи тогда, а почему жизнь несправедливая такая?

— Кто тебе сказал?! В этой жизни, Митька, всем поровну дано. Все зависит от того, как ты свой Божий дар развивать станешь.

— Да где ж поровну?! — присел на топчане Митька. — Что я не вижу! Отец вон какие «бабки» в своем банке сшибает, а ты всю жизнь в лесу отработал, а пенсии едва на хлеб хватает. Разве это справедливо?

— Э-э-э, Митька! Вот тут-то и собака зарыта! Давай рассуждать! — теперь уже ворочался на топчане дед. — Чем это я в жизни обделен? Я имею все, что хочу. И дом у меня есть, и жена справная, и работа любимая, и корова, и пчелы, и сад, и лодка на берегу. Ни в холоде, ни в голоде. С протянутой рукой не стою. А внуки у меня какие! Да ведь за одно то, что ты у меня есть, я Богу до конца дней своих должен поклоны бить! Ты ведь, Митька, продолжение меня. Не каждому на долю такое счастье выпадает.

В свете потухающего костра глаза деда светились таким необыкновенным светом, что Митьку захлестнуло какой-то дикой нежностью. Он спрыгнул с топчана, перебежал к деду, прижался щекой к его бороде.

— Дед! Я тебя больше всех люблю! Ты не такой, как все, дед! Ты даже сам не знаешь, какой ты!

— Ты просто других людей меньше знаешь.

Но Митьке больше уже ни о чем не хотелось говорить. Забившись носом к деду под мышку, он сначала затих, а потом сладко засопел.

Вспоминая сейчас те минуты, Митька ощутил где-то рядом запах дедова пота. И даже повел носом. Запах этот был ему очень приятен. Знал, что не всякий пот хорошо пахнет. А вот дедов был каким-то особенным.

Ничто не мешало Митьке предаваться сладким воспоминаниям. Отец с Бегемотом о чем-то беседовали в коридоре. Однако однотонный стук колес уже изрядно притомил. Митька забрался под одеяло и задремал. И тут ему почудился тихий голос деда. Он приподнял голову от подушки. Дед стоял перед ним в каких-то необычных белых одеждах. «Я ухожу, Митька, — задумчиво сообщил он, не открывая рта, как-то одними глазами. — Очень-то не горюй. Если захочешь со мной поговорить, позови, я приду». И исчез, словно растворился. В голове у Митьки крутились какие-то никчемные вопросы. Но ими уже было бы деда не вернуть. Митька это чувствовал и потому молчал. Сон прошмыгнул через дверную щель в коридор, где маячила тучная спина Бегемота. Митька прижал нос к оконному стеклу. По носу катились слезы. А почему — кто его знает!

Южные пейзажи за окном сменились привычными перелесками. Мелькали березы, осины, сосны, ели. И даже пыльная ольха была родной и милой истосковавшемуся Митькиному сердцу. «Где родился — там и пригодился», — любил повторять дед. Вот уж правда! Образ деда так не вязался с этой фантиковой границей. Там бы деда действительно можно было назвать Гуманоидом. Зато дома, в деревне, в ватнике, в кирзовых сапогах, он был в своей тарелке. И все же хорошо, что отец вытащил его на этот курорт. Теперь Митька знал, что ему действительно «не нужно». Не попробуешь кислого — не узнаешь сладкого. Дед, как всегда, прав! Многое из того, что говорил он, стало понятным Митьке только сейчас. И про любовь

тоже. Мысли сразу улетели к Рите. Ей бы тоже понравилось в деревне. Они с дедом обязательно свозят ее на Святой остров, в наскальных лужах которого — лечебная вода. Если помыть той водой руки, сходят все бородавки, а на лице исчезают прыщи. Не поверить бы Митьке в это чудо, если бы с ним самим такого не случилось. Бородавки сошли и с его рук, и с рук сестры Люськи за одну ночь. Были — и не стало. А потому во все, о чем рассказывал дед, Митька верил. Только диву давался: откуда тот столько знает?!

Мимо проплыл маленький деревянный вокзал. Название станции прочитать Митька не успел. Мимо окон забегали местные торгаши. Яблоки, груши, сливы продавались ведрами. Отец с Бегемотом двинулись к выходу купить что-нибудь домой. Митька — за ними. Цены были, конечно, смешные. В городе на рынке яблоки по тридцать рублей за килограмм, а тут двадцать — за целое ведро. Бегемот остановился возле какой-то древней старухи. Лицо у нее было похоже на печеное яблоко, коричневое и морщинистое. Да еще костыль рядом. Как только до станции дотащилась?

— Бабуль, почём яблоки? — поинтересовался Бегемот. Для понта, что ли?

— По двадцать рублёв продавала. Бери, сынок, подешевше отдам. С утра уж тут стою...

Отец толкнул Бегемота в бок.

— Вон там по пятнадцать женщина продает. И сорт лучше.

— Я этих хочу! — почему-то вдруг разозлился Бегемот и протянул бабуле полтинник. — На, бабуль, и сдачи не надо.

— Да што ты, сынок! Куды ш мне стольки?

— Бери, бабуль, бери! — А у самого голос дрожит.

— Храни тебя, Бог, за доброту твою! Кушай, милый, на здоровье!

Когда вернулись в купе, Митька зачем-то спросил:

— Дядя Жора, а ты за что так стариков любишь?

— Потому что они добрее, мудрее и чище, чем мы. Посуди сам: зачем старику хитрить, когда ему уж скоро перед Богом ответ держать. Если бы мы, Митька, стариков больше слушали, лучше бы жили. Это факт! И не было бы у нас столько проблем.

Митька покосился на отца: слышит ли? Конечно, слышит. Однако прикидывается, что газетные новости его интересуют больше. А дядя Жора ничего мужик. Не ожидал! Даже в мыслях теперь прозывать его Бегемотом Митьке расхотелось.

Мир рушится

Поезд в Петрозаводск прибывал рано, около шести часов утра. После теплых южных ночей северная прохлада казалась Митьке более ощутимой. Его колотил озноб. В пору кричать: «Дро-о-жжи! Купите дро-о-жжи! Продаю дро-о-жжи!». И хоть было уже совсем светло, белые ночи далеко не отошли, город еще спал. И только капризно лязгали двери стареньких троллейбусов. У вокзала их поджидал на машине водитель отца, дядя Саша. Хороший мужик, с юмором. И хоть, приветствуя их, он, как обычно, улыбался, в улыбке было что-то такое, от чего у Митьки по спине снова пробежал холодок. Пока он водворялся на заднее сиденье, дядя Саша что-то быстро прошептал отцу. Тот вздрогнул всем телом, словно его пронзило током, и машинально обернулся к Митьке. Такими глазами отец на Митьку еще никогда не смотрел! По скулам ходили желваки. И как-то странно дергался кадык. Что это с ним? Но спросить не решился. Вот отец приоткрыл рот, хотел было что-то сказать Митьке, но вдруг осекся, сомкнул губы так плотно, будто боялся выронить полученную весть. А потом отвернулся, как-то весь съежился и втянул голову в плечи, как провинившийся пацан. Митьке стало не по себе. Так вот молча и доехали до дома. Вылезая из машины, Митька задрал голову вверх. В кухне не было света. Спит мама, что ли? Такого еще не бывало. К приезду гостей у нее всегда пеклись пироги: с мясом, с морковкой, с вареньем. Вкусно пахло на весь подъезд. Митька начинал глотать слюну уже на второй лестничной площадке.

Дома никого не было. На столе лежала какая-то записка. Отец пробежал ее глазами и быстро засунул в карман.

— В деревню едем! — каким-то незнакомым голосом тихо сказал он.

Митька расцвел. И уже, было, представил себя в объятьях деда, но тут отец, набрав в легкие воздуха, шумно выдохнул:

— Держись, Митька! Горе у нас!

И от этих его слов у Митьки почему-то вдруг расслабился живот. Так Люську и вспомнишь. Что же такое могло случиться? Может быть, бабуля приболела? У нее иногда поднималось высокое давление. Только вряд ли отец из-за этого расстроился бы так сильно? А, может, баня сгорела? У Митюхиных в прошлом году такой пожар случился. Всей деревней тушили. Бабка Тоня два дня голосила, как по покойнику: «Ой! Люди добрые! Горе-то у нас какое!» Но, ничего, отстроилась потом. Зятевья помогли. И чего отец молчит, будто воды в рот набрал! А тут гадай! Дед бы мучить недомолвками не стал, прямо бы сказал. А этот вечно!.. Не с Люськой ли что? Прошлым летом умудрилась как-то ногу сломать. Орала-а-а! Еще та егоза. Вечно голова вверх задрана и под ноги не смотрит.

Митька тщательно перебирал в голове всякие возможные неприятности, но все равно они никак не затмевали радость встречи с дедом.

И чем ближе подъезжали к деревне, тем сильнее сердце прыгало в груди. Вот уже проехали развилку. Значит, до деревни рукой подать. Вот свернули на грунтовку. Деревня вся в ядреной зелени. Жаль, что клубника отошла. Дедов дом был каким-то не таким. Что именно изменилось, сказать бы Митька не мог. Вроде, все по-прежнему, на своих местах. Вот только калитка распахнута. Заложка сорвалась, что ли? Непорядок! Куда дед смотрит? На него непохоже. Митька его этим потом обязательно подколет.

Стоило войти в дом, как мама бросилась отцу на грудь со слезами. Так и знал! Бабуля лежала больная в постели. А дед-то где? Может, скотину обряжает? Подбежал, чмокнул бабушку в щеку.

— Здравствуй, бабуль! А дед где?

Бабушка закрыла глаза и отвернула голову к стене. По щекам ее текли слезы. В комнате повисла гнетущая тишина. Тут из спальни выплыла заспанная Люська. Поджав губы, медленно двинулась ему навстречу, словно затаила в себе какую-то обиду. Вот кукла! Митька легонько дернул ее за косу. Мол, что накуксилась? Люська даже не хихикнула в ответ. Тогда он глазами показал на мать, мол, что она плачет. Сестренка, прижимая палец к губам, прошептала:

— Мы вчера дедушку похоронили!

Митька взглянул на Люську так, словно из девчонки она превратилась в гадюку.

— Заткнись! А то сейчас так получишь! — И кулаки сжались до побеления. — Вот дура! Нашла чем шутить! Ненормальная!

— Я не шучу! — плаксиво скривила губы Люська. — У мамы спроси! — и, уткнувшись в мамин бок, заревела трубным голосом. Митька перевел ошалелый взгляд на мать. Та, глотая слезы, кивнула и, словно оправдываясь, прошептала:

— Тромбоз у него был, Митенька. Вечером, как обычно, спать лег. Бабушка говорит, все хорошо было, а утром проснулась — он не шевелится.

Митька беспомощно крутил головой. Растерянный взгляд его стал искать спасения на лице отца. Но тот, как-то совсем по-мальчишески, закрыл мокрые глаза рукавом, отвернулся лицом в угол, и плечи его стали мелко вздрагивать. Митька впервые видел, как плачет отец. Тогда, будто ошпаренный, он выскочил на улицу и, что было сил, помчался в лес. Ноги несли его к лабазу. Как бегущая от собаки кошка, одним махом взобрался по деревянным рейкам на сосну, на площадке скрючился в три погибели и, захлебываясь слезами, впился зубами в острые колени. Ему казалось, что сейчас разразится сильная гроза, и ураган повыворачивает вверх корнями могучие деревья, и расколется пополам небо, и начнется великий

потоп! Но кругом было тихо-тихо. И только о чем-то беспечно щебетали птицы. И стучал по стволу клювом трудоголик-дятел. Тогда в отчаянии он мысленно накинулся на отца. Это все он! Был бы Митька в деревне, ничего бы с дедом не случилось. И никакой там ни тромбоз, просто умер от обиды и тоски. Но, как ни распалял себя, сердиться на отца почему-то не мог. Перед глазами так и стояла его вздрагивающая спина. Отец не притворялся. Он искренне горевал по деду.

И тогда вспомнился сон и дед в белых одеждах. В голове отчетливо зазвучал его голос: «Будет трудно — позови! Я приду».

— Дед! Миленький! Как же мне теперь без тебя?!

«Возьми себя в руки, Митька! Не раскисай. Будь мужчиной. Молодец, что не сердишься на отца. Он тут ни при чем. У каждого свой срок. Ты знаешь, у меня теперь другие задачи».

— Дед! Я тебе про Риту еще не рассказал!

«Я всё знаю. Знаю даже то, чего не знаешь ты. Она к тебе приедет. Жди».

У Митьки как-то разом иссякли все вопросы. Голос деда пропал. Мимо лабаза низко плыли белые облака, на которые так любил смотреть Митька. На глазах они превращались в египетские пирамиды, в грозные вулканы, в огромные корабли. А то вдруг мчались по небу белой тройкой каких-то сказочных коней. Потом настал черед портретов. На бирюзовом фоне летнего неба стали вырисовываться знакомые образы: дед, Рита, Валентин Петрович, Званэк, мистер Сенько и даже Бегемот. Митька не заметил, как уснул. Очнулся, почувствовав на спине чью-то теплую руку. Испуганно открыл глаза. Отец!

— Ты не думай про меня плохо, Митька. Я ведь деда тоже любил. Он ведь мне вместо отца был. Ну и если уж до конца честно, ревновал я тебя к нему... Ты ведь за ним как поплавок бегал. А мне... что-то так обидно было. Глупо, конечно! Ну да что теперь!

Отец впервые назвал его Митькой. И от этого у Митьки вдруг сделалось так хорошо на душе, что он даже застыдился своей такой неуместной в эту минуту радости.

— Пойдем на могилку деда сходим, — тихо предложил отец.

Митька кивнул. И они стали осторожно спускаться на землю.

Кладбище

Кладбище находилось на краю деревни в сосновом бору. Издали кресты да оградки видел, а вот внутрь заходить не доводилось. Слышал как-то, бабушка маме место нахваливала, мол, сухо и, где ни копни, повсюду белый песок. Слышать это было странно. Кладбище мальчишки всегда обходили стороной. Особенно угнетали пластмассовые венки и цветы.

Сейчас, проходя между оградок, так и цеплялся взглядом за фотографии знакомых лиц. Слева приветливо улыбался дед Вася Козлов. Вот-вот произнесет: «Привет, Митька, Николин внук. Помнишь, я смастерил тебе лук?» Стрельбой из лука пацаны увлекались целый сезон. Кажется, это было в то лето, когда Митька перешел в третий класс. Справа на них строго смотрела баба Паша Абрамова. Смотрела так пристально, что Митька невольно кивнул и прошептал: «Здрасьте!». Бабы Паши он побаивался. И причина этому была веская. За ее садом был пруд. Возле пруда пацаны любили жечь костер. Пекли картошку, рассказывали страшилки, играли в ножечки. За забором, сколоченным из горбыля, дразнились спелостью кусты мохнатого крыжовника. Время от времени пацаны просовывали между неровными краями досок худенькие руки, засучив до плеча рукава футболок, чтобы сорвать несколько еще кисловатых, но очень крупных ягод. И хоть у каждого возле дома этого крыжовника было навалом, бабин Пашин казался вкуснее. Как пронюхала старая про их неблаговидные дела, одному Богу известно, но однажды застучала с поличным. Выросла, как из-под земли. «Ах, ворюги вы этикие! Сейчас я вам!» Пацаны горохом отскочили от забора, а у Митьки рука в дырке застрял. Ни туда, ни сюда. Всю в кровь ободрал — не вытащить и все. Тут и нажгла его баба Паша крапивой по первое число. За всех одному досталось. Навек усвоил, как зариться на чужое.

Вот и свежая могилка. Хоть убей, но образ деда с этим песчаным холмом было никак не связать. И никаких чувств на Митьку не нахлынуло. Да и отца особо не проняло. Зачем-то пошатал деревянный крест, словно хотел проверить его на прочность. Покрошил на могилку печенье для птиц. Поправил еловые лапки по краям, чтобы зверье не разрыло бы свежую землю.

— Спи, дед, спокойно. И прости меня! Виноват я перед тобой! Ты простишь, я знаю. Большая у тебя душа была.

Стоило им отойти от могилы, как откуда ни возьмись появилась яркая острокрылая сойка и принялась быстро клевать крошки. Значит, где-то рядом витает душа деда. Он сам так говорил. А знал дед много!

— Я завтра уезжаю. На работу надо, — не глядя на Митьку, произнес отец. — Ты ... в деревне останешься или со мной в город поедешь? — И напряженно ждал Митькиного ответа.

— С тобой, — сказал Митька. Сказал спокойно и твердо, как само собой разумеющееся. И был удивлен реакцией отца. Лицо у того вдруг сделалось по-детски счастливым. И он даже не пытался этого скрыть.

— Вот и отлично! Знаешь, я так привык к тебе за эти три недели. Не хочу один оставаться. А в выходные снова в деревню приедем, да? Баню стопим. Научишь меня париться?

Митька моргнул глазами. Согласился. Ему почему-то снова показалось, что он старше отца, и намного. Надо будет когда-нибудь его на утреннюю рыбалку с собой взять, что ли. А то ведь он со своими финансовыми делами настоящей жизни почти и не видел. Эх, да-а-а!

Постскриптум

В город возвращались молча. Каждый в своих мыслях. Отец тоже думал про деда. Это факт.

Дома, едва успев скинуть с ног кроссовки, Митька кинулся к компьютеру. Навел шустрю стрелку на конверт с надписью «Доставить почту». Закрутился в углу экрана глобус. Замигали голубыми глазами огоньки интернета. И черным курсивом ударили в глаза слова:

«Петрова Рита». Тема: «Привет! Это я!» Лихорадочно защелкал пластмассовой мышью. Письмо было небольшим: «Дима! Привет! Это я. Как твои дела? Очень надеюсь, что отдохнули вы хорошо. В начале августа мы с папой собираемся приехать в Петрозаводск на целую неделю. Очень хочу тебя увидеть! Передавай привет дедушке. Пиши. Рита».

Митька закрыл глаза и прошептал:

— Дед! Тебе от Риты привет! Слышишь?

«А как же! — зазвучал в голове родной голос деда. — Приедет, покажи ей все наши заветные места. Ключ от лодки у меня над дверью в предбаннике. Плывите с Богом!»

— Спасибо, дед! — прошептал Митька.

— Ты с кем говоришь? — удивленно спросил вошедший в комнату отец.

— Да так, про себя, — слукавил Митька и боднул отца лбом в плечо, как обычно шутил только с дедом.

— Ну, все ясно! — обеими руками обхватил Митьку отец, легонько приподнял и бережно повалил на ковер.

Клубком катались по полу два слившихся в одно тела. Весело блестели две пары глаз, и разругались щеки от азартной борьбы: кто кого положит на лопатки. И вдруг — возглас отца:

— Стой! Замри! А то раздавишь муравья!

Тяжело переводя дух, Митька сел на полу. Чего это он? А отец, оторвав от газеты уголок, заботливо подсаживал на бумажку рыжего скитальца. Тот, как две капли воды, был похож на своего собрата, которого Митька спас от тяжелой туфли Маргариты Рашидовны. Митька даже головой покачал — как давно это было! Будто прошло с тех пор не три месяца, а три длинных года! В общем, было это... было это... когда был маленьким! Вспомнил, и сразу захоте-

лось увидеть одноклассников: Цыганкова, Маркова, Птицыну... И даже саму Маргариту Рашидовну!

Улыбаясь и повернув голову набок, Митька пристально следил за каждым движением отца. А тот тем временем уже поднес муравья к форточке, заговорщицки подмигнул Митьке и осторожно выпустил бумажку из рук. Потом как-то очень смешно округлил щеки и дунул вслед муравью:

— Лети, бродяга!

Часть вторая

«Гулливер»

Митька сидел в своей комнате у компьютера и мучил скрепку такими вопросами, от которых глаза у той, как у стрекозы, вылезали из орбит. Из технических помощников выбрал образ не собаки, не утёнка, а именно скрепки. Она выскакивала всякий раз, как только Митька нажимал стрелкой компьютерной мыши на вопросительный знак. Наблюдать за скрепкой было потешно: она то озадаченно чесала в затылке, то подозрительно косила глазами, раскачиваясь из стороны в сторону, то беспомощно разводила руками, мол, не понимаю, «что тебе надобно, старче». А что тут понимать? Митька ждал писем от Риты, а их не было уже целых две недели. Какие только реплики он ей не отпускал, какие открытки не отправлял. Вирус у неё в компьютере что ли? И мобильник теперь почему-то всё время был отключён. Деньги кончились? Такого ещё не бывало. Открыл её последнее письмо. Странное какое-то. Словно что-то хочет сказать и не решается. Намёки, подколки, капризы! Может, обиделась на что? У девчонок это часто бывает. Щёлкнул мышью по своему последнему посланию. Оно было непростительно длинным. Бегал глазами по строчкам и чувствовал, как потеет спина от стыда. Учил ведь дед: не впадай в эмоции, не прыгай от радости глупым козлёнком, сохраняй спокойствие, что бы ни случилось, привыкай ценить свои слова и чужое время. Э-эх! Переборщил!

А скрепка, знай, пилкала глазами! Уберись ты, чудо гороховое! Нечего подсматривать! Без тебя тошно!

– Митя! Иди-ка скорее сюда! Смотри, что показывают! – раздался из гостиной возбуждённый голос матери. Дался ей этот телевизор! Сядет за своё вязанье и, знай, каналы переключает. Ещё и сестрёнку, Люську, приучила! У той от этого ящика уже скоро крыша на сторону съедет! Темноты боится до поросёньего визга. Приезжает в деревню, и каждый раз просит бабулю до туалета проводить. До чего дошло! Внушал им дед, что человек должен своей жизнью жить, а не чужой. Да разве мать вразумишь? Ну, бывают, конечно, интересные фильмы. «Сибирский цирюльник», например... или «Ворошиловский стрелок». Артист этот, Михаил Ульянов, так на деда похож! Смотришь фильм с его участием – в груди щемить начинается. Ну, вылитый дед! Глаза такие же, спокойные, умные, в самую душу смотрят. И на висках – лучики морщинок от затаённой улыбки.

Мысли пошли вольготно гулять по прошлому, которого без деда Митька себе представить никак не мог. После его смерти мир стал приобретать какие-то совсем другие краски, формы, размеры... Дедов дом, например, в детстве всегда казался Митьке высоким, светлым

и просторным, а теперь словно съежился, сгорбился, того и гляди, вrastёт окнами в землю. Да и цвет дома был ярко голубым, а теперь сделался каким-то не то выгоревшим, не то линялым. Надо будет уговорить отца купить голубой краски да покрасить дом заново. И озеро, на берегу которого стояла дедова банька, раньше казалось глубоким. Прибрежные валуны, с которых он, мальчишкой, нырял солдатиком в воду, теперь покоились на сухом песке, блеклые и шершавые. Что случилось? Куда ушла вода? Застыл в оцепенении ветрячок, и никакой ветер не мог пробудить в нем былых чувств. Видать, что-то и в нём заклинило, сломалось. Чум на острове Откровения тоже обветшал до дыр, тюфяки сгнили, и внутри уже давно не пахло костром. И даже деревянная лодка, перевёрнутая вверх дном, рассохлась и облезла. Просмолить бы надо, да всё не собраться, со временем «напряг». И, самое главное, некому больше задать волнующих вопросов. Разве что в мыслях!

В воображении Митьки голос деда всегда звучал, как прежде, мудро и уверенно. И по этому дедову голосу Митька настраивал свою душу, как настраивают по камертону капризный струнный инструмент. Теперешним взрослым умом понимал, что не было в этом никакой мистики, как казалось раньше. Каждый может помнить голос ушедшего человека и, хорошо зная его суть, взгляды, манеру мышления, предположить ответ на тот или иной вопрос. Митька с раннего детства, как только помнил себя, верил каждому слову деда. И теперь вот также верил себе, потому что знал: с дедом они единое целое. Чёткое осознание этого пришло вскоре после смерти деда, словно тот, уходя в мир иной, оставил ему в наследство самое бесценное – свои душевные силы.

Жаль, что Рите не довелось с дедом познакомиться. Ей бы он тоже понравился.

Стоило вспомнить про Риту, как тотчас неуёмные мысли устремились в Петербург и стали бродить по заснеженной набережной Фонтанки, по пустынному двору, куда выходили окна Ритиной комнаты, так называемой «девичьей». В комнате Рита жила не одна, со старшей сестрой Светланой. Светлане было уже двадцать, и любое её мнение отдавало категоричностью. А впрочем, что ему до Светланы? Знать бы, чем занимается Рита! Дел, конечно, у неё под завязку. В какие только кружки не записалась! Японский язык учить принялась. Зачем он ей? Ну, английский – куда ни шло. Без него нынче ни шагу. А японцы-то эти на что сдались, если нет времени на письма ответить...

– Митька! Скоро ты?! – забарабанила к нему в дверь кулаком Люська. – Дядьку какого-то показывают, который людей оживлять может! Не веришь? Послушай!

Митька нехотя поднялся, не спеша, направился в гостиную. Встал в дверях, скрестив на груди руки. Нашли что смотреть! Шоу «Пусть говорят!» Большим планом показали какого-то мужчину. Митьку поразило его взгляд. Такой необычный. Смотрит на всех, как Гулливер на лилипутов. Ведущий программы из кожи вон лезет. Чуть не в нос ему микрофоном тычет:

«Так вы утверждаете, что умеете воскрешать людей?!» – «Да! И я могу научить этой методе любого, кто пожелает». Вот это да! Митька присел на подлокотник кресла, и весь подался вперёд. На сумасшедшего, вроде, не похож.

– Мошенник! – словно прочитав его мысли, первой взвизгнула сидящая в зале толстая тетка с красным мясистым лицом. Как на рынке: «руки в боки» и давай глотку драть. – Вымогают у людей последние деньги! Набивают себе карманы на людском горе! Ещё в студию пришёл, наглец!

– А вы могли бы воскресить мёртвого человека прямо здесь в студии? – подхватил идею ведущий.

– Как пожелаете, – спокойно пожал плечами странный мужчина. И опять его глаза показали крупным планом. Смотрит на всех так, будто силится понять, что же здесь происходит. Митька криво усмехнулся. Ну, дела! Мать сидит, бледная вся. Даже про вязанье забыла. А Люська глазищами так и стреляет, как та скрепка: то на Митьку, то на мать. Ответа ищет – правда ли? А какой тут ответ дашь? Вон у всех в студии лица вытянулись. А среди них ведь и врачи, и учёные, и писатели, и даже священники.

– Судить его, мошенника, или в психиатрию отправить! Развелось их, дьяволов, в наши смутные времена! Статистика в интернете такие факты выдаёт: три тысячи шестьсот шестьдесят человек уже объявили себя Иисусами.

И разом со всех сторон поднялся такой рёв: дай им волю – разорвут на части. Ату его!

Митька занервничал и принялся щелкать себя по ногтям. Вот дурацкая привычка! И не отвыкнуть никак. А как тут не нервничать? Не дают человеку слова сказать! Зачем приглашали?! Вдруг он, и правда, чем-то таким владеет. Вот бы деда оживить! Никаких бы денег не пожалел. Работать бы пошёл и вкалывал день и ночь. Только бы дед жив был. После его смерти Гуманоидом стали прозывать Митьку. И он носил дедово прозвище с честью и достоинством. Сначала по деревне разнеслось, а потом и в город просочилось. Гуманоид – и всё тут!

Снова взглянул на экран. Показывали одного из воскрешённых. Мужик – как мужик. Спокойный, как слон. Кусают со всех сторон, а он, знай, твердит: «Мир вам, люди!» В морге отлежал около суток. После воскрешения в Бога веровать стал. Интересно, кто он? Подсадная утка? Потом ещё одну женщину показали, которая мужа по этой цифровой методе воскресила. И её негативом «распяли». Каких только ярлыков не приклеили. А на вид нормальная женщина. По манерам, на врача смахивает. Только говорит не очень уверенно. Её спрашивают, где муж сейчас. Молчит. Слово боится проговориться. А чего бояться-то? Если бы он, Митька, чем-нибудь таким сверхъестественным владел, разве стоял бы вот так, язык про-

глотив?! Рассказал бы всё, как на духу. Чего они?! И «Гулливер» этот уходит от прямых вопросов.

Шоу закончилось так же неожиданно, как и началось. В душе осталось какое-то чувство неудовлетворённости. Митька молча удалился в свою комнату. Ни с матерью, ни тем более с Люськой обсуждать эту щекотливую тему не хотелось. Пусть женщины меж собой «чирикают», а ему, мужику, негоже. С отцом бы ещё обменялся мнением, но тот, как всегда, в командировке. Ну да ладно, время покажет: сумасшедший ли этот «Гулливер», мошенник или одержимый какой. А с другой стороны посмотреть, в сказки раньше тоже не верили, а потом и зеркальце, в котором всё можно увидеть, и ковёр-самолёт, и другие чудеса реальностью стали. Так почему не быть живой воде? Но опять же, воскресить одного, двух – это ещё: куда ни шло. А если всех? Что на свете твориться будет?!

А перед глазами так дед и стоит. Сидит на крыльце и насмешливо теребит бороду. «Вот так-то, Митька! Думай, чеши в голове. На твоём веку ещё и не такое будет!»

Митька снова сел за компьютер. Ну, а что ты на это, скрепка, скажешь? Та покачала головой. Потом развалилась, закинула ногу на ногу, закатила глаза вверх. Что-то соображает своей металлической головой. Ладно, не пыжься, отдыхай! С Ритой бы на эту тему поговорить. Она этими вещами ох как интересуется! Родители на неё ворчат. Они по профессии врачи. Верят только в то, что руками потрогать можно.

Вспомнился последний приезд в Петербург. Было это в сентябре. Долго гуляли по набережной Фонтанки. Говорили о клонировании. Гадали, будут ли проводить такие эксперименты над людьми или нет. Митька был категорически против клонов. Зачем и кому они нужны? Риту задевали эти темы так глубоко, что у неё от волнения начинал дрожать голос. А глаза прямо-таки искрились от возбуждения. В такие минуты Митьке почему-то очень хотелось её поцеловать. Но боялся обидеть. Просто брал за руку и нежно гладил её тонкие пальцы, разглядывая их, словно какую-то диковину. Рита сразу замолкала, но в глаза ему смотреть не решалась. Застенчево отводила взгляд. Однажды они остановились на мосту. В воде отражались уличные фонари. Кругом было безлюдно. Митька взял и поднял Риту на руки, да ещё вытянул их вперёд. Девушка тихонько вскрикнула и, крепко прижавшись к нему, обхватила за шею. Митьке стало так хорошо, что хотелось окаменеть и остаться с ней в обнимку на века. Но Рита взмолилась её отпустить. Он с нежностью провёл губами по её щеке и опустил наземь. Пока она поправляла волосы, Митька глядел на воду. По тёмной поверхности реки плыли яркие кленовые листья. Они напоминали растопыренные в стороны пальцы. И кто придумал такую красоту! Вроде, и клёнов-то рядом нет. Значит, кто-то специально нашёл, подобрал и бросил их в воду. И, наверное, загадал желание. Дед говорил, что вода полна всякой информации и большой магической силы.

Представлял Риту так явно, что даже ощутил тонкий запах её любимых духов. Всё тело стало распирает каким-то непонятным напряжением. С шумом выдохнул скопившийся в груди воздух и твёрдо решил в выходные, во что бы то ни стало, рвануть в Питер. Что сидеть и гадать на кофейной гуще? Приехать и всё увидеть своими глазами. Пусть даже Риты не будет дома. Ну, мало ли уехала куда. Поговорит со Светланой, с Галиной Ивановной, с Валентином Петровичем. Неизвестность – худшая пытка. Всё! Решено! Деньги на дорогу есть. Клянчить у родителей не надо. Зря, что ль, два месяца по вечерам разносил телеграммы. От денег, которые предлагал отец на карманные расходы, всегда отказывался. Нет халявных денег – нет и упрёков. Усвоил эту истину твёрдо. Бегаю с телеграммами по убогим дворам, посмотрелся, конечно, всякого. Бумажные телеграммы нынче шлют только те, у кого нет ни телефона, ни компьютера. Услуги связи нищенских трущоб.

Одна молодая женщина с полугодовалым ребёнком на руках, прочитав текст телеграммы, долго смотрела на него с каким-то отчаянным укором в глазах. Словно ему, Митьке, было кем-то велено держать ответ за все грехи мужского пола. И бледные губы её вдруг стали шептать такое, от чего его бросило в жар – нездоровый, трусливый, липкий.

– Он меня предал!.. Оставил! Будь он проклят!.. Помогите мне! Остаюсь! Любите меня!

Митька растерянно тряс головой и, заикаясь, невнятно бормотал что-то, типа того, мол, извините, я при исполнении. А сам с каким-то оцепенением смотрел на её полинявшую от стирки футболку, загрубевшую на груди от высохшего молока. Курчавая малышка беспечно подпрыгивала на руках у матери и озорно хлопала в ладоши. После неловкой паузы женщина резко развернулась и, обхватив дочку двумя руками, скрылась в тёмной комнате. Митьке ничего не оставалось, как поставить в графе «Получатель» закорючку своей рукой. И скорее на улицу! Подальше от всего этого. От гулко топота его ног из глубоких рытвин облупившихся стен (словно после артобстрела!) сыпалась сухая штукатурка. Потолок чернел пятнами копоти, из которых торчком торчали обгоревшие спички. Кому не лень до самого потолка прыгать?!

Следующий адресат проживал где-то в деревянных двухэтажных бараках, построенных сразу после войны, как временное жильё. По этому поводу дед говорил так: «Никогда, Митька, не верь обманному слову «временно»! Под ним всегда подразумевается «навечно», «навсегда». Любое дело с душой делай, как для себя, и доводи всё до победного конца. Знай: всё к человеку возвращается: и добро, и зло. В одном месте чего худого натворил – в другом сам же на это и попадёшься. А за добрые деяния всегда получишь благодарность, не в словах, так в мыслях человеческих. А мысли, Митька, – великая сила! Мыслями мы творим и себя, и своё будущее!».

Митька никогда не любил эти деревянные районы. Ни город, ни деревня! Не поймёшь что! Разбросанные по двору дрова, вечно переполненные помойки, по которым шастают бездомные, облезлые коты и собаки. Разбитые окна подъездов зачастую наполовину заколочены фанерой. Кто ж сподобится вставить стекло? Не моё, общественное. Обшарпанные ступеньки деревянной лестницы скрипели на все лады, как расстроенная домра. Так и знал: дверной звонок сорван. Постучал в дверь кулаком. Открыл ему старичок со светлыми и какими-то трогательно-беззащитными глазами.

– Вам телеграмма, – казённо сообщил Митька. – Распишитесь здесь, пожалуйста. – И протянул старику сложенную вчетверо бумажку.

– Да я, милый, плохо вижу. Ткни пальцем-то, куда закорючкой чиркнуть.

Митька приставил кончик ручки к нужному месту на бумаге. Старик расписался. И только Митька хотел уйти, как тот взмолился.

– Не уходи, сынок, прочти, что в телеграмме-то! Старуха моя тоже не видит, у обоих катаракта.

Митька окинул взглядом прихожую. В углах на оборванных обоях гнездились тараканы. Вообще-то тараканов Митька видел, но чтобы их было столько – никогда! Если бы не шевеленье их чувственных усов, можно было подумать, что угол выложен блестящим коричневым кафелем. Старик, конечно, эту живность не видел.

Развернул телеграмму, быстро пробежал глазами по тексту: «Трагически умер Павел. Вчера похоронили. Зина». Видя, что Митька что-то мнётся, старик строго приказал:

– Читай! Мы от телеграмм нынче ничего хорошего не ждём.

Митька откашлялся и прочёл, стараясь произносить слова, как можно равнодушнее и суше.

– Господи! – перекрестился старик на «лампочку Ильича», что болталась на проводе без люстры под самым потолком. – Спасибо Тебе, Господи, что прибрал на место! Пусть земля ему пухом, а горемычной душе – прощенье за слабость Духа. – И, уже обращаясь к Митьке, добавил: – Пил он, по-чёрному. Давно знали, что добром не кончит! Сын это наш. Вот так, парень. Теперь иди с Богом, дай поплакать вволю!

И снова Митька прыгал через ступеньку, будто ему дали пинка под зад. Внизу под лестницей кто-то шевелился, шелестел картонными коробками. В нос ударил зловонный запах. В привокзальном туалете дышать легче! Митька зажал нос ладошкой. Какой-то бомж устраивался на ночлег. А куда ему деться? Во всех приличных домах домофоны да консьержи. А тут дверь, как на станции метро, в обе стороны ходит. У батареи – худо-бедно, но тепло. Взглянул на следующую телеграмму. Где же этот дом под номером шесть? По идее, вон тот должен быть. Но в нём, вроде, никто не живёт... Дверей в подъезде вообще нет. Стёкла вы-

биты. Свет ни в одном окне не горит. Посветил фонариком. Увидел рваную занавеску на окне. Пошарил лучом по тёмным углам подъезда, пугая сонных собак. Те уж давно не лают на чужих. Сами на птичьих правах. Высчитал квартиру. Должна быть, слева, на первом этаже. Гулко забарабанил в дверь. Послышались шаркающие шаги. Хмельной мужской голос недовольно спросил:

– Кого там принесло, на ночь глядя?

– Телеграмма! – громко оповестил Митька. Дверь открылась, но свет не зажёгся. Митька пристроил телеграмму на локоть. – Распишитесь!

Мужик сподобился.

– Посвети-ка! Что там в ней?

Митька приставил фонарик к дрожащим рукам мужика, в которых нервно плясала телеграмма.

– Бог ты мой! – вскинул тот на Митьку опухшие глаза. – Батя преставился! – И спокойно подытожил: – Пора уж! На девятый десяток перевалило. Нам столько не отжить. – Усмехнулся каким-то своим практичным мыслям, которые, как вороны при помойке, всегда рядом. – Думаешь, наследство оставил? Чёрта с два! Хибара одна, которую и задарма никто не возьмёт. Ну да ладно. Может, летом когда-нибудь съезжу погостить. Теперь никто зудеть не будет: «Не пей, Гришка, пропадёшь!» А как не пить? Живу, как собака последняя!

– Извините, я тороплюсь, – скороговоркой перебил его Митька и рассёк перегарный воздух стремительным движением лёгкого молодого тела.

Вот, дела! Одна смерть кругом! И, что самое странное, особо и не удивляет никого. Вот и этот тоже. Принял сообщение, как само собой разумеющееся. И вспомнился тот день, когда они с отцом приехали в деревню после похорон деда. Казалось, вот-вот рухнет весь мир! А тут ни слёз, ни скорби, словно о ком постороннем речь идёт. Неужели у мужика этого душа не болит?! А, впрочем, у всех ли она есть...

Вспоминая всё это сейчас, передёрнул плечами. Хорошо, что ушёл с телеграфа! Появится нужда в деньгах, лучше уж пойти вагоны разгружать, чем разносить такие вести.

Выключил компьютер, свет, быстро разделся и плюхнулся в постель. А то чего доброго Люська прибежит с вопросами. Её просто так не выпроводишь. Ещё та цаца! В какой-то книге вычитал, что перед сном можно сконцентрировать мысль на проблеме. Утром получишь готовый ответ. Только проснуться нужно раньше будильника, чтобы не вскакивать с постели, как на пожар, а полежать да подумать о том, что волнует. Не зря в пословице говорится: утро вечера мудренее.

– Мить! – сунула нос в темноту его комнаты Люська. – Ты спишь?

– Сплю, – сонно буркнул Митька. – Исчезни!

Но Люська настырно впёрлась в комнату и села по-турецки на коврик у кровати. Как она так ноги под себя загибает? Будто они у неё без костей. Имидж свой меняет, как ящерица хвосты. Сейчас вон, пацан пацаном. Спортивки, футболка, волосы под заколку заправлены, чтоб не мешали. А бывает, так вырядится!...

– Мить, знаешь, что мать говорит по поводу этого воскрешения?

– Не знаю, и знать не хочу! – лёг на спину Митька и заложил руки за голову. Лукавил. Знать хотелось. И Люська, уловив это, возбуждённо зашептала.

– Помнишь тетку Маню на краю деревни? Ну, ту, что с бородавкой на лбу? У неё ведь сын был. В армии погиб. Она всё по нему плакала. Что бы ни делала, всё Бога упрекала, мол, зачем сына так рано забрал. – Сестрёнка поёжилась, озираясь на тёмные углы комнаты, и понизила голос, будто её подслушивал кто.

– Короче! – требовательно изрёк Митька. Терпеть не мог, когда важную информацию размазывали, как клейстер по обоям. Картинка любого события в мысленном воображении вырисовывалась на лету. Прозвучат скупые на эпитеты слова: «Лето. Ночь. Болото» – у него не только картинка проявится, вмиг услышит натужное уханье совы, уловит дурманящий запах багульника, почувствует влажное касание ночного ветерка. А многословие отвлекает, уводит в чужие дебри.

– Будешь командовать, вообще ничего не расскажу! – поджала губы Люська.

– Ну ладно выделяться! – сдался Митька. – Начала, так валяй!

– Так вот однажды пошла эта баба Маня на болото за клюквой. Ягод много в тот год было. Набрала несколько вёдер на сдачу, а нести мочи нет. – Люська говорила так складно и образно, искусно вплетая в речь старинные словечки, что Митька усмехнулся. Вот артистка! И фразы-то найдёт! «Мочи нет!» В голове у него стали прокручиваться яркие картинки этой небылицы. А Люська, между тем, продолжала: – Села на пенёк баба Маня да запричитала: «Нет моего сыночка, чтобы мне помочь! Был бы Ванечка жив, собирал бы со мной сейчас ягоды и нёс домой! Не было бы у меня горя!» Пока она плакала да причитала, стемнело. Вдруг видит, сын по болоту в её сторону идёт. Подошёл, молча взял рюкзаки, вскинул за плечи и вперёд. Баба Маня еле-еле за ним успевает. И слова вымолвить не может. А как к деревне подходить стали, собаки от лая зашлись. Луна на небе поднялась. Тут баба Маня сына окликнула. Он рюкзаки на землю опустил, повернулся к ней. Смотрит она на него, в глаза заглядывает, а в них – пустота! Тут баба Маня креститься да молитвы читать принялась. Ванечка исчез! Потому что не сын это был, а фантом его!

– Ну и дальше что? – как можно равнодушнее спросил Митька.

– Ничего! – почему-то рассердилась Люська. – Мамка говорит, что нельзя мёртвые души тревожить. А то наплодят таких вот призраков! Не дело этот дядька задумал! А ты как считаешь?

– Не знаю, – недовольно пробурчал Митька. – Иди спи! Вон глаза-то сейчас из орбит вылезут.

И отвернулся. Иначе от её вопросов просто так не отделаешься. Люська, недовольно пыхтя, удалилась. А Митьке ещё долго было не заснуть. Что ни говори, а пустыми дедовы глаза ему видеть никак не хотелось. Во взгляде у деда отражалось всё, о чём он думал. Митька мог наблюдать за дедом часами. И часто подлавливал его на каком-нибудь шkodливом моменте: «Признавайся, дед, о чём сейчас подумал?!». Дед смеялся и раскидывал перед Митькой пасьянс своих потаённых мыслей. И уже хохотали вдвоём. Умел он заразить своим смехом. Бывало, что сама ситуация, казалось бы, не стоила выеденного яйца, а дед преподносил её с таким азартным юмором, что Митька смеялся уже не над самим случаем, а над дедовой мимикой, интонацией. Уж сколько лет прошло со смерти деда, а Митька выверял по нему все свои мысли, чувства, поступки. Раньше большого значения словам деда не придавал. Сказал и сказал. Что тут такого? А теперь каждая, сказанная им когда-то фраза, выплывала из глубины забвения, светясь каким-то особым светом. «Учись, Митька, жить легко и с радостью, – любил повторять ему дед. – Нет радости в жизни – твои проблемы. Не под тем углом на мир смотришь!». Нет, не хотелось видеть деда призраком. В Митькиной памяти дед всегда оставался живым и естественным. И вечной жизни Митька тоже не хотел. Хоть размышлял по этому поводу не раз. На краю дедовой деревни одна старушка жила. К ста годам уж ей тикало. Лицо всё морщинами изрезано. Спина сгорблена, чуть не в дугу. Вместо рта беззубая впадина. Руки тряслись так сильно, что казалось, она постоянно злится на весь мир. От ветра шаталась, а всё жила. За что ей наказание было такое? За какие грехи? Бабуля, завидев её, крестилась: «Да минует меня чаша сия! Не дай Бог до такой поры дожить, чужой век заедать!» Так что подумать было над чем.

А когда заснул, попал на какое-то очень странное собрание. Явное попадание в прошлые века. Огромная зала. Вместо потолка прозрачный купол, сквозь который проглядывают звёзды. Все присутствующие в белых одеждах. Лица, вроде, и знакомые, а не узнать никого. Смотрят на него так пристально, что шевельнуться страшно. А один, с лавровым венком на голове, странно так, не разжимая губ, одними глазами вопрошает:

– Ты «за» или «против» бессмертия?»

Митька молчит, тупит взгляд. Тогда вопрос ставится по-другому.

– Хотел бы жить вечно?

«Не-а!» – качает головой Митька.

Все куда-то исчезают. А он парит в звёздном пространстве. Мимо пролетает уродливая старуха с косой в руках. Не безызвестная особа! Скалится ему беззубым ртом. Но Митька её не боится, осеняет крестом. Катись своей дорогой! Она быстро проносится мимо и сливается с густой темнотой. Сон был таким отчётливым, что Митька в ужасе проснулся. Фу! Ерунда какая! Приснится же!.. Зато улёгся, постели не разобрал. Сел, позёвывая и потирая глаза, стянул с себя спортивки, футболку, откинул в сторону покрывало. Последнее, что шевельнулось в дремотном сознании: книжку о таинственной силе цифр прочитать всё-таки надо. Предпочитал, как и дед, на все иметь собственное мнение.

В Петербурге

В Петербург поезд прибывал ровно в девять часов утра. Раньше на перроне Митьку всегда встречала Рита. Ищущий взгляд выхватывал её фигурку из толпы встречающих мгновенно и безошибочно, как выхватывает взгляд заядлого грибника копеечный по размерам подосиновик, только-только выглянувший из-под плотного слоя прелых листьев. Рита выделялась какой-то почти призрачной воздушностью. Казалось, дунь на неё, лёгким пёрышком взлетит над суматошной людской массой. И сердце у Митьки начинало подпрыгивать в груди, как шарик на теннисной ракетке. Некоторое время, смущенно улыбаясь, молча смотрели друг на друга, глаза в глаза. Потом он первым произносил: «Здравствуй! Вот и я!» И осторожно брал её руки в свои, прижимал к губам её тонкие пальцы. В метро, на эскалаторе, он всегда становился на ступеньку ниже. И их глаза оказывались на одном уровне. Рита долго не выдерживала его взгляда. И со счастливой улыбкой начинала разглядывать рекламы на стенах туннеля. Её никогда не интересовала реклама. Просто смущенному взгляду некуда было деться от Митькиных любящих глаз. А он открыто любовался ею. Девушка чувствовала это. Смеясь, дотрагивалась до его лица руками и отворачивала его голову в сторону. Тогда он закрывал глаза и снова касался губами её пальцев. И плевать-то ему было на всех любопытствующих. В этой незнакомой толпе они были одни.

Удивительно, но, чувствуя рядом с собой Риту, он будто не замечал окружающий мир. Не реагировал на чужие локти, не видел грязных вокзальных бомжей, не слышал резких голосов киосковых зазывал. Взгляд его летал где-то на уровне высоких крыш и серого питерского неба. Его руки, как ветви больших деревьев, защищали её пространство от чужого вторжения. А слух ловил музыку ветра. Сегодня защищать было некого, и мир сузился так сильно, что Митька остро ощущал на себе его незримое давление. Так же, как внимание пожилых женщин, торгующих мороженым и старающихся зацепить его любопытными взглядами.

– Эй, парень, купи мороженое!

Он, не оборачиваясь, качал головой.

– Холодно? Куда путь держишь?

И что они к нему все цепляются? Будто на лбу у него что написано, или лампочка в голове светится.

Когда Митька добрался до Ритино дома, было уже около десяти часов утра. Но свет в окне «девичьей» не горел. Значит, спят ещё. По субботам Рита со Светой вставали поздно. Митька долго разглядывал обрамлённые кружевами шторы. Раньше Рита очень чувствовала его взгляд. Сегодня телепатия была явно чем-то заблокирована. Чем? А, может быть, кем?! Но думать об этом не хотелось. Где-то в голове сразу появлялась сверлящая боль, острая и неприятная, словно зубной бур попадал в нерв. К чёрту гнать эти тёмные мысли! Как там дед говорил: «Крест ко мне, дурные мысли от меня!». Помогало моментально. Ведь в голову чего только не втемяшится. И если всякому мысленному сброду давать в голове приют, до такой помойки докатиться можно. Сколько раз, например, представлял собственные похороны. И даже то, кто и что говорил у гроба. Умирать Митька не собирался, но подобная ересь в голову лезла. Или, к примеру, идёшь по улице и представляешь, как на тебя падает старый тополь. И даже отчётливо слышишь треск ломающегося дерева. Откуда приплывают такие ситуации? А через пару дней узнаёшь, что в этот день старым тополем придавило насмерть какую-то девушку. Оторопь берёт! Совпадение или что другое? Про энергию мысли много чего интересного рассказывал ему дед. На одной стороне земного шара человек ещё только подумает о самоубийстве, а на другой – эта зародившаяся в тёмном мозгу мыслишка возьмёт да и подтолкнёт кого-то на тяжкий грех. Чёрными мыслями, страхами, тревогами, говорил дед, человек притягивает к себе все неприятности. Зная это, Митька гнал от себя сейчас всякие подозрения, И всё же в воображении вырисовывался образ какого-то мужика с узкими татарского типа глазами. И откуда только эти образы берутся?! Навязчивые и цепкие, как пиявки в грязном пруду.

В окне Ритиной комнаты зажёгся свет. Интересно, кто отодвинет в сторону штору: Светлана или Рита? В оконном проёме появился Ритин профиль. И снова радостно запрыгал шарик на теннисной ракетке. Слава Богу, дома! Хотел махнуть рукой, но интуиция подсказала: не увидит. Откидывая в сторону штору, во двор Рита не взглянула. Плохой знак! Митька вздохнул и направился к подъезду. Из дверей подъезда выскочила чёрная кошка. Её только не хватало! Плюнул через левое плечо. Угомонись, нечистая сила! Но ничего хорошего от встречи уже не ждал. Так и вышло. На звонок ему открыла Светлана. Растерянно отпрянула назад.

– Дима?! Вот не ожидали!

– Здравствуй! – буркнул Митька. – Рита дома? – Светлана кивнула, но как-то неуверенно. Вот те раз! Что она не знает, дома ли сестра, с которой живут в одной комнате?

– Проходи. Раздевайся. Сейчас я её позову.

А у Митьки кроссовки к резиновому коврику словно присосало. Не переступить порога. С трудом заставил себя это сделать. Зима, не лето, не будешь дверь настежь открытой держать. Из кухни выглянула Галина Ивановна, их мать. Увидев Митьку, сделала обрадованное лицо. Именно «сделала», потому что рот хоть и расплылся в улыбке, в глазах застыла какая-то тревога. А он, как исследователь тонких материй, все взгляды, жесты, интонации фиксировал в душе, как на сверхчувствительном пульте управления. А Галина Ивановна, между тем, всё обласкивала приторным этикетом:

– Ах, вот это кто! Дима! Заходи, заходи! Давненько ты у нас не был! Рита! Что ты там так долго копаешься?! К тебе гости!

Из девичьей выскочил Юнг, здоровенный и добродушный чёрный пёс, Ритин телохранитель. Поставив Митьке лапы на грудь, лизнул в подбородок. Потом развалился на полу, доверительно подняв вверх лапы. Вот уж кто истинно ему рад! Митька почесал ему брюшко и мысленно поблагодарил. «Спасибо, дружище, выручил! Помог выйти из неловкого положения. Тебе зачтётся!». И сунул псу в открытую пасть заранее припасённый в кармане для момента встречи пряник.

Рита вышла из комнаты с каким-то растерянно-виноватым лицом. Протянула ему руку.

– Здравствуй, Дима. С приездом. Рада тебя видеть. Раздевайся. Проходи в комнату.

Митька протянул Галине Ивановне её любимое печенье, «Растягайки», и коробку шоколадных конфет.

– Это к чаю.

Светлана деликатно удалилась вслед за матерью на кухню. Они с Ритой остались в комнате одни.

– Извини, что без предупреждения. Как на голову свалился. Ты получала мои письма? – всё старался заглянуть он Рите в глаза. Но девушка прятала взгляд и уходила от прямого ответа:

– Чаю хочешь?

Он покачал головой. Какой там, к чёрту, чай! Слюну и ту не проглотить. Понял, что его приезд её тяготит. Незванный гость хуже татарина! Зачем, спрашивается, припёрся?! Только чего уж теперь! И всё равно, лучше знать горькую правду, чем истязать себя догадками.

Чаю всё-таки попить пришлось, потому что играть в молчанку было больше неважноту. После завтрака вышли на улицу. Здесь, конечно, дышалось легче. Хотя проклятая неопределённость доставала сильнее зубной боли. Зачем людям так истязать друг друга? Что, не мог-

ла прямо ответить письмом? Мол, прости, у меня появился другой, которого люблю. А ты, дескать, уже вчерашний день, спасибо за то, что был. И все дела! И тут же осадил себя: кто ты такой, чтобы за неё всё раскладывать по полочкам?

И снова, как тогда в сентябре, они молча брели по набережной Фонтанки. Только пейзаж изменился, словно в мультике смена времён года. Соответственно и в настроении отразились природные катаклизмы. С низкого неба сыпалась снежная крупа. Рита подставила перчатку. И разглядывала каждую крупинку так внимательно, словно это было для неё сейчас важнее всего на свете. И не было ей дела до того, как он жил эти две недели без её писем и звонков!

Только вспомнил про звонки, как в Ритиной сумочке сразу зазвонил мобильник. Значит, всё-таки сменила номер телефона. А он-то, глупый, голову ломал!..

Митька деликатно отошёл в сторону. Не привык подслушивать и подглядывать. И хоть Рита тоже отвернулась, и голоса её слышно не было, Митька нутром чувствовал, что говорит она не с подругой. Это был ОН! Поднял глаза вверх. Серая, и плотная, будто войлочная, завеса глухо окутывала всё небо. Никакого просвета! Перевёл взгляд на окрестные дома. Они сейчас смотрели на Митьку с какой-то болезненной и безысходной тоской. Поёжился. В этом муравейнике он явно был чужаком. И никак было не освободиться от какого-то предчувствия, что через несколько минут должно произойти что-то ещё более неприятное. Ох уж эта интуиция! На душе вдруг сделалось так омерзительно, словно лицом угодил в клейкую паутину, незримо натянутую между деревьями каким-то пауком. Так и знал! Перед ними затор-мозила иномарка. Темноволосый мужчина, лет тридцати, опустил тонированное стекло:

– Карета подана! Прошу садиться, господа!

– Дима, познакомься, это Валера. Я ему про тебя рассказывала, – каким-то замогильным голосом произнесла Рита и вся вспыхнула. Митьке даже жалко её стало.

– Счастлив познакомиться! – ёрничал парень. – Думаю, мы не нищие, чтобы решать свои проблемы на улице. Предлагаю поехать в ресторан. Разумеется, за мой счёт! – узкие, восточного типа глаза его смотрели самодовольно. В гробу бы видал Митька этот «мерседес», но Рита уже открыла заднюю дверку машины и ловко («Привычно»! – отметил про себя Митька) устроилась на сиденье. А он всё стоял, раскачивая свои сомнения на силиконовых подошвах новеньких кроссовок.

– Не бойся, парень, жив будешь, я даме слово чести дал. А честью я не бросаюсь.

Митька не удостоил его ответом. Вздыхнул и нехотя сел в машину. Хотелось вмиг исчезнуть, испариться, лишь бы не заставлять Риту так страдать. Попробовал улыбнуться и даже подмигнуть девушке. Она смутилась и уткнулась взглядом в подол бархатного платья. Хм! Посмотреть бы со стороны, какая у него вышла гримаса!

В ресторане парень проворно помог Рите снять пальто, заботливо стряхнул прилипшие к пушистым манжетам снежные крупинки. Митька искоса разглядывал парня. Крепышок, однако. Мышцы накачаны. И уверен в себе на все двести. Он, Митька, ему, конечно, не конкурент.

– Что пить будешь? – небрежно перекинул ему прайс-лист Валерий.

– Сок, – не взглянув на предлагаемый выбор, спокойно ответил Митька. – Апельсиновый.

– А ты, Ритуля? – наклонился к ней Валерий, и рукой бесцеремонно убрал прядь волос с её лба.

Митьке словно наждачкой резанули! «Ритуля»! Демонстрирует близкие отношения?

– Чай с пирожным, – выдохнула Рита.

– Ну-у-у! – нарочито разочарованно протянул парень. – Что за компания! Я за рулём, но шампанского приму. Такое приятное знакомство непременно обмыть надо. Ты, Дмитрий, после школы поступать куда думаешь?

Митька пожал плечами. Что он его за дурака держит? Без мыла в одно место влезть хочёт! Видали таких!

– Могу по дружбе помочь с поступлением в универ. Есть приличные связи.

Митька отвернул голову к окну. Благодетель нашёлся! Кого-нибудь другого покупай!

– Да я уж как-нибудь сам. Не утруждайтесь...

Митька смотрел на парня внешне спокойно, без вызова. Хоть чего уж там говорить, внутри всё клокотало. Собой владеть научил его дед. Сколько раз повторял ему: «Не доставляй врагу удовольствия, не выходи из себя, не теряй достоинства!».

– Ишь ты, какой ершистый! – скривился в ухмылке парень. Митька проигнорировал. Не хватало ещё перебранкой сцепиться.

Официант принёс шампанское, сок, какие-то пирожные, фрукты, открыл бутылку, наполнил бокалы:

– Приятного вам торжества!

– Вот именно! – подхватил Валерий. – За встречу! Очень надеюсь, что она окажется доброй.

Рита тоже подняла бокал. Митька чокаться не стал, демонстративно потягивал через соломинку свой сок и молчал. Парень быстро потерял инициативу в разговоре. Смотрел на Риту и улыбался, рассчитывая на взаимность и поддержку. Но Рите было не до улыбок. Она разглядывала свои руки. На левой руке красовался дорогой перстень. «Подарок», – догадался Митька. После шампанского щёки у Риты порозовели. Во взгляде вместо вины теперь всё больше сквозила жалость. Только этого ещё и не хватало! Что его жалеть?! Не убогий! Всё у него впереди: и учёба, и девушки. А вот она за этим ухарем быстро себя потеряет. Это факт!

Вон в нём сколько фарса. Из ушей лезет. До иномарки его Рите, конечно, дела нет. В этом почему-то Митька был уверен. Языком взял. Наглость – второе счастье. Опыт имеет. За словом в карман не лезет. Вон, каким петушком обхаживает. И рядом, под боком, не за тридевять земель. Позвонила – и через десять минут он у её ног. А он, Митька, раз в два месяца приезжал. Да и разве только в этом дело! Вон он как властно её за руку держит. И она не противится. Значит, нравится. И, словно уловив Митькины мысли, парень приобнял Риту за худенькие плечи.

– В общем, так! – перешёл он в наступление. – Что ходить вокруг да около! Дружбы между нами, сам понимаешь, не получится. Ты больше Рите не звони и письмами не помогайся. Твои девчонки ещё кашу едят и под стол пешком бегают. А мы любим друг друга! И ты на пути не стой! Так я говорю, Ритуля?

Она вспыхнула и бросила на парня такой взгляд, от которого у Митьки всё внутри опустилось. Не знал, куда девать глаза, словно подглядел что-то тайное и сокровенное. Хорошо, что есть эти спасительные окна, куда можно устремить свой растерянный и мятущийся взгляд.

На улице разыгралась метель. В такую погоду добрый хозяин собаку из дому не выгонит. А ему нужно где-то «перекантоваться» до поезда. Что называется, убить где-то часов семь. Хорошо ещё, что обратный билет не взял. Какое-то недоброе предчувствие всё-таки было!.. И сумка с собой. Слава Богу, заходить к Рите не надо. Достал кошелёк, положил на стол деньги за сок и шампанское. Решительно встал, посмотрел обоим прямо в глаза и, как можно радушнее, произнёс:

– Я понял. Счастья вам! – и первым протянул руку парню. – За откровенность спасибо!

Тот тоже встал. В жгучих татарских глазах блеснуло радостное удивление. Видно, не ожидал столь быстрой развязки. А Митька тем временем неловко, по-телячьи, ткнулся губами Рите в висок:

– Не мучайся! Я на тебя обиды не держу!

К выходу шёл, как под прицелом пистолета. А сердце гулко отсчитывало шаги. Уже у самой двери услышал её отчаянный крик:

– Димка! Постой!

Но Митька не остановился. Прибавил шаг и прыгнул в свободное такси.

– Куда? – равнодушно спросил водитель.

– Жми, давай! Потом скажу.

– Любовь?! – понял таксист, выхватив любопытным взглядом плачущую на крыльце ресторана Риту.

– Что она крикнула? Ты слышал?! – не своим голосом спросил водителя Митька.

– А-а! – махнул рукой парень.

– Мне это важно. Скажи! – Бледное Митькино лицо произвело впечатление. Парень пожал плечами.

– Трус, говорит.

Митька так и обмяк, словно сама Вселенная вдавила его в сиденье. Расстегнул воротник джинсовой рубахи. Значит, и парень подумал так! Слюняй, мол, не умеет постоять за своё счастье. А разве счастье можно взять силой? Всё понял он по её влюблённым глазам! И к чему теперь эти дискуссии! Не собирается он оправдываться! Ни перед кем!

– Не держи в голове, – участливо посоветовал водитель. – На все их капризы смотреть!..

– Помолчи, а?! – оборвал его Митька

– Держи к Ладожскому, ладно?

Народу у кассы было много. Занял очередь и стал глазами искать, куда бы приземлиться. Ноги категорически отказывались держать. Свободным было место возле «сладкой парочки». «Он» и «она» дышали на окружающий мир недельным перегаром. Сидели, как два голубка, нос к носу, рука в руку. У обоих фингалы под глазом. У неё слева, у него справа. Зато на лицах сплошное блаженство. Это про таких, наверное, говорят: милые ругаются – только тешатся. Перегар смешивался с какой-то кислятиной. Митька отворачивал нос, но всё же не выдержал. «Свято место», вопреки пословице, снова осталось пусто. Остановился у книжного киоска. Облокотился на прилавок. Сделал вид, что изучает названия книг. Они были разделены на три секции: «классика», «философия» и «современное чтение». Нет, не в его настроении сейчас книги читать. И только хотел отойти от киоска, как продавец, худощавый мужчина пенсионного возраста, в старомодном пальто и какой-то дореволюционной шляпе, встал и протянул ему тонкую брошюру.

– Возьми, сынок, дарю.

Митька пробежал глазами по названию: «Энергия мысли». Шутит, что ли?

– Не шучу, – вслух ответил на его мысленный вопрос мужчина. – Давно за тобой наблюдаю. Я не продавец, вообще-то. Временно внука замещаю, чтобы тот работу не потерял. Внук мой – ровесник тебе. В больницу попал. Какие-то звери ни за что, ни про что избили. А книжка эта тебе пригодится, не сомневайся.

– Сколько стоит? – полез в кошелек Митька.

– Не обижай. Сказал же: дарю!

Митька протянул мужчине руку. Крепко, по-мужски, обменялись пожатиями. И молча отошёл от киоска, поднялся на второй этаж, в зал ожидания.

Народу здесь было чуть меньше, но все места забиты сумками. Поймал себя на мысли, что всё-таки, с одной стороны, хорошо, что люди кругом. Не дают расслабиться. Мелькают

по сторонам чужие заботы. А если бы оказался один, да в чистом поле? Наверное, волком бы был! А толпа, она и мёртвого двигаться заставит

– Молодой человек! – зазывно улыбнулась ему девушка в синей форменной пилотке. Ресницы чёрные, длинные, как у куклы. Костюм синий с погонами. Рубашка голубая. Стюардесса, да и только! – Помогите нам разыграть приз!

– Вы мне?

– Да, именно Вам.

– Что, что Вы сказали?

– У Вас что, со слухом плохо?

– Почему?

– Подойдите! Нажмите вот сюда. – Она осторожно взяла его руку и нажала какую-то кнопку. И вдруг захлопала в ладоши:

– Вы выиграли пятьсот рублей!

– Если за пять минут вокруг не найдётся человека, который бы поставил на кон деньги, приз Ваш!

– Какой приз? За что?

– За красивые глаза! – очаровательной улыбкой смутила его девушка.

Он растерянно обвёл взглядом сказочное пространство вокруг этой волшебницы. Она сидела в каком-то маленьком, словно игрушечном теремке. На больших картонных часах мигали огоньки. Часы отсчитывали минуты, как на старте.

– Пять минут! Четыре минуты! Три минуты! – громко комментировала девушка. – Две минуты! Ба! Вас перебили! – весело и азартно воскликнула она.

Митька закрутил головой. Сбоку воткнулась в него чужим взглядом какая-то пожилая женщина, очень похожая на южанку. Она нерешительно положила на жестяное блюдо сто рублей.

– Прекрасно! Разыгрывается шестьсот рублей! – тоном Якубовича азартно объявила девушка в пилотке. – Всего пять минут решат судьбу приличной суммы. Молодой человек! Найдите хоть сто рублей – и приз Ваш!

Девушка смотрела на него такими глазами, что Митька невольно стал шарить в карманах. Не ради этого странного приза, ради этих умоляющих его глаз.

– Пять минут! Четыре минуты! Три минуты! Ну?! – вскрикнула девушка, ловко вытащила из его рук сторублёвую купюру и небрежно бросила на блюдо. – Ещё пять минут – и приз в семьсот рублей будет Ваш!

Но, не успела она начать отсчёт, как южанка справа быстро положила на блюдо триста рублей.

– Эх! Не повезло! – сценично схватила за голову девушка в пилотке. – Если бы Вы нашли триста рублей – приз Ваш! Но уже не каких-то семьсот, а целая тысяча рублей! Отсчёт! – скомандовала она сама себе. – Пять минут! Четыре минуты! Да пошарьте вы в кошельке! Это сумма! Скупой платит дважды! – Девушке почему-то очень хотелось, чтобы выиграл он, Митька, а не эта молчаливая особа, что всё время гипнотизировала Митькин профиль. Толпа любопытных, невесть откуда и взявшихся, вокзальных зевак дышала ему в спину. Он слышал их вожаденные выкрики: «Давай, паря! Не жмись! Покажи, что не лыком шит!», « Кто не рискует, тот не пьёт шампанского!», «Думай – не думай, а сто рублей не деньги!».

Митька открыл кошелёк и достал пятьсот рублей. Девушка азартно крутанула блестящее блюдо. На нём затанцевали сгорбленные купюры.

– Одна тысяча пятьсот рублей! – ударила в игрушечный гонг красотка. И подмигнула Митьке. – Пять минут. Четыре минуты! Три минуты! Две минуты! – Митьке казалось, она так и хочет поторопить время на картонных часах, чтобы приз непременно достался ему. Обведённые яркой помадой губы девушки посылали ему воздушные поцелуи. А настырная конкурентка пожирала его насмешливым взглядом, зажимая в руке очередную порцию денег. Откуда она их берёт? Из воздуха, что ли? В руках даже сумки нет. Но было уже не до деталей. Ум лихорадило неведомым ему доселе азартом. И прыгала в голове не на шутку разгулявшаяся мысль: «У меня последние триста. Сколько зажато в кулаке у той?».

Девушка так и приплясывала за стойкой. Из сказочного теремка картонный домик на глазах превращался в избушку на курьих ножках.

Женщина бросила на блюдо три сотенных. И блюдо победно закрутилось.

– Одна тысяча восемьсот рублей! Пять минут! Четыре минуты!

У Митьки взмокла спина. В груди отдавало какой-то горечью, словно надышался угарного газа. Чёрт с ним, с билетом! Либо пан, либо пропал! И кинул на кон последние деньги. Они никак не хотели кружиться на блюде. Сваливались и разлетались по сторонам, но девушка в форменной пилотке любовно окучивала упрямые купюры и, знай, выкрикивала звонкое своё:

– Две тысячи сто рублей в пользу молодого человека! Пять минут! Четыре минуты! Три минуты! Две минуты! Одна минута!

Митька замер. И вокруг поползло змеиное: «Ш-ш-ш-ш-ш!» Блюдо замедлило ход. Все взгляды устремились на южанку. Глаза её неистово вспыхнули, и она артистично стала крутить над блюдом рукой. Сотенная купюра победно короновала денежную грудь.

– Эх, парень, проиграл! – насмешливо констатировала девушка в пилотке и проворно собрала деньги в бумажную шкатулку с надписью «Приз!». Под дружные аплодисменты шкатулка перешла в руки южанки. И не успел Митька сообразить, что к чему, как все люди во-

круг куда-то испарились: и южанка с деньгами, и зеваки, и девушка, так похожая на стюардессу. И даже сам сказочный теремок на глазах превратился в грудку каких-то бесцветных коробок, которые разлетелись по сторонам, забиваясь под скамейки зала ожидания. Может быть, это сон? Заглянул в кошелек. Пусто! Оглянулся вокруг. На него грустно смотрел какой-то старичок со стареньким рюкзаком на острых коленях.

– Эх, милый! – покачал головой он. – Это у них называется «шоу-бизнес». Обдирают таких, как ты, простачков, как липку, на глазах у всех. И никому дела нет. Видишь их, артистов, сколько! И милиция с ними заодно. Видать, хорошо отстёгивают. Сейчас с другой стороны вокзала свои сети раскинут. И новый спектакль сочинят. Жаловаться – стыдно: сам лопухнулся. Ехать-то далеко?

– Далеко, – ушёл от ответа Митька.

– Попросись у проводницы. Может, пустит постоять в коридоре. В тамбуре-то холодно.

Митька ничего не ответил. Натянул капюшон куртки на голову. Замаскировался! И на свежий воздух.

Порывистый ветер свистел то в одно ухо, то в другое. И что странно: ржавый гвоздь, застрявший в сердце после встречи с Ритой, уже не вызывал такой боли. Видно правду говорят, что клин клином вышибают. Чёрт с ним, с этими деньгами. Дед обычно говорил ему так: «Уходят деньги – исчезают проблемы!». Эх, дед! Знал бы ты, как аукается в душе каждая сказанная тобой когда-то фраза!

Митька бесцельно бродил по перрону, наглухо закутавшись в пустоту и безразличие. Глаза безучастно созерцали происходящее вокруг. Два милиционера оттащивали от входа кафе «Быстро» какого-то бомжа. Тот блаженно улыбался, забавляясь привычной ситуацией. Знал: при людях бить не станут. Если что – закричит. Найдутся защитники. Какой бы ни был, в обиду не дадут, заступятся. Бомж расслабился, повис на руках у парней в форме, поджал под себя ноги. Пусть тащат! А впереди ледяная полоска, раскатанная детьми. Бомж сложил ноги вместе, катится. Ну, выведут его за территорию вокзала, а дальше что? Пригрозят, конечно, чтоб, мол, мы тебя больше здесь не видели. Согласится, кивнёт, чтоб тайком не пнули, и проникнет на вокзал с другой стороны, где ещё не засветился.

На перроне вытанцовывала вьюга. То тут, то там столбом поднимался снежный вихрь, и, казалось, хрупкая балерина в белом платье, волчком крутится на одной ноге, разводя по сторонам снежные руки. Ветер пронизывал насквозь. Хотелось выпить горячего чая. Посчитал оставшуюся в кошельке мелочь. Около пяти рублей. На чай мало. А так сидеть – неудобно. Поддел носком ботинка пивную пробку. Та звякнула, солидно возражая, мол, не пробка я, юбилейные десять рублей. Нагнулся и поднял. Покрутил в руках, хмыкнул. Видно, ангел-

хранитель подкинул из жалости. Направился в кафе. Народу было немного. Из-за соседнего столика донёлся любопытный разговор. Митька невольно прислушался.

– Нет, Витёк, хочешь – обижайся, хочешь – нет, но ни в какую Америку я не поеду! Как я своё отделение брошу?! Как людям в глаза посмотрю? Я ведь у самых истоков стоял. Сколько душевных сил вложил! На меня мои больные, как на икону, молятся...

– А что с этого имеешь? – веским аргументом перебил его другой. И хоть Митька сидел к ним спиной, по интонации и голосу внешне чётко представлял каждого из говорящих. Первый – худенький, с бледным чуть вытянутым лицом, с серыми глазами и русыми, прямыми волосами. Другой – полный, толстолицый, курчавый, в американском джинсовом костюме. И непременно с редкими волосинками на толстых пальцах. Глаза с жёлтыми крапинками на тёмно зелёных зрачках.

Не удержался, мельком обернулся. Так и есть, не ошибся. Первый – в шерстяном пуловере и белой рубашке с расстёгнутым воротом. Поймав Митькин взгляд, понизил голос:

– Ничего не имею! Еле концы с концами свожу. Ведь я ещё алименты Светлане выплачиваю.

– Вот! Вот! А у тебя ведь, Серёга, руки золотые! Ты ведь хирург от Бога! Дай тебе инструмент нормальный, ты бы такие чудеса творил! Я тебе все документы сам сделаю, только подпись поставишь. И деньгами на переезд обеспечу.

Он подозвал официантку и стал заказывать водку, деликатесы. Тот, которого звали Серёга, взбунтовался:

– Ты что, с ума сошёл! Мне ещё в отделение зайти надо, у меня одна больная тяжёлая очень!

– Да забудь ты хоть сегодня обо всём! Часто ли я приезжаю?!

– Не сердись, Витёк! Разные мы. Не могу я за границей жить! Не моё это!

– Да ты не был там! Не знаешь!

– Был на одном совещании. Еле дождался, когда эта тусовка закончится!

– Ты ко мне приедь. Сколько уж зову. Поживи, присмотришь. Я тебе свою клинику покажу. Вот и будешь тогда решать. Тебя ж ничего здесь не держит. Один, как сыч. Ни семьи, ни женщины любимой. Одна работа.

Вот пристал к мужику со своей Америкой! Митька почувствовал какое-то раздражение. Вспомнил Болгарию и то, как не мог дождаться отъезда с курорта, на который, помимо его воли, затащил его тогда отец. Конечно, Болгария не Америка. И всё равно первое впечатление, чего-то неестественного, искусственно созданного так и осталось в памяти до сих пор.

Чай был выпит. Митька согрелся. И снова потянуло на свежий воздух, подальше от этих затхлых суждений «Витька». Поднялся и неожиданно для самого себя направился к соседнему столу. Стал лицом к лицу с худощавым хирургом и решительно произнёс:

– Разрешите пожать Вам руку!

Тот поспешно вскочил, словно только и ждал того, чтобы выйти из-под давления своего упёртого коллеги. Обменялись добрыми рукопожатиями.

– Вы у меня оперировались, молодой человек?

– Слава Богу, нет! Но Вас очень уважаю и желаю добра!

Тот удивлённо вскинул на Митьку брови. А Митька моргнул двумя глазами и быстро вышел навстречу метели. Дед говорил «Бог троицу любит»! Видно, ещё одного доброго человека встречу на пути.

Наконец, подали состав. Появилась забота. Внимательно вглядывался в лица проводниц. К молодым подходить бесполезно: побоятся без билета взять. К сорокалетним – тоже: не глядя, отошлют. Вон, какие фирменные все. За работу держатся. А что если к начальнику поезда? Идея!

Начальником поезда был мужчина лет пятидесяти, с твёрдым волевым подбородком раздвоенным упругой ямочкой. С таким и в разведку пойти не страшно. Выслушал молча. Поверил. Наверное, слышался об этих «шоу».

– Нынче, парень, ухо надо держать востро. Мигом обуют. Это тебе не у нас, на севере. Моли Бога, что догола не раздели. Голодный, наверное? – Сунул ему в руку десятку. – На, купи хоть что-нибудь. Иди в девятый купейный. Скажи, Роберт Иванович отправил. Проводницу Зинаидой Петровной зовут. Чаю-то не постесняйся попросить. Не держись за гордыню. – И, больше не оглядываясь, пошёл по перрону, надёжный, как вбитый в скалу страховочный крюк.

Размеренный стук колёс, как того ожидал Митька, большого облегчения не принёс. Несущаяся навстречу темнота раскидывала сети сомнений. А, может, не надо было уходить из ресторана? Может, нужно было парня этого, Валерия, на кулачный в коридор вызвать? Драки Митька не боялся. В секции ушу два года занимался! Да и вообще. Реакция у него будь здоров. Одному отбиваться – не впервой. С детства особнячком держится. Зря, что ль, Гуманом зовут! Приятелей много, а вот по душам поговорить не с кем. Раньше делился с Витькой Смирновым. Но с ним вышла незадача. Так-то он парень неплохой, конечно, да язык за зубами не всегда держать умеет. Как-то Митька рассказал ему про Риту. А через неделю Цыганков, известный в школе циник и бахвал, при словесной перепалке, кривляясь перед публикой, пропел на грузинский манер: «Ри-та –Чи-та, черепок обри-тый – да-а-а!». Митька взглянул на Витьку, да так, что у того ёршик волос на голове тотчас взмок. И больше

Митька ничего не выяснял. Зарубил на носу: что знают двое, знает и свинья. Закрыв душу на все замки, чтобы никто никакими судьбами проникнуть в неё не смог. Не за себя больно было, за Риту.

И от этих воспоминаний такое умопомрачение нашло, хоть на ходу из поезда выпрыгивай! Боль в душе была такая, будто кто в неё живьём клинья забивал. Ведь кричала Рита ему: «Димка! Постой!» Почему не остановился, козёл?! Выскочила и плакала на крыльце ресторана!.. Может, вместе с ним хотела уйти? А он взял да бросил девчонку с этим фраером! Может, тот её силой домогался! А он, Митька, даже не спросил толком ни о чём, ревность, видите ли, заела! Взгляд, видите ли, засёк. Как же! Два года встречались – не целовались почти, а этот тип за каких-то две недели голову вскружил! А, что как не вскружил, а запугал чем?! Бывает... Да нет, что ж он, Митька, во взглядах ничего не понимает! Взгляды-то какие были...

И даже затошнило. И голова поплыла куда-то. Поезд остановился. За окном привиделся картонный теремок. Девушка в синей пилотке, пританцовывая, всё махала пачкой денег перед самым его носом. А вокруг корчились в смехе какие-то бритоголовые парни, тыча в его сторону пальцами.

– Эй, парень! Что стонешь-то? Плохо тебе, что ли? Или ты, стоя, спишь? – легонько хлопала его по плечу проводница. – Ложись иди в первое купе на верхнюю полку. Если пассажиры сядут – разбужу.

Митька благодарно кивнул, как всегда, одними глазами. Проводница вся так и расцвела. И веснушки на круглом лице превратились в тычинки чудного цветка. И снова всплыли в памяти дедовы слова: «Когда человек делает добро другому, он себя за это любить начинает!» Эх, дед! Откуда в тебе всё это?!!

Беда не приходит одна

Дома творилось что-то невероятное. Мать, вся зарёванная, сидела на кухне, уронив голову на руки. Люська была похожа на котёнка, который нос к носу столкнулся со щенком. Отец стоял посреди комнаты в расстёгнутом пальто, с бледным и растерянным лицом. На полу в прихожей стояли какие-то чемоданы и коробки. При виде Митьки лицо у отца несколько оживилось. Он поспешно протянул сыну руку.

– Как ты кстати!

– Что случилось-то? – как дятел в перерывах между гулкой работой крутил головой Митька.

– Пойдём в спальню, расскажу!

Присели на кровать. Пальцы у отца мелко подрагивали. С похмелья, что ли? Раньше никогда за ним такого не водилось. Митька осторожно потянул носом воздух. Нет, перегаром не пахло. Нервничает так.

Отец долго смотрел в пол, тяжело вздыхал, не зная с чего начать нелёгкий разговор.

– Вот что, сын, – наконец, сподобился он. – Ухожу я ... Вернее, должен... Видишь ли, ребёнок у меня от другой женщины намечается. Ты взрослый уже, поймёшь, – торопливо подытожил он и вскинул на Митьку умоляющий взгляд. – Позаботься о матери. Успокой. Тяжело ей. Деньгами помогать буду.

Митька молчал. А что тут скажешь? Вид у отца был такой жалкий и пришибленный, что Митька не выдержал, отвернулся. Доигрался, чёрт его дери! Предчувствовал, что добром эти командировки у него не кончатся. И мать хороша! Куда смотрела?! Хоть бы раз по настоящему скандал учинила.

– Бывает это, понимаешь, – начал оправдываться отец. – Устал я на части рваться. А вы не маленькие уже...

Митька крутил в руках пятак. Щёлкал по нему пальцем до боли, будто палец был в чём-то виноват. Да что палец! Хотелось головой удариться об стену!

– Вали давай! Да поскорее! – одними губами выдавил он.

Отец как-то вздрогнул и протянул визитку с женским адресом.

– Это на всякий случай. Матери не показывай, ладно?

– Была нужда!

В дверь позвонили. Отец суетливо вскочил, неловко прижал к себе Митьку. Тот дёрнул плечом. На кухне в голос зарыдала мать. Ей вторила Люська. Началось! Час от часу не легче!

Как только за отцом захлопнулась дверь, прошёл к матери на кухню. Как маленькую, погладил её по голове.

– Не плачь, переживём! Я тебе во всём помогать буду. Что теперь сделаешь, раз случилось. – Но мать и слышать ничего не хотела, голосила, как по покойнику. И Люська туда же.

– Ты-то хоть рот закрой! – пристрожил сестрёнку Митька. Помогло. Хоть звук убрали. Скоро и мать реже носом шмыгать стала.

– Куда подался-то он? – принялась допытываться она у Митьки.

– Какая теперь разница! Его тараканы.

– Давно чувствовала, что другая у него есть, – снова сдавленно всхлипнула мать, по капле выжимая из души ядовитую боль.

– Зато всё по командировкам! – по-взрослому, по-бабьи, с какой-то очень неприятной интонацией, подхватила Люська. – Дома почти не бывал!

– Закрой ты рот! – поморщился Митька. – Твоего ли ума дело?! Нашла что мусолить! Сами разберутся. Иди уроки учи! – И, развернув сестрёнку за плечи, подтолкнул в сторону двери.

Люська, хоть и сделала гримасу, но из кухни удалилась. Митька устремил свой взгляд в окно, словно там, за спасительными рамами, мог найти такие необходимые, такие нужные исстрадавшейся душе слова.

– Ты, мам, особо не переживай на этот счёт. Будут и у тебя радости в жизни. Молодая ещё. И красивая, вон, какая! Я замечал: мужчины на тебя часто оглядываются. – Это было явно не то. Этот пустомеля-язык нес всякий вздор, хоть его, поганого, вилкой коли. Надо было срочно куда-то выруливать. – На отца обиды не держи. А то – себе дороже будет.

Мать молча, с каким-то удивлением, смотрела на него. И слёзы больше не текли, застыли на щеках смоляными каплями.

– Господи! Митя! Как ты на деда сейчас похож! И говоришь, как он! Будто не ты мой сын, а я твоя дочь! Когда повзрослеть-то успел, сын?!

– Да ладно тебе! – отмахнулся Митька и удалился в свою комнату. Но занятия себе найти не мог. Достал с полки альбом с фотографиями, нашёл портрет деда и долго смотрел на него, пока у самого не затуманились глаза. Эх, дед! За что столько бед?! Сыплются, как из рваного мешка. Как всё пережить? Хотя, о себе ли думать надо? Больнее всего матери. Как её из шока вывести?

Успокаивать бесполезно. Каждый в такие минуты в своих мыслях, как бомж в помойке, роется. Мать тоже вон, сидит, в столе взглядом дырку сверлит. Что тут делать? Анекдоты начать травить? Белыми нитками шито! Музыку весёлую включить – только раздражение вызовет. Тут нужен какой-то очень неожиданный приём. Долго ломал голову. Неприятная ситуация должна быть представлена в каком-то лёгком, юмористическом свете. Тогда душевная боль отступает. Проверено уже. И тут пришла идея. Пока мать копошилась в кухне, тихонько пробрался в спальню, порылся в шкафу и достал пару забытых ею платьев. Потом отыскал парик, косметичку и прошмыгнул в свою комнату. Вертелся перед зеркалом долго. А когда мать крикнула их с Люськой к обеду, выкатился на кухню во всей бабской красе. Мать с сестрёнкой так и обомлели. А он давай «Ваньку ломать»!

– Ой, девочки! Ой, милые! Нам ли жить в печали?! Ну, их, этих мужиков! Чтоб им пусто было! Лишь бы деньги давали! – И стал перед зеркалом губы мазать. – Фиглишь нам, красивым! –

Люська хохотала до коликов в боку. А у матери на глазах слёзы. Но отступать было поздно. И Митька шёл ва-банк!

– Ой, красавицы мои! Век бы воли не видать! А теперь!... К чёрту кастрюли! Вечером в ресторан двинем. Имеем право! Сто лет уж мороженого с орехами не ели.

Музыку врубил. Люську под ручку схватил и в пляс. Такие «па» выдавал, что мать, наконец, улыбнулась. Митьке только этого и надо было. Только бы удержать ситуацию, только бы, хоть на время, забыть про плохое. Шутки – шутками, а в кафешку собрались. Парик и платье, конечно, Митька снял. Но весёлое настроение старался поддерживать. Юмор из Митьки сыпался, как снег с февральского неба. Каких только анекдотов не вспомнил. Особенно хохотала мать над последним. Приходит, значит, мужчина в парикмахерскую перед самым закрытием. Впопыхах обращается к девушке: «Вы что ль мастер будете?». Та от усталости никакая, с ног валится. И ему резко так: «Нет! Я – лишай стригущий!».

Весь вечер из своей забавной роли не выходил. Мать смеялась. Скорее всего подыгрывала ему. А ночью снова будет кусать подушку... Короче: поживём, увидим! Что гадать? Всё лучше, чем сидеть да тоску на себя нагонять. И, как ни странно, самому легче стало. Будто второе дыхание открылось. Не зря дед любил повторять: «Хочешь поднять себе настроение – развесели другого».

И всё бы было хорошо, но после мороженого у Люськи разболелись зубы. Мать ей и сало свежее прикладывала, и настойку прополиса во рту держать заставляла. Ничего не помогало. Сестра не переставала ныть. И тут Митька вспомнил про книжку, которую ему подарили в Питере, в книжном киоске на вокзале. Стал торопливо читать. Изучил всю от корки до корки за час. В голове всё укладывалось так легко, будто он всё это давным-давно знал, да просто забыл. А когда дошёл до главы «Лечебная последовательность цифрового ряда», даже руки от возбуждения потёр. Если верить этой брошюре, то для настройки работы каждого органа нашего тела существует определённая цифровая последовательность. Сконцентрируй мысли на семи цифрах – и твоей болячки, как не бывало! Стало быть, цифры выполняют функцию камертона, по которому наш организм может настраиваться подобно музыкальному инструменту. Далее приводились примеры цифровых рядов и болезней, от которых они лечат.

Люська уже голосила на всю квартиру. Митька поспешно листал страницы чудотворной брошюры, искал среди болезней что-нибудь про зубы. Мать уже готова была вызвать такси и везти сестрёнку к дежурному врачу. Но тут Митька заорал:

– Ага! Вот оно! «Болезни зубов и полости рта». Люська! Быстро сюда! Лечить буду!

– Иди ты к чёрту! – взвизгнула Люська. – Знаешь, как болит! А ты издеваешься!

Но Митька решительно схватил её за руку и потащил в свою комнату. Действовал так решительно, убеждал так уверенно, что Люська даже ныть перестала. Усадив сестрёнку на кровать, заботливо подложил ей под спину подушку. Сам сел на стул, напротив.

– Слушай меня внимательно. Число семь играет в нашей жизни очень большую роль. Семь дней в неделе. Семь нот. Семь цветов радуги.

Люська хлюпала носом.

– Ну и что?

– Сейчас я покажу тебе семь цифр. Ты их должна выучить наизусть. Запомни: называя цифры в этой последовательности, ты лечишь свой зуб. Держи своё внимание на каждой цифре по десять секунд.

Митька нашёл фломастеры и нарисовал на карточках семь разноцветных цифр. Поднимая карточку, строго командовал:

– Назови цифру!

Люська что-то мямлила в ответ.

– А ну-ка чётко, без каши во рту!

– Отстань от меня! – снова скривила в рёве свой большой рот Люська.

– Люсь! Будь умницей. Я тебе помочь хочу! – как мог, уговаривал Митька. – Умные люди пишут. Только к этому очень серьёзно относиться надо. И верить, как веришь в лекарство от боли. Представь, что каждая цифра объята пламенем. Пламя с одной цифры переходит на другую. 1488514. Представила?

Люська кивнула.

– А теперь подай мне нужную карточку.

Митька быстро разбросал их по покрывалу. Люська послушно искала глазами нужную цифру и протягивала ему.

– Молодец! Умница! – со страстью заклинал её он. – Теперь я буду махать флажком, а ты после каждого моего взмаха переводи взгляд на цифру, которую я назову. Поняла?

Люська кивнула. Реветь перестала. Во взгляде – полное внимание. Реакция, как у разведчика. Далеко пойдёт! И даже руку с больной щеки убрала. Значит, помогает! Каких только упражнений не напридумывал Митька с этими цифрами, и всё в одной и той же последовательности. Потом сел на ковёр возле кровати, опустил руки и тихо спросил:

– Люсь, скажи честно, зуб болит?

Сестрёнка, как та скрепка, пилькала глазами, прислушиваясь к себе. И удивлённо замотала головой:

– Не-а!

– А теперь иди спать! – подмигнул ей Митька. – И про то, что я тебя вылечил, никому больше не говори.

– А почему, Мить? – шёпотом спросила Люська.

– А! – скривился он. – Задолбают просьбами по мелочам. А у меня более серьёзные задачи.

– А мамке? Тоже не говорить? – на всякий случай уточнила Люська.

– И мамке, – кивнул он. – Кстати, ты хоть знаешь, от чего у тебя зуб болел?

– От чего? – огурцом вытянулось Люськино лицо.

– Зубы болят от негатива. (Откуда в голову пришло?!) Ты на отца сегодня сердилась?

Не зная, что и ответить, сестрёнка отвернула курносый нос к шкафу.

– Знаешь, как мамку жалко!

– Жалость, Люська, расслабляет человека. По себе знаю. А мамка наша сильная. Справится!

Знаешь, от чего у людей зубы болят? От обиды и злости. Усекла? Так что работай над собой. И запомни: я твои зубы лечил в первый и в последний раз!

Люська поправила волосы и пошла в свою комнату. Пошла так царственно, что Митька от удивления присвистнул и восхищённо покачал головой ей во след. А что?! Молодец! Знай наших! Уважать и ценить себя надо. Вот кто бы мог подумать, что ещё полчаса назад её рот походил на раскисший бублик!

И всё-таки по поводу лечения болезней с помощью цифровых рядов сомнения у Митьки были, но Люське, конечно, об этом ничего не сказал. Боль действительно прошла, но цифры ли помогли? Может, просто игрой отвлек внимание от больного зуба... Не зря ведь есть поговорка: "Ты мне зубы не заговаривай!" Дед вон тоже говорил, что любой человек при большом желании может помочь другому даже в самой, казалось бы, безнадёжной ситуации. Правда, всегда добавлял при этом, что происходит это не без Божьей помощи... Дед верил в Бога, а Митька в деда.

Цифры цифрами, а вот мысль – другое дело. И Митька снова уткнулся в книжки. Стал внимательно изучать упражнения на концентрацию, вникать в тайны человеческих возможностей, хоть настенные часы уже показывали два часа ночи.

И уже на другой день в школе стали происходить чудеса. Если он знал урок, но не хотел тянуть руку, его спрашивали. А когда вопрос выходил за грани его компетенции, рука учительницы зависала в верхней части журнала, а его фамилия пряталась внизу алфавитного списка. Стоило ему устремить взгляд в чью-то спину, сидящий впереди начинал нервничать и, в конце концов, оглядывался, молча вопрошая: «Ну, чего тебе?». На уроке истории он мысленно попросил учительницу открыть форточку. Та тотчас озвучила его просьбу Витьке Смирнову, который сидел ближе всех к окну. И форточка была открыта. Короче, всё происходило, как по шучьему веленью. Во время контрольной по алгебре Митька не успел решить один пример и невольно стал держать внимание на звонке. Обычно автоматика сбоев не да-

вала. Но тут в школе вырубили свет. И пока разбирались, что к чему, пример решить он успел. А после пятого урока, на перемене, Славка Цыганков, первый в школе бахвал, принялся, как обычно, вешать девчонкам лапшу на уши. Те, конечно, уши распустили, чтоб каждой, значит, побольше досталось. «Заткнулся бы, что ли! Уши вянут!» – подумал про себя Митька и бросил в сторону одноклассника тоскливый взгляд. И Славку, как кислым залило. Заткнулся так, что весь посинел. Девчонки давай его по спине колотить. Мол, не в то горло попало. Славке пришлось в коридор выскочить. Так и отстоял там пол урока, с кашлем не мог справиться. И на этом бы дело не кончилось, да тут у Митьки в голове раздался непривычно сердитый голос деда: «Ты, Митька, не балуй! И больше не шути так. Коль почувствовал в себе силу, следи за мыслями. За каждый неверный шаг будешь расплачиваться сполна. Познания даются не просто так. Велика сила – велик и спрос!»

Митька так и сжался весь. Дед зря не скажет! И раньше-то он, Митька, не особо разговорчив был, а теперь и вовсе ушёл в себя. Спросят – ответит, а сам вопросов никому не задаёт. Да и какие ему ещё нужны ответы, коль все они в голове. А ещё – в книжках, которые теперь Митька не читал, а заглатывал, как изголодавшийся охотничий пёс. Книжки попадались одна интереснее другой, причём в строгой последовательности по сложности восприятия, словно кто специально подкладывал ему под руку эту литературу. И научно-популярную, и художественную. Уходя в чтение, на время забывал о Рите. А когда откладывал книгу в сторону, её хрупкий образ снова появлялся перед мысленным взором. И почему-то в глазах у Риты всегда стоял упрек. Будто не она, а он был в чём-то виноват перед ней. Так хотелось получить от неё хоть какую-нибудь весточку! Но писем не было. Бездушная электронная почта доставляла тучами осточертевшую уже рекламу. И участливая скрепка беспомощно разводила металлическими руками. Тогда Митька стал мысленно разговаривать с Ритой. Когда Люська заглядывала в его комнату, он строго говорил: «Не мешай! Я занят». И хоть сам при этом спокойно лежал на диване, Люська послушно закрывала дверь. Знала: брат работает мыслью. А дело это не шуточное.

Когда мать с сестрёнкой, наконец, улеглись спать, Митька включил компьютер, и, замирая от какого-то радостного предчувствия, нажал мышкой кнопку «Доставить почту». И весь напрягся в ожидании. Сначала сыпалась реклама, будь она неладна! Предлагались сексуальные услуги. Девочки – одна клёвее другой. Но Митьке до них дела не было. Краем уха слышал, на какие суммы, сдуру, раскручивались одноклассники. И вдруг тело словно током прошило: письмо от Риты! И такое большое! Слава Богу, что бы в нём ни было! Стал лихорадочно читать. Взгляд нетерпеливо прыгал с одной строки на другую. Бедная стрелка металась то вниз, то вверх. Но ничего плохого, на первый взгляд, в письме не обнаружил. Тогда поднялся к самому первому абзацу и стал смаковать каждое слово. Если бы можно было об-

нять весь мир, Митька непременно сделал бы это. Но была ночь. И в окно глядели равнодушные к его эмоциям звёзды. Рита писала, что с тем парнем, Валерием, она больше не встречается. Митька верил. Каким-то седьмым чувством безошибочно мог улавливать лую фальшь. На этих Ритиных словах сигнальная лампочка не загорелась. Значит, всё чисто! В конце была приписка: «Димка! Я по тебе очень соскучилась, и хотела бы приехать на зимних каникулах. Если, конечно, не возражаешь...».

С ответом Митька не торопился. Хорошо усвоил дедову поговорку: поспешишь – людей насмешишь! Всякой информации полезно отлежаться.

На следующий день на всех уроках Митька думал только о Рите. «Единиц» и «двоек» нахватал столько, что они уже не влезали в отведённое для отметок место в графе «Вторник». Кстати, учителя похоже и сами не знают, чем отличается «двойка» от «единицы». А Митька теперь знал: уровнем вибраций. В отметку учителя вкладывали свою неудовлетворённость по поводу Митькиного молчания. И это было так далеко от истинной оценки его знаний. Потому что молчал он везде одинаково. Но кто будет вникать в эти высокие материи. Кому что докажешь?! Особенно лютовала Маргарита Рашидовна. Выводя жирную «единицу» по литературе в дневнике, написала: «Убедительно прошу отца зайти в школу!» Раскатала губу! На перемене Митька подошёл к ней и победно констатировал:

– Извините, но отец зайти в школу не сможет.

– Это почему? – Запотели от возмущения очки Маргарита Рашидовны.

– Он живёт в другом городе. У него другая семья.

– Как?! Вот как! – опешила учительница. – То-то смотрю, совсем ты у нас разболтался! Только вид делаешь, что на уроке, а сам неизвестно где витаешь.

– Ну, мне-то известно, – парировал Митька.

– Интересно бы знать, где? – От любопытства знаменитая бородавка над её губой запрыгала, и пучок торчащих в ней жёстких волосинок зашевелился, готовый, подобно алюминиевой рамке, тут же среагировать на поступившую информацию.

Митька усмехнулся. Учительница взвилась ещё больше. Двойной подбородок так и трясся от негодования. Принялась обкладывать его эпитетами, с ног до головы. Вот бы посостязаться с ней в этом плане. Пожалуй, у Митьки бы похлеще получилось. Но доводить до белого каления учительницу не стал. Что с ней сделаешь? Только бы рот скорее закрыла. Полкласса уж за ними наблюдает. И стал молча гипнотизировать учительницу спокойным взглядом. Она поперхнулась и замолчала. Эпитеты всё ещё держали её в своём плену, но рот не открывался. Видно было, что хочет что-то сказать – и не может. Заклинило. Наберёт в грудь воздуха и снова выпускает его через свой чувственный нос. Любопытное зрелище!

– Разрешите идти? – по-военному выправился Митька. И, расценив молчание за согласие, под любопытные взгляды одноклассников удалился восвояси.

На информатике умудрился войти в «интернет и проверить почту. От Риты пришло короткое сообщение: «Димка! Не мучай меня, отзовись, пожалуйста!» Предусмотрительно удалил письмо даже из корзины. Но строчки письма врубались в память. Как, впрочем, и прошлое послание. Его Митька тоже выучил наизусть: «... С Валерием я больше не встречаюсь. После того, как ты ушёл из ресторана, мы поссорились. Теперь я понимаю, ты – не трус, а просто очень тонко чувствуешь людей и ситуацию. Да, между нами была близость. Я виновата в том, что прямо не сказала тебе об этом. Прости, если сможешь. Знаю, тебе больно, но только ты можешь меня понять и помочь! Мне очень трудно! Я совсем запуталась...» И тут его бросило в жар. Споткнулся о гниловато-скользкое словечко «близость». Вчера на радостях не обратил на это никакого внимания. А сегодня вдруг зацепило, словно кто выделил слово красным курсивом. Что она имеет в виду?.. И зажмурился от острой внутренней боли. Будто очередь прошили. Он, Митька, поцелуем обидеть боялся, а этот ухарь, значит, на близость уломал! Эх, Рита! Знаешь, что больно, но не знаешь *как*!

В руках у Митьки сломалась линейка. Математичка вздрогнула. Весь класс, по цепной реакции, один за другим, стал оборачиваться на него. Вот чёрт!

– У Гуманоида запчасти из строя выходят! – прокомментировал Марков.

– Сейчас он тебя взглядом насквозь проткнёт! – с последней парты подала голос Птицина. – Не веришь?! Он уже научился мыслью предметы двигать! Смотрите, как бы доска не упала!

Все головы развернулись в сторону классной доски. Народ «жаждал чуда»! Математичка, похоже, тоже. Вот, глупые! Нашли, чем шутить. Митьке, конечно, это раз плюнуть. Только зачем людей пугать? Реклама ему ни к чему. Хорошо усвоил простую истину, что лучше быть серой мышью. Вдохнул и закрыл лоб рукой. Математичка успокоилась, снова взяла в руки. На доске запрыгали какие-то цифры. Защёлкали ручки. Урок продолжался. А у Митьки перед глазами не цифры, строчка: «Дима! Не мучай меня, отзовись, пожалуйста!» Ещё не известно, кто кого мучает! А что если вообще не отвечать? Да пошла она со своим Валерой!... Что у него, у Митьки, девчонок больше не будет?! Не урод ведь! Дай им волю – сами на шею вешаться будут. Только ему, Митьке, этого не нужно. Терпеть не мог вульгарных и навязчивых девиц! Конечно, есть и скромные девушки, если захотел бы – мог познакомиться. Тяжело вздохнул. Чем его Рита приворожила?! Казалось бы, что тут страдать? Ну, предпочла другого. Подумаешь! Плюнуть да забыть! Однако, черта с два! Куда ни кидал взглядом – всюду в толпе чудился её хрупкий образ. И сердце предательски ёкало. Чтобы как-то себя разозлить, попытался представить их «близость». И даже в глазах помутилось. Все тело налилось

свинцом. Нет, нельзя думать о таком, чокнуться можно! Ревность – плохой советчик. А, может, он вообще однолюб... Бывает такое. В книжках, вон, сколько об этом пишут... Обвёл осторожным взглядом класс. Цыганков гипнотизировал новенькую, Настю Трепетову. Настя приехала к ним с Камчатки. Ничего девчонка. Глаза большие, какого-то изумрудного цвета. Талию одной рукой обхватить можно. Волосы по пояс. И, главное, не болтуша, как некоторые девчонки. Слова свои ценит. Такой достоинства не занимать. По внешнему виду Рите до нее далеко. Хотя, при чём здесь внешний вид?! Это Цыганкову важно, чтобы ноги у девчонки, как у Синициной, от самой шеи росли. А Настя, между прочим, всё на него, на Митьку, косится. Что если взять да и пригласить ее погулять по набережной. И от одной мысли этой в душе что-то перевернулось. И сразу сделалось неудобно, тоскливо, тяжело, словно он, Митька, предал кого-то слабого, беззащитного, остро нуждающегося в его помощи. Нет, не дело это. И на Настины взгляды реагировать нечего. Зачем зря повод давать? Всё-таки странная это штука – человеческие чувства. И самое главное, никак из души их не вытравить! Спроси кто у Митьки, чем таким Рита ему запала – вряд ли бы ответить смог. Что тут делать? Хоть бы совета спросить у кого! Только кому такое доверишь? С детства чувствовал себя среди сверстников белой вороной. С годами трещина, что разделяла его и одноклассников, переросла в солидное ущелье. Сначала Митька этого стеснялся и, как мог, старался скрывать свои мысли, а потом надоело. Стал высказываться, не взирая на косые взгляды окружающих. Понравилось. И даже вошёл во вкус. Но то мысли. А чувства нужно уметь прятать, чем глубже – тем лучше. Чужие советы, как и чужие одежды, редко когда бывают впору. Дед говорил, что самое трудное – это научиться прощать. У него ведь в молодости почти такая же ситуация была, но ведь «отвоевал» бабулю. И сколько лет потом душа в душу жили.

Почему-то вспомнилось, как года четыре назад школьный психолог Антонина Анатольевна, которую все парни, старшеклассники, меж собой прозывали "Тонечкой" за молодость и смущенную девичью улыбку, после уроков нагрянула в класс вместе с классной, Маргаритой Рашидовой. Пожаловала неспроста, с каким-то очередным тестом. Тесты эти у нее, видать, не переводились.

– Представьте, ребята, – бойко принялась шевелить она их воображение, – что вы всем классом ездили на автобусе на водопад. По пути домой водитель был вынужден взять в салон старика-грибника, который, выходя из леса, порвал сухожилие и не мог ступить на ногу. Свободных мест в автобусе не было. Возникла необходимость срочно высадить одного из вас.

Антонина Анатольевна обвела всех внимательным взглядом, словно пыталась заглянуть в душу каждого. У парней на лицах ухмылки. У девчонок – гримасы. А "Тонечка" гнет свое.

– Это тест анонимный. Сейчас я вам раздам чистые листы, и вы должны написать, как, на ваш взгляд, может быть разрешена эта ситуация, кого бы вы предложили посадить из автобуса и почему.

– Маргарита Рашидовна! А Вас в расчет брать? – с ехидной вкрадчивостью сыграл на публику Цыганков. – Парни, кто посмелее, тут же заготовили. Девчонки прыснули в кулак. Однако классная быстро нашлась.

– Если ты, Цыганков, считаешь, что я сильнее и выносливее всех вас, предложи посадить меня. И прошу отнестись к тесту серьезно. В жизни может случиться подобное.

Как и предполагал, ответы разбирались не в их классе, в параллельном. И ржачка там стояла отменная. Кто предлагал посадить самого толстого, кто самого ленивого, кое-где срабатывали личные антипатии, кто-то не пощадил и саму учительницу. Были предложения, наверное, они исходили от девчонок, сесть друг к другу на колени. Предлагалось даже кинуть жребий. Сдавались и пустые листы. И только один ответ был расценен Антониной Анатольевной, как самый правильный. Все ребята дружно заорали: «Мы знаем, кто это! Гуманоид!». И долго еще потом перекидывались многозначительными ухмылками, когда он шел по коридору. Только Митьке на это было наплевать. Конечно, случись такая ситуация, он, не задумываясь, сам бы вышел из автобуса. И что тут такого! Кого ему в лесу бояться? Сколько раз ночевали с дедом у костра на охотничьем стане, а вокруг ходил медведь. Все пугал. То зарычит, то заворчит, то ближе подойдет, то уйдет подальше. Митька, конечно, тянул ухо, прислушивался. А дед спокойно пояснил: «Нечего летом медведя в лесу бояться, тем более у костра. Страшен только шатун, и то не летом, зимой». Так что ситуация в тесте Антонины Анатольевны была ерундовая. Но не в этом суть. Прозвище «Гуманоид» с тех пор приклеилось к Митьке крепко-накрепко. У него даже электронный номер значился так: humanoid@mail.ru.

А мысли снова вернулись к Рите. Она тоже иногда называла его по прозвищу, но не Гуманоидом, а ласково так – Гуманоидиком. Митька не возражал, потому что случалось это в самые нежные моменты.

Писал ответ Рите Митька вот уже три дня подряд. И никого не пускал в свою комнату. Мать поняла просьбу с полупамятки, а с Люськой пришлось много биться. В неё как нечистая вселилась. Говорят, у женщин это случается. Сестрёнку так и несло к компьютеру. Он сначала злился, выгонял её щелбанами, а потом нашёл выход: стал писать по ночам. Рано выключал свет и ждал, когда мать с сестрёнкой улягутся спать. Колонки отключал. Пальцы бегали по клавишам бесшумно. И только скрепка была свидетелем его с трудом сдерживающихся чувств. Выпучив глаза, она долго чесала в затылке. Потом вдруг ни с того, ни с сего рассыпалась на части, да так, что глаза покатались по полу, как два бильярдных шара. Чего это

она? Вот глупая! Подумаешь! И вообще, это не её собачье дело! В сердцах скрыл помощницу. Убралась к себе наверх, под вопросительный знак.

«Рита! Разобраться в себе ты должна сама. Я, «как сторона заинтересованная», тебе в этом деле не советчик. Никакой обиды на тебя не держу. Ты ведь мне в любви не клялась. А уж тем более в вечной! Если приедешь, буду рад. Только сначала реши для себя: надо ли тебе это».

В общем-то, получалось складно. Что касается грамматики, то компьютер старался на совесть. Стоило сделать орфографическую ошибку, подчёркивал красным, стилистическую – зелёным. Маргарите Рашидовне до такого усердия было далеко. Та больше пяти ошибок не исправляла, перечёркивала весь текст. А то ещё напишет: «Рука устала!». Надо отдать должное, с юмором у неё всегда было в порядке. А отец, между прочим, ей нравился. Так и вспыхнула вся, как узнала, что уехал. Мать в школу приглашать не стала. Набралась ума! Кстати, Рита и Маргарита – действительно одно имя. Ему бы это и в голову не пришло, если бы Люська не спросила. А мысли стали раскручиваться в этом направлении. Неужели Рита к старости может сделаться похожей на Маргариту Рашидовну?! Чушь какая-то! И даже на Люську рассердился. Вот проныра! До всего ей дело! Язык, как помело! Надо было ей эти ассоциации выстраивать!.. И всё же про значимость имён тоже читал и потому в голове зажёг. Поставил рядом два образа: Ритин и учительницы – смех, да и только. Одна – воздушная, как ангел, другая – крупная, тяжеловесная, как тягловая лошадь. Что между ними общего? И тут вспомнились старые фотографии, что висели на стенде, вывешенном в актовом зале перед Днём встречи выпускников школы. Маргариту Рашидовну он признал на них не сразу. Худенькая, большеглазая, красивая. Костюм, правда, – отпад! Ну, да куда денешься, мода такая была. А мать взять... На свадебных фотографиях, как принцесса какая. Вот и разберись тут!

Прежде чем отправить письмо Рите, перечитал его не один десяток раз. И, наконец, щелкнул мышкой. Лети!

В ночь перед Рождеством

До крещенских морозов было рукой подать. Уже приближалось Рождество. То тут, то там потрескивали деревья. Снег блестел в свете фонарей каким-то искусственным неживым блеском. И в памяти вдруг высветились где-то вычитанные стихотворные строки:

Снег блестел, словно ртутью сыпанули с крыш,
Снег хрустел, словно кто-то кочерыжку грыз...

Митька легко, по-спортивному, бежал к остановке. Полусонные троллейбусы только-только выкатились на маршруты, лениво водя металлическими усами. Вездесущие маршрутки легко и проворно обскакивали их, охотясь на редких ранних пассажиров. До вокзала было недалеко, три остановки. Шустро выскочил из салона троллейбуса, вынося вместе с собой туманное облачко драгоценного тепла.

На перроне долго топтаться не пришлось. Поезд прибывал по расписанию. Вот и Ритин вагон. Она махала ему из тамбура. Сердце сжалось, чтобы с силой радостно распахнуться. Помогая Рите снимать с подножки чемодан, приобнял за плечи. Она доверчиво прижалась щекой к рукаву его куртки. Ого! Да он никак ещё вырос! Рита была чуть повыше его плеча. Она тоже отметила это:

– Димка! Растёшь не по дням, а по часам!

– Твоими молитвами накапливаю силы! У нас остановишься?

– Нет, – почему-то смутилась Рита. – У тёти. Поговорю с ней часок, другой и позвоню тебе, ладно?

– Как скажете, сударыня! – пошутил, любуясь ею, Митька. В Рите появилось что-то новое, чего не замечал раньше. Нет, дело не в кружевной накидке, которая бесспорно очень тонко подчёркивала её полувоздушность. Что-то изменилось в самой осанке, в повороте головы и даже в улыбке. Исчезла девчоночья угловатость. С ним рядом шла молодая, знающая себе цену женщина. И вдруг в душе шевельнулся какой-то червячок. Опять он, Митька, боится на неё дышать, а тот, другой?! Откуда у людей столько наглости? Столько напора! Может, в спиртном дело? Ни водки, ни пива Митька не пил. Имел горький опыт. Как-то год назад пригласил его Витька Смирнов на день рождения. В мае дело было. Решили отметить без присутствия родителей, в сугубо мужской компании, на берегу озера. Солнышко ласкает, вода плещется, сосны над головой шепчутся, кусты на взгорке зелёными язычками дразнятся. Как в том фильме: «Лепота!» Расположились рядом с шашлычной. Шашлыки заказали. Овощи и спиртное с собой притащили. Парни бутылки с водкой раскупорили. Митька пивом ограничился. Сначала дух «братства», подобно яркому воздушному змею, красиво взмыл над головами, бросая с высоты вызов дремлющей стихии. Но мало-помалу в помутнённом сознании природные красоты стали как-то быстро тускнеть и отступать на задний план. И незаметно в узкий круг застолья прокрался запашок пошлости, крепчали словечки, и очень скоро дошло дело и до откровенно воинственных интонаций и мата.

– А ты заткнись!

– А чего ты мне рот-то затыкаешь?

– Сейчас как двину, мало не покажется!

– Нашёлся тут!...

– Э-э! Полегче! Уймись, братва!

Митька встал, прошёл по песку к кромке воды. Поднял несколько плоских камешков, принялся рикошетить ими водную гладь. Камешки скользили по поверхности сонного озера и срезали гребешки мелких волн. Иной раз насчитывал до девяти всплесков. А когда замёрз, снова потянулся к одноклассникам. Те разводили костёр. Шипели сырые сучья, пламя злилось, трещало, искрилось. Едкий дым щипал глаза. И куда бы Митька ни пересаживался, от дыма было не спастись. Он будто преследовал Митьку. А Цыганков уже озвучивал мировую. Произносил тост по-взрослому, красиво держа локоть углом.

– За нас, мужиков! Пьём, стоя, и до дна!

И первым опрокинул бумажный стаканчик с водкой в рот. Его примеру дружно последовали остальные, торжественно откидывая голову назад. Митьке кто-то протянул большой стакан с пивом. Оно пенилось верхом, и почему-то было, или это только показалось ему, более горьким. Разбираться было некогда. Дружный рёв голосов рьяно скандировал: «Пей до дна!», «Пей до дна!», «Пей до дна!». А когда Митька, честно допив всё до конца, опрокинул стакан вверх дном, как это делали другие, раздались восторженные аплодисменты. Марков визгливо крикнул:

– Вот это да! Хватанул такого «ерша»!

Всё, что происходило потом, память выдавала отдельными клипами: один убийственнее другого. Звон бьющихся о камни бутылок, негодующие выкрики прохожих, оскорбительные реплики в ответ, скрип тормозов милицейской машины. А когда наутро с дикой головной болью стало возвращаться шаткое сознание, душа опустилась в самое пекло ада. Её варили в кипящем котле и жарили на шипящей сковородке. Но самой невыносимой пыткой были глаза матери, полные отчаянных слёз, страдания, жалости и ... любви. Всё, что мог сделать Митька, это прошептать запёкшимися от блевотины губами:

– Прости! Клянусь! Я больше никогда!.. Слышишь? Ну, не плачь ты!...

А слово для мужчины – закон. С тех пор спиртного в рот не брал, ссылаясь на ушу, мол, противопоказано. И на своём стоял твёрдо.

От Риты не ускользнула промелькнувшая в его глазах боль. И сразу счастливое лицо её сделалось печально-виноватым. Уголки губ обиженно дрогнули. Значит, и она умеет мысли читать? Тогда он остановился, поставил на снег чемодан и властно, как тот парень, притянул её к себе. Целовал страстно, немного грубовато. И был уверен не только в себе, но и в том, что теперь не отдаст её никому.

Все знают, что счастливые моменты ускоряют время. Три дня пролетели – глазом не успел моргнуть. Зато событий столько, будто была Рита не три дня, а целый месяц. И на концерт Витаса сходили, и у тёти чаю попили, и с матерью познакомил. Люська – умора! С та-

ким важным видом навстречу к ним выкатила, будто ей не десять, а целых двадцать пять. И даже от Митькиного насмешливого взгляда не смутилась ничуть. Вот пигалица!

Гуляя вечерами по празднично украшенному городу, почти ни о чём не говорили. Лишь время от времени обменивались лучиками влюблённых взглядов да искали место, куда бы укрыться от любопытных глаз и снова до одури раствориться в поцелуях. И прошлое не вспоминали. В письмах всё обговорено. И тема закрыта. Нечего попусту язык мозолить. Чем меньше открываешь рот, тем весомее становится каждое слово. Митька научился чётко определять мотивацию многословия любого человека. Одни прячут за красивыми словами свою, далеко не ангельскую суть. И слова служат им маскировочной одеждой. Другие словами уводят внимание человека в нужную им сторону, подальше от щекотливых моментов, которые требуют обсуждения. Третьи заполняют этикетом пустое пространство, чтобы не проскочило в нём вольтовой дуги возникшего напряжения. Существует и сугубо бытовая речь, без которой не обойтись. Её Митька сравнил бы с театральными декорациями, без которых в театре жизни не обойтись. А есть слова, которые идут из глубины души и несут в себе такой энергетический посыл, что вызывают определённые вибрации у собеседника. Они могут ввести человека в состояние неопишуемой радости или умопомрачительного отчаяния. Митька дошёл до этого сам, ни в каких книжках он об этом не читал. Откуда приходило это познание, сам не знал. Но стоило сконцентрировать своё внимание на какой-то проблеме, будто кто в голову вкладывал нужную информацию. И самое главное, в школе теперь к нему ребята прислушивались. И это он не раз замечал. К примеру, объявит математичка контрольную, все взоры на Митьку: «Как, Гуманоид, думаешь, действительно будет или на пушку берет, чтобы материал лучше повторили?» За математичкой водилось. Скажет Митька – как нитку в иголку вденет. Не придет Марков в школу, все гадают: очередной фингал от драки или гриппом заболел. А Митька вяло так заявит: "К третьему уроку явится". И точно: вваливается со звоном на третий урок, жив, здоров, да проспал.

В самый канун Рождества пошли с Ритой в собор на праздничную службу. Народу возле церкви собралось столько, что их просто несло людским потоком, знай, успевай переставлять ноги. Зато снова был повод обнять Риту. Ограждая девушку от толчков чьих-то острых локтей, Митька, будто ненароком, прижимался губами к её золотистому виску и вдыхал тонкий аромат её духов. И этот сладковатый запах дурманил голову, вызывая во всём теле невероятное напряжение, от которого всякий раз бросало в жар. Но, видел Бог, это были приятные муки.

А после службы, чтобы сократить путь до тётиного дома, которая жила в другом микрорайоне, пошли через гаражный кооператив. В центре пустыря, возле ёлки, горел костёр, вокруг которого танцевала молодёжь. Ёлка была украшена бумажными гирляндами и фонари-

ками. Снег вокруг был притоптан. Значит, здесь не росла, а была привезена на случай праздника. Стало быть, чужая тусовка.

– Давай потанцуем вместе с ними, – предложила Рита и потащила его за руку к костру. Какая-то интуиция подсказывала Митьке, что делать этого не надо. Но Рите так хотелось! Однако чем ближе приближались к костру, тем тревожнее становилось на душе. Рита тоже замедлила шаг. Снег возле ёлки был утыкан пустыми бутылками из-под вина и водки. Лица танцующих были в масках, но не в маскарадных, а матерчатых. Сквозь дырочки глаз на незваных гостей смотрели какие-то шальные зрачки. Занесла же их нелёгкая! Но путь назад был уже отрезан. Они оказались в плотном кольце возбуждённых, кривляющихся фигур. И танец совсем не напоминал новогодний хоровод. И пока они переглядывались, соображая, что к чему, откуда-то из-за гаражей по свистку выбежала здоровая овчарка и, опутав Митькины ноги цепью, завалила его на снег. Рита растерянно заметалась вокруг, пытаясь помочь ему встать. Но чьи-то сильные руки бесцеремонно и грубо затащили её в хоровод.

– Это что, Гуманоида дама? – донёсся до Митьки чей-то пьяный голос. Голос был знакомым. Но угадать, кто такой, Митька смог бы едва ли. Тусоваться не любил. Вечерами запоем читал книги. Особенно нравились произведения Юрий Короткова, Альберта Лиханова, Дины Рубиной. Иногда к прозвищу Гуманоид, приклеивалось ещё и «книжный червь». Плевать! Прозвища его не задевали. Словом, в городе знали его многие. И относились, конечно, по-разному. Кое-кто из мало знакомых парней уважительно здоровался за руку, но были и такие, кто презренно сплёвывал вслед.

– Дама с Амстердама! – пискляво ёрничал коротышка в ватнике.

– Откуда он её выписал?

– Какая разница! Была ваша, станет наша! – подытожил всё тот же писклявый голос. Митьку передёрнуло. Опять попытался встать, собака с силой дёрнула цепь. Снова упал в снег.

– Не рыпайся! Надёжно! Кому первому свою кралю подаришь?

Отвратительные руки потянулись к Рите, к её дублёнке, словно и Риту, и дублёнку хотели разорвать на кусочки. От ужаса девушка даже не могла кричать. И только искала глазами Митьку. А Митька валялся в снегу рядом с овчаркой, на чём свет кляня себя за свою беспомощность. Какое-то омерзительное существо в песчовом полушубке расплёвывало вокруг пошлости. От хрюкающего смеха этой особы Митьку чуть не мутило. Метнул взгляд на собаку. Заметил у ошейника карабин. Отлично! Как он сразу-то не догадался?! Щелчок – и пёс вольготно побежал обнюхивать ствол ёлки. Митька быстро освободил ноги и дал им волю. Сапоги свистели в воздухе, как нагайки. Даром что ли столько лет ходил на тренировки. Да и неожиданность сыграла свою роль. И вот уже он рядом с Ритой. Девушка прижалась к нему,

дрожа всем телом. Свора взвыла, заулюлюкала и снова стала окружать их плотным кольцом. Хорошего не жди – понял Митька. Нужно было срочно что-то предпринимать. Но что?! Полная луна заливала светом пустырь. И всё, что сейчас происходило вокруг, казалось каким-то дьявольским спектаклем. А маски так и дышали вожделением. Надвигались медленно, то ли нагоняли страх, то ли выдерживали какой-то странный ритуал. Митькин взгляд устремился в костёр. Руки машинально зашарили по карманам. Чем бы отвлечь их внимание? Хоть на минуту! В одном из карманов нащупал два патрона, которые оставались в куртке с самого Нового года. Приятель грозился выпросить у отца – гаишника ракетницу, да тот не дал, не игрушка, мол. И надо ж, пригодились!

Быстро швырнул патроны в костёр: «Ложись!!!». Свора замерла, закрутила головами. Митька первым упал в снег, прикрывая собой Риту. «Маски», как по команде, тоже рухнули наземь. И стало так тихо, словно онемел весь мир. Но взрыва не последовало. И только злорадная луна насмешливо пялилась на замерших у костра людей. Первой опомнилась та, что в полушубке. Зашлась в сиплом смехе: «Ой! Умора! Кого напугались!». Зашевелились и остальные. «Ну!?» – мысленно молил Митька. Понимал, что может произойти через минуту, если (Не дай Бог!) отсырели патроны и взрыва не произойдёт. Зловещая тишина давила на уши. В судорожно сжатых кулаках мгновенно растаял снег. И от ударов сердца сотрясалась грудь. «Дед! Милый! Выручай!» – рванулся ввысь немой вопль. Время остановилось. Мир сгинул, как лопнувший мыльный пузырь. Ни ёлки, ни своры, ни луны, ни Риты, ни его самого, одна искрящаяся шаровой молнией мысль: «Дед! Помоги!!!» И эта мысль разорвала удушяющее пространство. В тот же миг раздался угрожающий гул, и шипящий столб огня с силой выплюнул в тёмное небо раскалённые термитные осколки. Они ударились в ствол ёлки и фейерверком разлетелись по сторонам. Вспыхнули бумажные фонарики. Затрещала хвоя. И вся ёлка схватилась каким-то быстрым, словно оголодавшим пламенем. Благим матом заорала баба в полушубке, что стояла ближе всех к стволу. Со спины меховой воротник взялся огнём. Вспыхнули и рыжие пряди распущенных волос. Свора испуганно метнулась к гаражам, по железным крышам которых гулким эхом носился истошный визг. Кто-то догадался завалить рыжую в снег и стал сдирать с неё горящую шубу.

А Митька крепко схватил Риту за руку.

– Бежим!

И они устремились к дороге.

От пережитого шока Рита ослабла так, что постоянно спотыкалась и падала. Митька схватил её на руки. Сначала с трудом передвигал ноги, а потом вдруг стало так легко, будто не бежал по снегу, а летел по воздуху. И откуда только в людях в критические моменты берутся силы? И вот уже видны огни машин. Осторожно поставил девушку, прижал её к себе, и

замахал рукой. Но частники газовали мимо. Одна, другая, третья!... Вот ёлы-палы! И вдруг зелёный огонёк. Слава Богу! Такси!

В такси Риту стало рвать. Водитель матерился. Но маты отскакивали от Митьки, как град от оконного стекла. Все его чувства и мысли были направлены на Риту. Что с ней случилось? Неужели от шока?

– Рита! – гладил её по лицу Митька – Что с тобой?! Ну, скажи что-нибудь!

А когда голова девушки вдруг бессильно упала ему на плечо, крикнул водителю:

– В больницу давай! Жми всю!

И дальше действовал, как робот. Бегом бежал с Ритой на руках, ногой открывая настежь все двери. Пока девушку за ширмой осматривал дежурный врач, Митька глухо отвечал на вопросы медсестры. Та торопливо фиксировала в карточке каждое его слово.

Доктор, худощавый молодой мужчина с аккуратно подстриженными усиками, никакого доверия у Митьки не вызывал. Вышагивал, как кисейная дама на балу! У человека обморок, а он собой любуется! Как и предчувствовал Митька, ничего вразумительного этот женоподобный усач сказать не мог. Принялся мозги пудрить какими-то непонятными медицинскими терминами. И жонглировал ими с таким упоением, что Митька не выдержал:

– Короче! От чего обморок? Это можете прямо сказать?

Тот жеманно пожал плечами: это будет известно после обследования.

– Она останется в больнице? – напирал Митька.

– Да, разумеется. Мы сейчас поставим капельницу. А Вы можете справиться о самочувствии по телефону у дежурной медсестры. Кстати, Вы кто ей будете? Муж?

Митька кивнул. И по телу разлилось приятное тепло. Оно медленно просачивалось в каждую клеточку тела, вытесняя из них страх и нервозность. Живительный бальзам этого вопроса вызвал такой подъём уверенности, что Митька даже простил усачу его нерасторопность. Вообще-то, какой-то укол был поставлен сразу. А диагноз – дело такое. Нужны обследования – в этом он прав.

На другой день Митьку пустили к Рите только после обеда. Она опять была под капельницей. Но глаза были открыты. Митька присел на стул рядом с кроватью. Поднёс к губам её пальцы. Пальцы у Риты были такие тонкие, как у ребёнка. Сотворит же Господь! Люське всего десять, а рука в два раза больше Ритиной.

По щекам девушки текли слёзы.

– Ну что ты, зайка! – подбодрил её взглядом Митька. – Пройдёт. Зуб даю, это у тебя от страха.

Девушка покачала головой.

– Я беременна, Димка!

Митьку как ошпарили чем. Разом опустил глаза в пол. И долго разглядывал аккуратную заплатку на линолеумовом полу. Ни о чём не думал. Окаменел. А когда поднял взгляд, Рита лежала с закрытыми глазами. По щекам девушки текли слёзы. Сморщенное лицо её сделалось таким беспомощным и некрасивым, что у Митьки от жалости чуть не вырвался стон. Вовремя прикусил губу. Нужно было что-то сказать. Да вот только что?!

– Так это ж хорошо! – произнёс Митька обыденно и спокойно, словно одобрил какую-то очень необходимую ему покупку. И мысленно похвалил себя: «Молодец, артист!»

Губы у Риты задрожали ещё сильнее. Она отвернула голову к стене. А он продолжал в том же духе.

– Кого закажем? Мальчика или девочку?

– Аборт сделаю! – отчаянно прошептала девушка.

– А я категорически против! – будто сам с собой вдруг принялся рассуждать Митька. – Во-первых, первый аборт очень опасен: потом детей может не быть. (Слышал, мать кому-то говорила). Во-вторых, не нами послана душа – не нам ею и распоряжаться! (Из книг понахватался!) – А потому родим девочку, такую же хорошенькую, как ты!

– Как у вас всё просто! – раздался за спиной чей-то сварливый голос. Только теперь Митька заметил, что Рита в палате не одна. Просто больные, видимо, были на процедурах. А, может, на обеде. И только сухая старуха с серым землистым лицом, ворочаясь, скрипела железной кроватью. – Родителям-то хоть сказали? – настырно лезла в их разговор она. – Это вам не в куклы играть! Ребёнка и кормить, и одевать, и воспитывать надо. Сами-то, по всему видать, ещё студенты. На родительской шее сидите!

Вслух сказать было нечего. А потому Митька взмолился без слов: «Молчи ты, старая! Без тебя тошно!» И не успел обернуться, как дверь палаты открылась, и красивая головка в накрахмаленном белом чепчике весело сообщила:

– Бабуля! На перевязку.

Старуха, кряхтя и охая, стала слезать с постели. И ей уже было не до них. Митька с Ритой остались в палате одни.

– Дима! Прости меня! За всё прости! – быстро зашептала ему Рита. Митьке показалось, что говорит она это в каком-то бреду. – Мне так хорошо, когда ты рядом! Я верю тебе, как самой себе! Вернее..., нет, больше, чем себе! Ты намного лучше меня. Таких, как ты, в мире больше нет! Гуманоид ты мой миленький! Как я тебя люблю! А то, что случилось, было против моей воли. Сначала он уговорил меня выпить,... а потом... я не помню даже, как это всё произошло! Ты можешь не любить меня больше, но только прости!!!

– Ну, что ты! Спи, давай! И не думай ни о чём, – поправил ей одеяло Митька. – Пить хочешь?

Рита покачала головой. Всё тело её вздрагивало от сдавленных рыданий.

В палату вернулась ворчливая старуха.

– Вот коновалы-то! Им бы только по мобильникам трещать! – на чём свет стоит, всех и вся кляла она. – Всё тело изболело, а им хоть бы что! Никакого сострадания к старым людям! Ты давай, парень, тоже отчаливай! – напустилась она и на Митьку. – Тихий час у нас.

Поцеловав Риту в висок, Митька вышел из палаты.

А утром встречал на вокзале Галину Ивановну, Ритину мать.

– Дима! Прошу тебя, не скрывай от меня ничего, я – врач! Я должна знать. Где у неё травмы?

– Да нет у неё никаких травм, – успокоил Митька.

– Что случилось?

– Обморок. Сейчас всё уже позади.

Галина Ивановна смотрела на него, как на фокусника и, по взгляду было видно, что в расчёт никакие его слова не брала.

– Боже! Как я была против этой поездки! – причитала она. – Зимой! В такой мороз! Праздники. Пьяных полно кругом. И вот – сердце вещун! Как в воду глядела! Первая сессия на носу!... А она в больнице.

Пока Галина Ивановна навещала Риту и разговаривала с лечащим врачом, Митька ждал её в вестибюле. Стоял у стендов, делал вид, что изучает больничные бюллетени о том, как оказать первую медицинскую помощь. Готов был оказать первую помощь кому угодно, только бы не видеть лица Ритиной мамы, когда она, наконец, выйдет из лифта. Всякое представлял: упрёки, истерики, слёзы, но такой убийственной реакции даже представить не мог. Митьку она даже не заметила. Если бы ей сказали, что сейчас рухнет небо, она бы рассеянно ответила: «Ничего. Ничего». На крыльце было скользко, и Митька поддержал её за локоть. Только тут она остановилась, словно прозрела. В упор глядя на него, сухо спросила:

– Чей это ребёнок?

Митька шевельнул носком ботинка ледяной ком. Что с этим комом делать дальше, он не знал. А потому взял и с треском раздавил.

– Наш! – твёрдо и уверенно произнёс он, всем своим видом давая понять, что разговор на эту тему закончен.

Галина Ивановна беспомощно замычала, закрыла глаза и опустилась на заснеженную скамейку. Митька сидел рядом и почему-то вспоминал Болгарию. Как Галина Ивановна мазала ему йодом синяки и ссадины после драки с аборигенами. В ней тогда была такая сила, такая уверенность, что он, Митька, почти не чувствовал боли. Эта боль вернулась к нему

сейчас. Болело всё тело, словно избитое чьими-то беспощадными кулаками. Тронь в любом месте, заледенеет всё внутри...

Галине Ивановне нужно было уезжать домой. Она отпросилась с работы только на день. Что говорить, был у нее порыв забрать Риту из больницы, но Митька уговорил не делать этого и заверил, что будет навещать Риту каждый день, а когда ее выпишут, проводит на вокзал и посадит в поезд, предварительно сообщив им об этом.

Ходил к Рите каждый день. Говорили о всяких пустяках. А в день её выписки в школу не пошёл, привёз Риту на такси домой. Мать была на работе, Люська в школе. Постелил чистую постель в своей комнате. Провёл девушку в ванную. А сам пошёл ставить чайник. На подоконник сел голубь, стуча клювом в заиндевевшее стекло. Митька открыл форточку, бросил гостью горсть рисовой крупы. Голубь довольно загурковал, приглашая на трапезу голубку. Та не заставила себя долго ждать. Тут же подлетела и принялась торопливо клевать зёрна. Распушив правое крыло, голубь принялся любовно обхаживать голубку. Потом набрал в клюв снега, поднёс к клюву подруги. Как целуются птицы Митька видел впервые! И не мог оторвать замороженного взгляда от этой влюбленной пары. И вдруг каким-то шестым чувством почувствовал за спиной присутствие Риты. Обернувшись, решительно прижал девушку к себе, блаженно вдыхая тонкий аромат ещё мокрых волос. А потом всё было так, как должно было быть. Кто-то мудро сказал, что браки свершаются на небесах. Их души были там, где не существует время и реальность.

Хандра

Рита уехала в тот же вечер. Дождаться маму с работы категорически отказалась.

И умоляла пока ни о чём ей не говорить. Митька дал слово. Да и как иначе, когда Рита и без того вся тряслась. И было жаль её до слёз. Да и мать последнее время что-то больно плохо выглядела. Лучше, конечно, с такими новостями пока повременить.

К тётке тоже не пошли. Отвезли сумку на вокзал, сдали в камеру хранения, купили билеты и, в ожидании поезда, сидели в привокзальном ресторане, молча пили чай с пирожными и смотрели друг на друга, пытаясь взглядом проникнуть в самые тайные закоулки души.

И снова потянулись унылые дни. В школу ходить заставлял себя Митька с трудом. Все уроки сидел, уткнувшись глазами в стол. Учителя сначала изрядно донимали, а потом, словно сговорившись, все разом отцепились. Радость доставляли только письма по «электронке». Посланиями с Ритой обменивались почти каждый вечер. В выходные связывались по мо-

бильнику. О самом главном спрашивать Митька как-то стеснялся. Всё обходил эту тему. И всё же однажды собрался с духом:

– А как твоё здоровье? Как там наш малыш? Что врач говорит?

Рита долго молчала. Потом, как-то неуверенно цепляя слово за слово, всё-таки стала рассказывать. Картина вырисовывалась далеко не отрадная. Её сильно тошнило. Почти ничего не могла есть. По всему телу шёл какой-то нестерпимый зуд. Митьку передёрнуло: и как только они всё это выносят? Но и утешить было нечем. Что он в этом понимал?! Хотя..., в интернете, конечно, копался, выискивал информацию.

В один из выходных мать попросила съездить к бабуле. И дров помочь поколоть надо было, и снег раскидать. Давно уж в деревне не были. Мобильник не взял. Всё равно вышки рядом нет.

Бабуля от радости была на седьмом небе. Сразу с пирогами затворилась. Митькины любимые, с брусникой, с творогом. Он для начала в работе размялся, топором помахал. Да не просто, баловства ради, а такую грудку наколот, что бабуле за неделю не уложить будет. Потом взялся воду носить да баню топить. И чтоб, как у деда, всё по правилам: можжевельниковые ветки для массажа, отвар из мяты для споласкивания, квас на каменку для хлебного духа. Настегав себя берёзовым веником, окунался в прорубь. После первого раза – потолок перед глазами танцевал. Долго отлёживался на деревянных лавках предбанника. На третий – взгляд твёрдым стал, на пятый – ноги уж не пылали, когда по снегу до проруби бежал. Ко всему привыкает организм. И только кожа, как у леопарда стала, бело-малиновыми пятнами и с рисунком, похожим на военную защитную сетку. Конечно, одному в бане не тот кайф, вспомнилось, как терли, бывало, с дедом друг другу спины до скрипу, а вечером, «фурындая чай» (любимая бабулина фраза) с малиновым вареньем вели неспешный разговор за жизнь. За окном деревянного дома шуршала о фундамент снежная сумятица. От ветра нервно подрагивали ситцевые занавески. В такие минуты Митька любил выключать свет и зажигать восковую свечу. Испуганно трепыхался плаксивый фитиль, на стенах неуклюже ворочались огромные тени. Время от времени метель швыряла в окна колючими крупинками. Плотнo прижавшись к стеклу, они обволакивали его каким-то затейливым узором, на котором оконные перекладины выглядели мистическим крестом.

Пили чай и в этот раз, да вот только разговор был не из лёгких. Бабуля всё пыталась, как там мать, даёт ли о себе знать отец. И всё, сокрушаясь, качала головой, предаваясь своим горьким мыслям. И Митька не выдержал: быстро разобрал постель да уткнулся носом в подушку. Хорошо ещё, что бабуля ничего не знает о его делах. А то бы и вовсе извелась.

В город возвращался с каким-то недобрым предчувствием. И сразу к компьютеру, почту проверить. Но писем от Риты не было. В мозгу будто сигнальную лампочку включили: что-

то случилось! Как ни отрекся от этой мысли, она не выходила из головы. Схватился за «мобильник». И, услышав ее тихое «Аллё!», взволнованно спросил:

– Рита! Где ты?! – Она молчала так долго, что Митька не выдержал, взмолился: – Ну, зайка, не молчи, скажи!

– В больнице. На гинекологии. У меня не будет ребенка.

Голос ее звучал так сухо и так отрывисто, что в богатом Митькином воображении закрутилась фиолетовая «мигалка», только без воющего звука. В интонации Ритино го лоса ни одной знакомой нотки! Словно весь мир вокруг сделался безрадостным, безвкусным и бесцветным. И, как ни пляши, никуда не деться от этой серой приставки «без».

– Ты сама пошла в больницу? – еле слышно выдавил из себя Митька.

– Нет! Так получилось!

За последней фразой стояло что-то такое мучительно-непробиваемое, что все вопросы у Митьки забуксовали где-то под кадыком. Он молчал. Молчал долго. И, казалось, прошла уже целая вечность. Наконец, спросил, почти шёпотом:

– Когда тебя выписывают?

– Завтра.

– Тогда я выезжаю! Сегодня вечером!

– Нет! Я хочу побыть одна!

– Ты не хочешь меня видеть?!

– Я хочу побыть одна! – капризно повторила трубка. И Митька понял: надо отступить. И вдруг на горизонте замаячила подозрительная мысль: не думает ли она ...?! И от недобрых предчувствий этих разом исчезли все слова. Попрятались, как тени в знойный полдень. Ну, как доказать, что ты не верблюд?!

– Рита! Почему ты со мной так разговариваешь?

– Ты ведь умеешь концентрировать мысли, не так ли?

Ни финты себе! Это называется: за что боролись, на то и напоролись!

– Рита!!! Прошу тебя: не думай обо мне так!

Телефон отключился. Попробовал набрать ее номер еще раз. Но бездушный женский го лос автоответчика твердил и на русском, и на английском: "Телефон отключён или находится вне зоны действия сети".

Давно заметил, когда у человека на душе скверно, мир вокруг сразу меняет своё обличье. Взгляд непременно зацепится за что-нибудь плохое. Вот и берёзу эту взять! Спилить её что ли?! Всё время скребётся ветками в окно! Вымахала аж до второго этажа. В Люськиной комнате светло, а тут, как в подвале! Зимой без света находиться невозможно! И город тоже мёртвый какой-то! После восьми вечера собака по двору и та не пробежит. Скорее бы уехать

куда-нибудь. Хандра затягивалась в узел. Тело, словно бастовало, не хотело делать абсолютно ничего. Каждый шаг – через силу. Гантели покрылись пылью, вещи в комнате забыли свои места и валялись, где им вздумается. Онемел компьютер. И даже кровать не заправлялась. Общение с домашними давалось с трудом. От Люськи отмахивался, как от назойливой мошки. Матери просто машинально кивал и на все вопросы – только три ничего не значащих ответа: «Ага!», «Не-а!», «Нормально!».

Кто знает, как долго продолжалось бы всё это, но однажды в его комнату зашла Люська. Как обычно, по-турецки села посреди ковра. Митька понял: надолго. И сказать хочет что-то важное. Стали молча настраиваться на контактную волну. И первой в открытый эфир вышла сестрёнка.

– Мить! Папка не пишет?

Митька покачал головой. Он лежал на диване, заложив руки за голову. Писем от отца так и не было. А прошло уже более двух месяцев.

– Интересно, как он там? – сдув со лба длинную чёлку, по-взрослому спросила Люська.

– Его дело! – сказал, как отрубил Митька. Хотя, чего уж там перед собой лукавить, молчание отца беспокоило и его. Словом, над всей семьёй нависла какая-то мгла, тёмная, тревожная, беспросветная.

– Мить! Мамка болеет чем-то! Смотреть на нее – сил нет.

Митька впервые за последнее время внимательно посмотрел на сестрёнку. За эти месяцы она сильно изменилась. Нос вытянулся, заострился. Вечно растянутый в улыбке рот собрался в строгую ноту «до». В мимике, жестах появилась какая-то чисто женская забота. Сестрёнка постоянно крутилась вокруг матери, помогая ей во всем, хоть та, если честно, и не просила об этом. Все чаще, придя домой с работы, мать приносила им из магазина что-нибудь такое, что можно было сразу кинуть на сковородку, и ложилась, отказываясь от ужина. Жаловалась, что сильно колотится сердце. Похудела, осунулась. Глаза блестели как-то странно. Вокруг глаз темные круги, словно небрежно наложенные фиолетовые тени. Ела мало, без аппетита. Но, что самое странное – у неё почему-то сильно тряслись руки. Даже сковорода не раз падала на пол, разбрызгивая по кафельным стенам кухни аппетитное содержимое. А ещё могла расплакаться без причины и рыдать несколько часов подряд. Фильм ли шёл какой, или звучала по радио знакомая песня. «Мам! – как-то невесело пошутил Митька. – Ты, наверное, и по Красной Шапочке скоро будешь плакать...» Шутки – шутками, а дело принимало серьёзный оборот. И в этом сестрёнка была убийственно права.

– Я хотела в деревню позвонить, чтобы бабуле передали, но она не разрешает. Нечего, говорит, бабушку расстраивать. У нее и так высокое давление. А сама как тень по дому ходит. И толком не говорит, где болит.

Лицо у Люськи сморщилось. Челка прилипла к мокрым глазам.

– Мить, ты папку мыслями верни, а?

Митька покрутил у виска пальцем. Вот выдумала! Может, ещё предложит к бабкам сходить, приворот заказать?!

– Мить, я серьёзно. Ты подумай об этом, ладно? Ну что тебе стоит!

– Да что ты мелешь?! Что я тебе, колдун какой!

Встал и молча прошел к матери в комнату. Она лежала, отвернувшись к стене.

– Мам, ты бы в больницу сходила, – осторожно начал он. – Может, у тебя болит что? Без причины ведь такого не бывает.

Мать развернулась к нему и тихо попросила:

– Прикрой дверь.

Долго молча смотрела на него, словно изучала каждую черточку лица. Митьке стало не по себе. И сразу внутри все сжалось, словно организм приготовился к чему-то неотвратимо страшному. И молчать было невмоготу.

– Мам, ты чего?

– Мне кажется, что рак это.

– Да ты что! – вытаращился на неё Митька. – Почему так решила?

– Душит меня. Вон на горле опухоль какая, посмотри!

Мать говорила это с такой безысходностью, будто уже приговорила себя к плохому концу и теперь только покорно выжидала своего часа. В комнате стояла мёртвая тишина, даже часы тикать перестали. На какое-то мгновение Митьку обволокло липким ужасом, который парализовал все тело. Он передёрнул плечами, сбрасывая с себя оторопь, и нарочито громко произнес:

– Значит, так! Сейчас я даю бабуле телеграмму. Пусть приедет и погостит. На работу больше не пойдешь, утром вызову участкового врача. И хоронить тебе себя раньше времени не позволю!! Эх! Дед бы сейчас тебе сказал! Рак – дурак! – Говорил и чувствовал, как исчезает страх, как прибывают силы. – Каждый человек может сам себя вылечить, если очень этого захочет. От наших мыслей зависит все! – Говорил и сам удивлялся: откуда это у него всё? Но свято верил в то, что говорил.

К вечеру следующего дня бабуля была уже у них. Ее приезд внёс в дом какое-то суетливое оживление. Сначала, как это обычно бывает, женщины всплакнули, потом успокоились, разговорились. Голос у матери окреп, зазвучал громче. А Митька, закрывшись в своей комнате, мысленно разговаривал с отцом, умолял его откликнуться, прислать весточку.

Проверяя почту, твердо знал, что получит долгожданное письмо. И, получив, даже не удивился. Письмо было небольшим: «Димка! Привет! Как вы там? Как мать? Как у вас с

учебой дела? Напиши. Что-то у меня на душе кошки скребут! Напиши сразу, как получишь письмо, ладно? Отец».

И полетела по-мужски сжатая информация: «Пап! Привет! Мама заболела. Серьезно. Что с ней, не знаем. Мы вызвали бабушку. Может, приедешь? Дима».

А через минуту – шлеп! Ответ! «Приеду в субботу утром. Жди!»

Митька бегал по квартире пропеллером. Но женщинам ничего не говорил. Люська у виска пальцем крутила, мол, совсем рехнулся. И мать, как будто что почувствовала. Оживилась, глаза повеселели. Да ещё соседка, тетя Нина, пришла, наругала её за то, что себе в голову всякую ерунду вбивает. Уверила, что опухоль скорее всего от щитовидки, а этим страдает половина женщин после сорока. В болячках Митька плохо понимал. Одно усвоил: тётин Нинин диагноз лучше. К тому же она всё-таки фельдшер. А щенячья радость так и распирала. То бабулю поцелует, то Люську с места на место переставит, будто та кукла какая.

– Митя! Ты чего так разбежался-то? – со смехом напустилась на него бабуля.

– Да так! – лукаво взглянул на мать Митька. – Мам! Сегодня какой день недели?

– Среда, – удивлённо откликнулась та. – Ты что, в школу не ходишь?

– Почему не хожу? Хожу, да забыл! – засмеялся Митька. – Мам, а ты встань, вместе все чаю попьем. Бабуля твои любимые оладьи из тыквы испекла.

Мать заскрипела кроватью, накинула халат и, неуверенно, держась за стены, словно ребенок, который только что научился ходить, прошла на кухню. И сразу в кухне сделалось уютно. Люська щебетала без умолка, как маленькая птичка в теплый весенний день. Ей, наверное, казалось: стоит закрыть рот – беда снова распустит свои страшные щупальца. А мать даже съела несколько блинов. И чаю попила. Бабуля и вообще держалась молодцом. Как говорил дед: "Ни грибов, ни мокроты!" А после ужина Митька сагитировал Люську на уборку квартиры. Трясли, мыли, пылесосили – пыль столбом. С каждой минутой сил и азарта прибывало всё больше. И у него, и у Люськи. Как заведённые. Бабуля сквозь улыбку ворчала:

– Ну, разбегались! Как перед концом света! Того и гляди, с ног собьют!

В ночь с пятницы на субботу Митька почти не спал. Лежал с закрытыми глазами и прокручивал разные ситуации предстоящего разговора с отцом. Самое главное, чтобы отец почувствовал, что это его дом, где каждая вещь помнит тепло его рук и те добрые моменты, каких было в их семье, в общем-то, немало. Особенно ярко всегда вспоминался Новый Год. На них с Люськой возлагалась обязанность украшать гостиную. Они развешивали вьющиеся ленты серпантина, сверкающие пряжи разноцветного дождика, ажурные снежинки – плоды Люськиных вдохновенных фантазий. Отец устанавливал в углу ёлку, пряча под ветви лампы гирлянды, и шёл помогать матери готовить на праздничный стол. Отцу почему-то все-

гда очень шёл передник. Ему, будто на роду написано было, поваром быть. Митька в этот раз, помогая кухарить, тоже отцов передник нацепил, но мать на это среагировала, мягко скажем, «неадекватно». Выронила кастрюлю из рук, разлив аппетитный холодец по полу кухни. Хорошо не весь. Вместо обычных четырёх тарелок получилось две. И с этого момента весь праздник пошёл как-то наперекосяк. Вместо брызг радости – слёзы, тягостное молчание и горькие пожелания счастья, уже отдающего нафталином. А потом все втроём уткнулись в телевизор, чтобы скромно и незаметно приютиться в уголке шумного концертного веселья.

Отец позвонил в дверь рано утром, когда женщины еще спали. На звонок Митька спрыгнул с кровати так резво, что ушиб большой палец об угол письменного стола. Хромая и превозмогая боль, открыл дверь и обнял отца. Пока тот раздевался, отнес его сумку в свою комнату. И молча поманил его рукой, мол, сначала ко мне зайди. Отец понял. На цыпочках, чтобы не скрипеть половицами, последовал за сыном и плотно прикрыл за собой дверь.

– Ну, как ты, пап? – Само собой слетело с пересохших Митькиных губ.

– Да что обо мне! – махнул он рукой. – Скучаю по вам очень! – И отвел в сторону блеснувший слезой взгляд. Отца всегда считал Митька человеком сильным, и пробить его до слёз могло лишь событие из ряда вон выходящее. Значит, интуиция не подвела. В Питере отцу без них жилось не сладко. Справившись с собой, отец продолжал: – Последнее время места нигде себе не находил. Душа на части рвалась! – и потёр рукой грудь, видно, успокаивая сердце. – И видишь ты, предчувствие не обмануло!...

– А чего не писал? – пытал Митька.

– Хотел, чтобы привыкли без меня. А, может, чтобы я без вас!... Только не получилось!

– А родился у тебя кто?

Отец потупил взгляд, долго молчал, выискивая подходящие фразы. В конце концов, решил сказать прямо, без обиняков.

– Не стала она рожать. Не захотела. Себя любит очень. Да что об этом говорить! Вы-то тут как? Я как письмо твоё прочёл, всё внутри перевернулось!

Говорили, как два взрослых, на равных. Будто не два месяца, два десятка лет с тех пор прошло. Чтобы не тяготить отца былым, Митька перевёл стрелки на мать. Говорил так сухо и скупно, словно не рассказывал, а зачитывал присланную кем-то телеграмму.

– Ослабла мать очень, похудела. Боится в больницу идти, думает, что рак. Душит, говорит. Шея, и правда, припухла. Плачет часто. Как ребёнок: ни с того, ни с сего. И руки трясутся. Ты её поддержи, ладно? – и тихо добавил: – Любит она тебя!

Отец понурил голову, как провинившийся школьник. И опять, как это однажды случилось в Болгарии, Митька вдруг почувствовал себя значительно старше отца.

– Я к вам вернуться хочу! Не могу я там! Не моё! Как думаешь, простит меня мать? – И отец взглянул на Митьку с такой мольбой, как смотрят на чудотворную икону. Вот дела! А он-то, Митька, что? Бог, что ли?! Для порядка шмыгнул носом и уклонился от прямого ответа.

– Дед бы простил!... Попробуй, найди слова.

– Ясно! – зачем-то потёр шею отец. – Ты её подготовишь или мне сразу в комнату войти?

– Лучше сам!

Отец резко устремился к двери. Потом вдруг развернулся и крепко, по-мужски, пожал сыну руку.

«Дед! Выручай! – горячим шёпотом взмолился Митька. – Помири их! И тогда мамка правится, я знаю!»

– Митя! Это ты всё там ходишь? – донесся из гостиной полусонный бабушкин голос.

– Да, я! Пить хочу, – сонно откликнулся Митька. – Ещё рано. Ты спи, бабуль, спи!

И замер, стараясь уловить хоть какие-то звуки, чтобы понять, что творится у матери в спальне. Но в комнате было так тихо, что Митька засомневался, там ли отец? Тихонько прошёл в кухню. В кухне отца не было. В ванной тоже. И в туалете свет не горит. Люська спит. Бабуля в гостиной. У матери. Где ж ему ещё быть! Ну, пусть помолчат...

P.S. Первый день весны

Первый мартовский день прямо-таки упивался солнечным светом. Солнце, умытое и повесенному яркое, время от времени пряталось за легкие, будто ватные, облачка и снова кокетливо выглядывало, расплываясь в ослепительной улыбке. Так и представляешь детскую картинку: солнышко на ножках, и рот – от уха до уха. Почему весной у всех такой балдёжный вид?! Шальная радость так и брызжет со всех сторон: с позолоченных куполов обновлённого собора, с железных рекламных щитов, по которым гулко бьёт головой хулиганистый ветер, с оголённых, а потому застенчивых ветвей старых тополей. Уж им-то, казалось бы, какой резон радоваться? Давно уж помечены красной краской, то бишь приговорены под снос. Хотя, и тополиным пням быстро нашлось применение. Старушки сделали из них цветочные клумбы и теперь всегда были при деле: рьяно гоняя от них бомжей, стоило тем приютиться где-нибудь около, с пивком.

Митька шёл из школы и улыбался, вспоминая мать с отцом. Так и ходят за ручку, как молодожены в медовый месяц. О прошлом никто в доме не вспоминает, словно и не было ничего такого, обычная командировка. Бабуля, даже уезжая, виду не показала, что знает всё.

Люська с колен отца не сходит, так и висла бы у него целыми днями на шее. Вид, как у пятилетней. Снова в детство впала. Отец млеет.

Когда он уехал в Петербург за вещами, Митька держал на нём внимание каждый день. Про себя твердил, словно заклинал: «Вернётся! Вернётся! Вернётся!». Чтобы – упаси Бог! – никаких сомнений! Отец в Питере даже не ночевал. За день обернулся, и все вопросы рабочие решил. А потом несколько дней мать по разным больницам возил. Выяснилось: проблемы, как и говорила тётя Нина, со щитовидкой. Поставили в план на операцию. Митька успокоился. Всё будет хорошо. И никакой там не рак! Поправится. Точняк! Главное, чтобы мысли работали в нужном направлении.

А сам каждый вечер писал Рите письма. Она не отвечала. Но он всё равно писал, каждый Божий день. Знал: капля камень долбит. Выбирал из книг подходящие абзацы, где описывались сильные чувства героев, и, заключив текст в кавычки, отправлял, сделав соответствующую ссылку: «Толстой», «Достоевский», «Чехов»... Столько произведений перечитал! (Знала бы Маргарита Рашидовна!) И сделал для себя потрясающее открытие: оказывается, в любви все люди – единомышленники. И страдают от этой болезни все почти одинаково. Хоть прошлый век взять, хоть нынешний. А потом отправил Рите потрясающую открытку. На открытке весенняя лужа, в которую, с явно случайного облачка, падают крупные капли дождя. На тучку, подставив к глазам руку, с удивлением смотрит фиолетовый подснежник. Внизу, под подснежником, написал: «Рита! С праздником весны! Как ты, зайка? Ответь! Я так скучаю!!!» И был уверен на все сто, что ответ придёт. Потому что мыслями успел заглянуть в будущее. И оно открылось самой светлой стороной. У них с Ритой трое детей: два мальчика и девочка. Он руководит исследовательским Центром по изучению мысленной энергии. Рита пишет художественные книги. Люська работают под его началом и очень помогают в анализе экспериментальной деятельности. Мать с отцом живут вместе с бабулей в деревне, куда так любят ездить они, их дети, вместе с внуками.

Не успел отправить сообщение, как зазвонил «мобильник»:

– Димка! Это я! Прости меня, слышишь! Люблю я тебя, Гуманоид ты мой милый! – И голос дрогнул. – Приезжай на праздник, а?!

– Ты что научилась мысли читать?! Умница! С чем тебя и поздравляю! Обязательно приеду!

Болтали долго, пока не кончились деньги. И Митька сразу летом на вокзал за билетом. Купить туда и обратно заранее, чтобы не переживать. Перед Женским днём на вокзале будет столпотворение, как и перед цветочным магазином. Какой мудрый человек придумал этот праздник?! Наверное, каждому мужчине, подарившему в этот день женщине цветы, Богом прощаются многие грехи. У деда к этому дню всегда зацветала поставленная в воду верба.

Надо будет купить цветы не только маме и Рите, но и Люське. Тоже взрослая уже. И Митькина душа переполнилась радостью предстоящих перемен. Жизнь тем и интересна, что в ней всё время что-то меняется, что-то происходит. За зимой спешит долгожданная весна, за весной вальяжно выступает лето, за летом рябиновой кистью робко стучится в окно осень. Наверное, правда, в каждом времени года своя прелесть. Зря, что ль, Пушкин писал: «Унылая пора, очей очарованье!..» Тут вспомнились и мудрые слова деда: «В любом возрасте, Митька, свои радости. Только об одном Бога молю, чтобы дал умереть в свой счастливый срок. Пока не в обузу родным да близким, пока ты всем нужен, пока тебя любят, и ноги благополучно носят по земле». Выходит, что дед тоже не желал вечной жизни. А, значит, «Гулливвер», что-то в твоей идее воскресения не состыковывается. А, может, время не подошло? Так пусть всё идёт своим чередом. К осени он непременно переберётся в Петербург. В этом не сомневался. И всякого рода экзамены его, Митьку, не пугали: ни выпускные, ни вступительные. Всё будет так, как он это себе представляет. Потому что мысль – это сила! Поднял счастливые глаза к небу. «Дед? Ты меня слышишь?» И тут же в голове прозвучало такое знакомое и родное: – «А то!»